

Владимир Душин

АФГАНСКИЕ ПЕРЕЛЁТЫ

Владимир Душин

Афганские перелёты

Спецкомандировка
в действующую 40-ю Армию
в ДРА

Москва
ТПП-Информ
2013

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Д 79

15 февраля 2013 года исполняется двадцать четыре года со времени вывода Объединённого контингента советских войск из Афганистана.

Продолжавшаяся около десяти лет так называемая афганская война (1979–1989), без преувеличения, вошла в современную историю как драматическая, всесторонне ещё не изученная и неоценённая её страница. Не утихает боль тех, чьи родные и близкие никогда уже не вернутся домой. Долго ещё среди нас будет жить целое поколение «афганцев» – людей, прошедших войну, узнавших цену человеческой жизни, верных боевому братству, активно участвующих в деятельности общественных «афганских» организаций и так порой непохожих на своих никогда не воевавших и не носивших военную форму сверстников.

Несмотря на то, что издано достаточно много книг и материалов об афганских событиях, сегодня существует настоятельная необходимость восполнения дефицита правды о войне в Афганистане.

Ветеран боевых действий в Афганистане Владимир Николаевич Душин сохранил свои впечатления и воспоминания о тех событиях, встречах с офицерами, солдатами, а также со специалистами оборонной промышленности. Всему этому посвящена предлагаемая читателью книга.

Кандидат исторических наук полковник в отставке Н. И. Пиков

Душин В.Н.

Д 79 Афганские перелёты. Спецкомандировка в действующую 40-ю Армию в ДРА [Текст] / Владимир Душин. — М.: ТПП-Информ, 2013. — 176 с., ил.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© В Душин, 2013 г.
© ТПП-Информ, оформление, 2013 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЗИМА

1

Москва

Афганистан! Предполагал когда-либо народ нашей страны, что Советская Армия: наши солдаты, сержанты, прапорщики и офицеры – отцы, дети, братья – будут на этой мусульманской земле вести боевые действия, в прямом смысле воевать и даже оставлять свои жизни.

Но вот политики приняли политическое решение, и события развернулись по времени на будущих целых девять лет. Войска Советской Армии стремительно пересекли государственную границу, вошли в дружественный Афганистан и разместились палаточными гарнизонами по основным провинциям и городам страны по всему Афганистану. Было введено, естественно, много боевой и обслуживающей техники. Но с первых же дней ввода возникли определённые проблемы при её эксплуатации, проявились серьёзные недостатки боевого применения в связи со специфическими природными и климатическими особенностями страны.

Всем известна банальная истина: лучшая проверка и оценка вооружения – это применение его в боевой обстановке и в совершенно различных погодных и временных условиях, а также желательно располагать самыми различными ландшафтными условиями. Недостатки проявились по многим вопросам: как в ведении боевых действий, так и в обеспечении быта как частей и подразделений, так и самого руководства.

Тем более что ввод был осуществлён 27 декабря 1979 года. А ведь это зима. Хоть и на юге, но в условиях снежного, холодного высокогорья, что добавило серьёзных сложностей и даже приводило к человеческим жертвам.

Декабрь 1980 года.
Перед отправкой
на задание.

Таким вступлением я начал воспоминания для того, чтобы появилась ясность в вопросе, почему спешно возникла необходимость таких командировок, какую пришлось по решению командования возглавить и выполнить мне, младшему научному сотруднику 38-го НИИИ Министерства обороны СССР. Всё началось с того, что пошли доклады о трудностях организации радиосвязи в войсковом звене в горных условиях Афганистана. Возникла конкретная практическая задача: как обеспечить надёжную, бесперебойную радиосвязь в горах? Для этого необходимо было провести совместную работу специалистов по теоретическому обоснованию предполагаемых способов решения этой проблемы. В дальнейшем перевести всё это в схемы, сделать в металле и провести предварительные испытания. Испытания необходимо провести хотя бы в наших условиях средней полосы. Но желательно получить положительные начальные результаты, подтверждающие теоретические замыслы наших товарищей-связистов, соисполнителей из 16-го Центрального НИИ связи также Министерства обороны и Запорожского радиоинститута. Вся работа была ограничена очень короткими по времени сроками исполнения, всего лишь одной выездной экспедицией. На это активно работало командование института, начальство из НТК Главного бронетанкового управления, а также НТК управления Начальника войск связи. Уже в марте были готовы макеты в кустарных производственных условиях и сразу же провели экспедицию для испытаний радиосвязи на реальных дальностях в триста пятьдесят километров с заездом в Смоленскую область.

Испытания дали положительный результат и общее удовлетворение от работы коллективам обоих институтов. И тут же по ито-

гам этой творческой работы в виде письменного научного отчёта, написанного мною, и по отработанному и проверенному макету на Челябинском тракторном заводе сделали окончательный вариант оборудования для модернизации объектов. Завод произвёл такое количество, какое точно соответствовало бы числу машин, подлежащих переоборудованию в войсках. Это были уже давно выпускемые серийно командно-штабные машины на гусеничной базе БМП-1 КШ (КШМ). Вот они-то и подлежали доработке. Была издана соответствующая директива главкома Сухопутных войск, в которой был определён состав моей группы, включая специалистов науки и промышленности, а также уточнены вопросы организационного и материального обеспечения. Состав группы был подобран и утверждён такой, чтобы грамотно и надёжно сделать переоборудование на конкретных образцах непосредственно в войсковых условиях, прямо в местах их расквартирования в Афганистане. О чём я и получил, как руководитель этой команды, подробнейший инструктаж у высокого начальства на Фрунзенской набережной, а именно в кабинете генерал-лейтенанта В.В. Дикого.

А начальство поменьше в это время организовывало заграничные служебные паспорта, визы и другие необходимые документы. К примеру: необходимо было разрешение для таможни на право провоза нашего имущества без досмотра. А груза у нас была целая тонна и даже ещё сто килограмм. Этот груз собирался по линии военной приёмки на далёком сибирском тракторном заводе в Челябинске, упаковывался в таком виде, чтобы мог выдержать все мыслимые и немыслимые условия перевозок: самолётами, вертолётами, на борту бронетанковой и автомобильной техники по горным дорогам. Кто знает, какие перевозки там будут в реальности?

Возглавив эту группу и уехав для сбора команды в Челябинск, а потом уже вместе со всеми в Кабул, я решил сразу делать для памяти кое-какие записи, хотя я и не ставил перед собой раньше такой задачи. Но всё-таки из интереса и спортивности и азартности своего характера решил, что какие-то пометки по событиям и людям на всякий случай буду делать. И правильно решил, потому что поездка оказалась длительной, двухзаходовой и насыщенной как деловыми впечатлени-

ями, так и контактами со многими самыми разнообразными людьми: от больших начальников до солдат, сержантов боевых подразделений. А также и знакомством с бытом войск в полевых условиях, с работой и проживанием в этих условиях войны нас самих. И всё было как ответственно, так и интересно и, безусловно, просилось на бумагу. В то же время пришла шальная мысль о том, что, может быть, всё это пригодится в случае, если, паче чаяния, по какой-либо причине придётся держать ответ. Мало ли, как могут повернуться дальше события? Всё это вылилось в короткие, буквально в несколько строчек за каждый прожитый день, заметки на страницах школьной тетрадочки, обрабатывать и расшифровывать которые понапачалу абсолютно не собирался. Но тетрадь добросовестно пролежала пятнадцать лет в столе и даже переехала со мной после увольнения из рядов Советской Армии в Москву, к выбранному месту постоянного проживания. Как говорят шаблонно в таких случаях литераторы, материал созревал, всё время напоминал о себе и выбрасывать записи рука, конечно, не поднималась. Поэтому, дабы его реализовать для себя и вспомнить всё, что было, решил эту дневниковую запись, сделанную очень пунктуально почти за каждый день, расшифровать и по возможности, не нарушая хронологической последовательности, вспомнить уважаемых людей, основные события, сопровождавшие нас при выполнении этого ответственного задания. Как было принято писать и говорить: задания Советского Правительства и командования. Это было действительно так, потому что все мероприятия, и не только по нашей технике, но и по другим направлениям, носили правительственный характер, за что впоследствии, но не сразу, как надо бы, государственными решениями Союза ССР было это оценено как выполнение специального задания Правительства СССР.

Какую-либо оценку нашим делам и, вообще, тем месяцам я со своей колокольни делать не имею права и давать не буду. Постараюсь только соблюсти точность в воспоминаниях о прошедших событиях, а также дать, если сумею, кое-какие, по моим способностям к наблюдению, характеристики окружающих в те дни меня людей.

Подготовка к командировке, наконец, по всем службам закончилась, в том числе и моя личная, состоявшая в обдумывании вопроса, изуче-

нии документации, осознании возможного хода будущей работы и методики её выполнения, а также, главное, в объективной оценке её результатов. Помимо этого были и личные сборы: чемодан, бритва, бельё и т. д. В том числе и обязательная пара бутылок водки – всё, что можно провозить через границу.

Командировка началась! Вечером, уже по темноте, попрощавшись дома с женой, пешочком пришлось идти на Кубинку к электричке, а затем уже ехать до аэропорта Домодедово, где назначена встреча с Геннадием Морозовым, представителем научной мысли нашей доработки ЦНИИ связи, подполковником. Встретились без опозданий и вылетели благополучно. Повезло, потому что даже при сильнейшем снегопаде вылет всё-таки не задержали.

Приказ по институту на убытие в командировку был отдан 8 декабря. К сожалению, по тексту его было сказано, что я убываю в спецкомандировку, но без указания страны пребывания – ДРА. Скрытничают кадровики, как всегда, хотя тайны в этом никакой нет. Жаль, что эта скрытность позднее сказалась при оформлении положенных документов в военкомате на льготы. Но факт и реальность налицо. Потребовалась очень длительная и бестолковая формальная переписка с собственной любимой частью и сменившимся к тому времени командованием, меня не знающим и поэтому не желающим что-либо предпринимать. Вообщем, военкомат изрядно помучился в переписке, пока собирали все необходимые подтверждения и оформил мои льготы как афганца. Мы уже летим и полётного времени много. В связи с этим на борту стюардессы дали перекусить положенный лётный ужин. После него чуток поспали. Рейс был ночным, и весь самолёт погрузился в сон.

2

Гостеприимный Челябинск

В 5.30 по местному времени приземлились в аэропорту Челябинска. Нас никто не встретил, как предполагалось. Сразу далёкий от города аэропорт, заснеженный и холодный, стал для нас очень неуютным. Ночь, по сути, мы не спали, встречающих нас

с машиной не оказалось, и надо было самим добираться в город, в любую гостиницу, на общественном транспорте. Усложнялось дело тем, что ни я, ни Геннадий города не знали: появились здесь в первый раз. Поэтому, сев в автобус, в город поехали наугад, решив прежде всего искать центральную гостиницу, которая, как нам уже сказали, называется «Урал». Вышло так, что и сошли не там и потом тащились целую остановку по заснеженному и ещё не убранному утреннему просыпающемуся городу. Так в шесть часов и вломились в вестибюль этой гостиницы. Заказа «случайно» на места на нас не было, а в обычном порядке захотели разместиться, так получили сразу ответ: «мест нет», как всегда во всех наших гостиницах. Сели в кожаные кресла в ожидании девяти часов, начала работы на предприятии, и окунулись в приятную дремоту под фикусами. Слегка дремлем, время идёт медленно. В 9.00 иду на телефон к администратору и с милостивого разрешения звоню в военную приёмку полковнику Друзяку. Секретарша, к счастью, уже на месте, но ничего о нас ей не известно. Сообщают, что мы в «Урале» и жду её информацию. Она же сразу доложит по прибытии начальнику приёмики. Вот эта наша русская распорядительность и разгильдяйство. В каком месте разорвалась цепочка и пропала информация? Просто уже только интересно. То ли Смирнов не успел дозвониться, то ли здесь отнеслись наплевательски? Обидно! В какой это армии могут два старших офицера при официальном задании встречать подобное отношение? Спросим между делом, когда вернёмся.

А пока ждём в холле. Звонок! Администраторша меня приглашает к телефону. Да, звонок с завода. Попросили подождать ещё немногого, пока подойдёт машина.

Машину выслали – «Волгу», которая нас заберёт, и для нас определено для проживания совсем другое место – в заводской гостинице. Машина приходит довольно быстро. Загружаем её своими чемоданами и добираемся до гостиницы, устроенной в квартире жилого дома недалеко от завода. Это, в принципе, хорошо – жить нам здесь два-три дня. У нас отдельная комната, спокойно и тихо. На кухне даже можно готовить по вечерам самим еду.

Но сейчас – спать, спать, и мы в одиннадцать утра заваливаемся в кровати и вдоволь, до двух часов, отсыпаемся за всю непутёвую ночь. Следующая наша задача: пообедать за всё прошедшее и уж потом навестить предприятие. Нам показали ближайшую столовую, которая оказалась даже как кафе, с официантками. Время было ни обед, ни ужин – зал пустой. Но нас накормили вкусно и прлично. Теперь можно, перекурив, броситься в работу. Прогулялись пешком до знаменитого Тракторного завода, и из бюро пропусков позвонил Друзяку. Получил от него команду отдохнуть до завтра. Утром будет заявка на пропуска, а сейчас уже пятый час и встречаться нецелесообразно. Всё правильно. Но ведь теперь с семнадцати часов нам что-то надо делать? Болтаться по холодному и заснеженному городу интереса никакого пока нет. Хотя я лично люблю всё новое, и сидеть дома совсем не в моём вкусе. Но решили быть дома. Только по дороге зашли в магазины и полюбопытствовали, что есть на прилавках. Купили кое-что из продуктов из расчёта на ужин и завтрак и пошли домой. Геннадий, правда, всё время тихонько ныл, бурчал и был чем-то недоволен. Видимо, ещё не отошёл от перелёта. Поэтому получилось так, что, поужинав, попив чаю, мой напарник, ничего не говоря, сам по себе в семь часов добросовестно улёгся спать, оставив меня с собственными мыслями. Лёг спать, и так прямо до утра. Вот и состоялось первое знакомство с городом тракторостроителей и металлургов Челябинском. До этого раньше бывать мне здесь не приходилось. Поэтому в силу своей любопытной натурьи решил в одиночку всё же выйти на улицу вечернего города и кое-что посмотреть, познакомиться с городом, и обязательно пешком. Пока Геннадий спал, я прошёлся по ближайшему району. Рядом оказался телефонный переговорный пункт, и я позвонил в Москву маме, обрадовав её своим звонком, таким быстрым после отъезда из Москвы. Внёс успокоение. Ведь вполне можно и надо понять её беспокойство – сын укатил, и не куда-нибудь, а в воюющий Афганистан. Нагулявшись на хорошем воздухе, вернулся в номер и тоже лёг отдыхать. Ведь завтра начинаем трудовую командировочную жизнь.

В 10.00, наконец, получили пропуска и появились в кабинете у местного начальства – у полковника Друзяка. До этого с утра спокойно собирались и вышли в город где-нибудь позавтракать, что и удалось сделать в какой-то «стекляшке».

Друзяк гостеприимно предложил курить. Я куряка, он тоже. По ходу разговора и обсуждения планов, перекурив, сделал ему стольчный презент, подарив пачку сигарет «Столичные» Московской фабрики. Он этим был доволен. Но надо делать дело: дал команду пригласить к себе остальных членов бригады для знакомства.

Вскоре появились Валентин Андреевич Пережогин и Алексей. Другие товарищи не пришли, да их и не вызывали. Они всё-таки исполнители в нашей команде. Познакомимся позже. Первому лет под пятьдесят, белобрысый и небольшого роста, инженер, начальник отдела с огромным стажем работы: будет старшим над своими заводчанами и, по первому впечатлению, кажется деловым и самостоятельным. Другой был Алексей, помоложе и по специальности технолог. Доложили нам, что материальная часть собрана и подготовлена к перевозке. Обсудили также и содержание и объём нашего неофициального груза, который мы сообща договорились взять с собой.

Необходимо было, конечно, посмотреть готовый образец, который обязаны были сделать и сделали на заводе по нашей разработке. Его же испытывали заводчане в местных, всё-таки равнинных, условиях на трассе города Чебаркуля. Нам надо было посмотреть, чтобы перед глазами был образец изделия, который должны будем делать в Афганистане. После заводского обеда в их столовой Друзяк берёт машину, и едем километров за десять в «Карьера». Так у них называется опытная площадка с хранилищем для техники. Открыли хранилище, и полезли мы по промёрзшей технике. Надо было залезать в БМП в боевое отделение. Пережогин был за докладчика. Всё сделано довольно целесообразно с точки зрения компоновки и даже симпатично смотрится. Сделано, в основном, всё так, как мы прорабатывали эскиз в Кубинке. Были сделаны

и некоторые изменения в лучшую сторону непосредственно по размещению оборудования по месту. День декабрьский, быстро сереет, темнеет. Возвращаемся в город, нас завозят прямо в гостиницу, и мы прощаемся. С холodu выпили с Геной по чуть-чуть. Впереди у нас опять долгий вечер. И он снова заявляет, что будет дома, а я категорически говорю о своём: иду смотреть город, и прежде всего пешком по всему проспекту Революции – главной улице города. Однако этого у меня не получилось. Центр оказался далеко. Надо было всё-таки ехать на троллейбусе по всему проспекту до обкома партии. Дошёл до драматического театра имени Цвиллинга. Сразу бросилась в глаза прекрасная архитектура старого здания. Что-то прекрасное, видимо, и внутри будет. Посмотрел репертуар и тут же решил пойти на спектакль. Спокойно взял билет и чудесно провёл время с пользой на драме Вампилова. После спектакля, по хорошей морозной погоде не спеша направился домой. Вот тут и подумал: и удовольствие получил, и развиваюсь интеллектуально. А Геннадий в это время опять спит. Сегодня надо хорошо отдохнуть, так как на завтра уже запланирован для нас борт из Москвы. Только никто не может определённо сказать, когда он прибудет и к какому времени нам готовиться. Это всё завтра утром будет известно у Друзяка. Но одно известно пока: самолёт будет во второй половине дня. Хотя могут быть, конечно, как всегда, и возможные изменения.

4

С утра на завод нам идти уже не надо. Главное: быть в готовности в гостинице. Поэтому утром прямо дома перекусили, а потом дошли до ближайших магазинов и купили хлеба, колбасы в дорогу и не забыли и про водочку.

К часу дня начался сбор команды. Приехал за нами РАФ, а потом по кругу заезжали к каждому домой. Немножко даже замёрзли в машине, так как день выдался солнечный и гораздо более морозный, чем вчера. Ящики с имуществом тоже после обеда отдель-

ной грузовой машиной привезли и поставили рядом с диспетчерской на аэродроме Челябинского военного училища штурманов. Вот на этом аэродроме все мы собирались в ожидании, как сказал Друзяк, АН-26-го. По сути дела, это будет мой (наш) самолёт и мой персональный экипаж до самого Кабула с посадкой в Ташкенте.

Заводчане на таком холода чувствовали себя прекрасно. Все как на подбор: получили на заводе и уже оделись в синего или чёрного цвета овчинные полушубки. А вот мы, военные, как бедные родственники – в шинелях и шапках. То, что взяли с собой шапки, оказалось правильным. Я все учел, как ни странно, при сборах, взял сапоги и фуражку и был в ходе командировки в полном порядке. А на улице всё морознее и темнеет. Самолёта всё ещё нет. Что и как дальше сложится, если полетим сегодня, – трудно сказать. Сидим в здании диспетчерской в классе предполётной подготовки и рассматриваем на стенах с любопытством авиационную документацию. Наконец садится в розовых лучах заходящего солнца наш АН-26-й. Подруливает прямо к нам, и встречаем экипаж. Появился на лесенке трапа командир. Поздоровались, поздравили их с приземлением. Лётчик представился: майор Загоруйко. Молодой человек, как и положено для офицеров лётного состава. Тут же распорядился о загрузке борта. Дал команду борттехнику принять груз, а сам отправился уточнить распоряжение на вылет и само время вылета. Мы же тем временем подогнали машину к аппарели самолёта и оперативно перенесли в грузовой отсек все наши ящики без всяких помощников и грузчиков – целую тонну груза. В них, как я уже раньше отмечал, упакованы радиоаппаратура и заготовки для её монтажа, инструментарий, краска, электроды и прочая сопутствующая мелочь для работы в полевых условиях, и в том числе моя офицерская фуражка, которую ухитрился всунуть в один из ящиков, чтобы не мешалась в руках. Но лишнюю водку заложить не решились – оказались слишком законопослушными товарищами. Ведь есть таможенная инструкция о провозе через нашу границу лишь двух бутылок водки на душу, и мы это чётко исполнили, хотя могли бы посерёзнее обговорить между собой этот вопрос, и, имея свой бесконтрольный

самолёт, можно было бы провезти самого чёрта, да ещё вместе с сатаной. Одно здесь было препятствие, и самое серьёзное: конечно, таких денег для закупки большого количества бутылок никто из нас не имел. Имели обычные свои командировочные, с учётом неизбежных расходов при возвращении. Позднее выяснилось, что в тех мытарных и героических условиях афганских перелётов нам эти ёмкости очень и очень пригодились бы. Но в те времена такие тонкости к нам не относятся: не тот менталитет, как сейчас говорят.

Но к делу: стало темно, совсем холодно, что-то градусов под восемнадцать. Появилась неопределённость и с вылетом. Но пришёл, наконец, Загоруйко с разрешением на вылет, несмотря на надвигающуюся ночь. Забрались на борт и стали прогревать двигатели. В салоне холодно, местное отопление ещё работать не начало без работающих двигателей. Всё железное внутри промёрзло. По связи командира опять вызвали к телефону в диспетчерскую. Мы остались на это время на борту, чтобы замёрзнуть окончательно. С возвращением Загоруйко часов в девятнадцать узнаём от него, что Москва вылет запретила и в целях безопасности перенесла его на утро. Ну что тут будешь делать? Возможно, это невезение, а может быть, и правильно, по делу. Лететь в ночь на Ташкент, а затем как-то там устраиваться – тоже плохо для всех и, естественно, уже не по делу.

Теперь уже здесь возникла другая проблема: темно и холодно, сами перемёрзли и к тому же предстоит уезжать с аэродрома искать место для ночлега и организовывать хоть какой-нибудь ужин для всех, включая и лётчиков. Местное начальство, то ли им приказали, то ли проявило заботу и само предусмотрело и приспало за нами автобус. Повезли в одно из подразделений авиационного училища в казарму на ночлег. Выделили одну на всех большую комнату с двухъярусными солдатскими кроватями. Лётчики расположились с одной стороны, мы с другой. Пока врозь. И врозь стали организовывать что-либо перекусить около девяти часов, естественно, вечера. Удачно догадались прихватить из самолёта, но, к сожалению, из собственных афганских запасов, две бутылки водки, и после холодного самолёта и аэродрома всё было очень и очень

по делу, кстати. Это была наша первая общая встреча с авиаторами. Сложили свои скучные харчи, в основном челябинские, выпили за знакомство, благополучие в перелётах и после дружеского перекура отправились на свои двухъярусные кровати спать, так как подъём был назначен на шесть часов утра.

5

Ташкент

12 декабря 1980 года. В шесть часов нас дружно подняли с постелей, и мы в холоднющей казарме, в каком-то туалете, немного обмылись и скорее на выход к автобусу, который, как ни странно, был подан своевременно. Повезли нас в офицерскую столовую лётного состава. Ради нас её открыли раньше времени и даже вызвали официанток. Вкусно накормили по полной лётной программе, учтя, наверное, предстоящий тяжёлый и долгий день. По расчёту мы не должны в Ташкенте задерживаться и в этот же день уже приземлиться в Кабуле. Накормили нас даже бесплатно. Приятно! А на улице мороз: выходить не хочется. Но надо. Опять в автобус, и через десять минут мы на полосе у самолёта. Командир снова забежал к диспетчеру. А мы в темноте у борта в ожидании, когда экипаж всё, что надо, откроет и нас запустят в холодное нутро. Наконец забираемся в салон. Самолёт промёрз, темнота сплошная внутри, потому что основное бортовое электрооборудование работает только после запуска двигателей. Разместились там, кто где сумел в темноте приткнуться, и, замерзая окончательно, ждём прогрева, прокручивания и всего того, что связано с вылетом, в том числе ждём и самого командира Загоруйко с нужной, заветной для нас информацией.

Он появился довольно быстро с разрешением на старт. К тому же уже стало светло, мы согрелись, обжились в салоне и в восемь часов в хорошем уже настроении взлетаем на Ташкент. Забавно ведёт себя экипаж после выполнения основных работ и выхода на свой полётный эшелон. Лётчики надели спортивные костюмы, тапочки и сели отдыхать на своих рабочих местах. Борттехник-капитан нахо-

дится с нами и обхаживает нас, как добрый хозяин. Периодически выходит в транспортный отсек для контроля груза. Я тоже ради любопытства туда сходил с ним. Там не отапливается и поэтому очень холодно и шумно, даже звенит корпус. Неприятно. Поэтому скорее назад, в салон. Мы разместились в отдельном пассажирском салоне, который красиво и удобно оборудован под индивидуальный начальствующий люксовый номер. Есть кушетка, где можно лечь и отдохнуть, стол с четырьмя мягкими креслами, полочки, буфет с посудой, гардероб, и главное то, что тепло. В целом очень уютно. Самолёт идёт на автопилоте, Загоруйко читает книгу, работают только штурман и бортрадист. Да экран радара крутит своим голубым лучом перед глазами командира.

Полёт занял у нас четыре часа сорок минут. За время полёта ещё раз хорошо позавтракали, с приглашением к столу капитана. Посопротивлялся для приличия, но предложенное принял. А затем успели поспать и в 12.30 приземлились в Ташкенте, как потом узнали – на военном аэродроме «Восточный». Отсюда идёт воздушная связь с Афганистаном, и по внешнему виду офицеров и солдат уже сразу чувствуется переход к другим понятиям и к другому образу действий. Аэродром бурлит, и много военных боевых самолётов. Совсем тепло, по сравнению с Челябинском. Температура где-то двенадцать – тринадцать градусов уже тепла. Пожухлая, но всё-таки трава. Вылезли и расположились на травке, отдыхаем в ожидании дальнейшего полёта. Командир отправился, как всегда, к диспетчеру решать вопрос о немедленном старте на Кабул, как и планировалось. Пока ожидали – дело подошло к обеду и прямо в самолёте ещё раз открыли консервы, нарезали колбасу и даже по пять грамм приняли за Ташкент.

Появился Загоруйко с неприятным известием о запрете всяких вылетов до 14.00. Это оказалось связано с тем, что в этот день 12 декабря и в эти часы наш дорогой иуважаемый Л. И. Брежнев пролетал здесь из Индии в Москву после правительенного визита и коридор пролёта самолёта проходил в зоне Ташкента. Поэтому был запрет всякого движения. Дальше совсем плохо. Теперь также выяснилось, что после четырнадцати часов вылет на Кабул вообще

ще даже в обычные дни запрещён, так как там аэродром принимает только в светлое время суток, а точнее – до обеда. Вот такой получается расклад: и опять зачехлять самолёт, и опять искать место для ночёвки, и вообще как-то организовывать жизнь до завтрашнего утра. Теперь уж моя судьба идти в диспетчерскую и дозваниваться до нашего управления в штабе ТуркВО (Туркестанского военного округа). С большим трудом по нашим реальным каналам связи дозвонился и доложил возникшую ситуацию. Правда, отреагировали в штабе оперативно. У телефона оказался один из полковников управления вооружения и сразу направил к нам «Волгу», чтобы отвезти в город, и, пока едем, будет решать вопрос размещения в гостинице. Но мне-то надо ещё везти и устраивать лётчиков. Ведь теперь я был как бы за хозяина, а мои начальники по первому разговору отказываются их признавать и места в гостинице на них не называют. Загоруйко, естественно, стал слегка возмущаться и даже немного попытался поинтриговать тем, что, если они отдыхать нормально не будут, то усталость может оказаться на безопасности полёта. Вот так и время же идёт. Уже пятнадцать часов, и совсем скоро будет быстро темнеть, а мы ещё на аэродроме и неясно с жильём. Наконец, пришла за нами машина – «Волга». Аэродром от города довольно далеко, и машиной ехать надо почти тридцать минут. Но юмор-то нашего положения состоял ещё в том, что у меня было двенадцать человек. Следовательно, надо этой одной «Волге» делать минимум три рейса, чтобы всех перевезти. А это, понятно, займет около двух часов времени, да и вечером машину, естественно, ждут в штабе для своих нужд. Пришлось нам укладываться в две поездки. Чтобы это сделать, потребовалось кого-то одного размещать под ногами у заднего сиденья, да по четыре человека уплотнились на самом сиденье, упираясь ногами в этого несчастного. Кому-то досталось помучиться без света и воздуха в «антисанитарных условиях». Так со смехом перевезли в два приёма до гарнизонной гостинице всех. Гостиница стоит, кстати, рядом со штабом округа, в симпатичном саду. Здание современное, в семь этажей, и всё это под охраной за забором. Всё очень красиво и удобно. Но здесь меня опять ожидает очередное препятствие. Ребята сидят в холле

и отдыхают, а я, как привязанный, по телефону с управлением добиваюсь номеров. Номеров нет, и вся трудность, ну прямо как специально к нашему приезду, возникла из-за того, что завтра будет проходить окружная партийная конференция и все её участники размешались здесь. Это плановое и по значению самое крупное и ответственное политическое мероприятие в округе, и все силы, естественно, направлены на его обеспечение. Нам мест с ходу не дают, особенно для такой оравы, возникшей неожиданно для начальства как из-под земли. Идут постоянные переговоры со штабом, подключаются различные начальники. Но гостиницу не растянешь, как оправдывается администратор. Пока толку мало, и мы сидим грязные и уставшие в вестибюле: ждём. Наконец, находят компромиссное решение, дают по одному двухместному номеру и нам, и лётчикам, и ещё, как договорились, по одному матрацу. Теперь хоть есть куда бросить сумки, и можно умыться и привести себя в порядок. А размещаться будем уже вечером с отходом ко сну, и, конечно, на одну ночь мы устроены и теперь переспим. Расчёт же был простой – по двое на одной кровати и двое на полу между ними. Точно так же будет и у лётчиков. Ну что же делать – ведь едем в район боевых действий и неизвестно, как там ещё будет. Шутим между собой: надо привыкать и не роптать.

Но история наша с приключениями ещё не кончилась, как оказалось. Так вот – после устройства в номерах надо было где-то поужинать. Подсказали нам: при гостинице, с другого её конца, есть приличная «стекляшка» – офицерское кафе. И вот в семь часов веду всех своих помытых и побритых туда. Совсем неплохо: в шестером занимаем большой стол в зале и заказываем нормальный плотный ужин, и как сейчас помню, что выпить к ужину захотели и взяли только местное сухое вино. Зал обслуживаются официантки. Приятно. Довольно быстро у нас приняли заказ, и, выпив вина за прилёт, отдыхаем и наслаждаемся горячим и вкусным ужином.

И вдруг! Все одновременно слышим какой-то глухой рокот: звук идёт откуда-то из глубины, как бы снизу, и такое ощущение, что забирается вовнутрь, под рёбра, отключая сознание и способность двигаться. Я думаю, что это ощущение точное, по крайней мере,

общий контроль над собой я, кажется, утратил в те секунды. Только точно помню, что автоматически встал из-за стола и тут же прямо сзади за стулом почти впрессовался спиной в стенку. А остальные мои товарищи как сидели с открытыми ртами, так и остались сидеть на протяжении всего рокота. Местные же офицеры, опытные в таких делах, резво махнули на улицу, успев даже схватить с вешалки фуражки. А мы такостояли и просидели эти двадцать пять – тридцать секунд, не выходя из здания. Только потом подумалось, насколько всё это было чревато последствиями. Здание стоит, рокот стих и тут же вернулись с улицы люди, сидевшие за другими столами. Мы тоже очухались и благополучно завершили свой ужин. Официантка подошла для расчёта, но была вся такая побелевшая и растерянная. Мы спросили наивно, что бы это могло быть и какой силы. Она подтвердила, что было второе по силе землетрясение после 1966 года. Сказала, что будешь тут бледной, если беспокоишься за дом, за ребёнка на окраине города в старом глиняном домишке. Рассчитались и вышли, на улице ещё светло, но ближе к сумеркам. Всё вокруг успокоилось, только у кафе люди энергично обсуждают происшедшее. Двое пожилых, но бодрых полковников-отставников и делегатов конференции, рассказывали, как слетели мигом с какого-то верхнего этажа, не забыв, однако, захватить шинели, потому что, говорили смеясь, в кармане у одного из них была бутылка водки. Жалко её оставлять-то было командировочным людям. Женщины с детьми сверху тоже первым делом скатывались по лестницам на улицу. Ну а мы, как я уже сказал, даже не сообразили и пробыли всё время под крышей. Остальное время провели в прогулке по почему-то тёмному Ташкенту. И даже поехали в центр на метро знакомиться с городом, не подумав даже, что оно могло бы и не работать. Съездили в город, погуляли по центральному бульвару с массой фонтанов. Здесь очень светло, но потом возвращались домой по тёмным закоулкам удалённой от центра части Ташкента. Худо-бедно устроились вшестером в одном номере, со смехом и без обиды. Я, как командир, хотя и упорно сопротивлялся, был положен всё-таки на отдельной кровати, и после недолгого разговора и обмена впечатлениями от

такого долгого и бурного дня уснули. Ведь, кстати, опять вставать очень рано. Нас успели предупредить через дежурную администраторшу. Как отвезут нас завтра, какую подадут машину? А если опять «Волгу»? Завтра проходить пограничный и таможенный контроли, завтра задача: благополучно долететь до Кабула над чужой уже, воюющей территорией, над грозным и высоким Гиндукушем.

И возвращаясь к землетрясению: на следующий день на аэродроме попалась в руки свежая газета, где была дана официальная информация об этих колебаниях, оценённых в 7–7,5 баллов. И действительно, там же было сказано, что это здесь второе по силе землетрясение после 1966 года. Однако разрушений, к счастью, город сейчас не получил. А пока до завтра.

6

Наконец в Кабул

Как по команде, сами сумели проснуться в шесть утра. Сходил, проконтролировал лётчиков. Они поднялись тоже. Завтракать, конечно, было негде и некогда. Вскоре прибыла та же «Волга», и так же двумя рейсами, сначала лётчиков, а потом и нас, отправили на аэродром. Ящики и наши вещи так и ночевали в самолёте. Лётчики всё уже расчехлили и стали прогревать моторы. Светает, день обещает быть хорошим. Мы забрались в салон и стали ждать таможенника, которого таможенные власти обязались прислать прямо на борт. Действительно, часов в десять появился в спецформе молодой мужчина – узбек. Не проверяя ящиков, посмотрел на общий вид, спросил нас только о водке, взял гарантийное разрешение и подписал добро на пролёт.

Взлетели. Загоруйко опять в тапочках, с книгой и на автопилоте. Я – то в салоне, то в пилотской кабине. Интересно отсюда наблюдать за панорамой. Штурман постоянно информирует о маршруте. Небо чистое, и всё отлично сверху видно. Наконец, предупреждает, что скоро будем пересекать границу. И, действительно, видим ленту Амударьи, а за ней уже Афганистан. Впереди видны белые вер-

шины и склоны высоких гор. Иногда внизу просматривается лента главной дороги Термез–Кабул, и даже один раз заметили гусеницу нашей колонны, идущей на юг. Решили под это впечатление в согревшемся самолёте организовать завтрак в честь перелёта границы. Для нас, новичков, это впервые и очень волнительно. Опять приняли по сто грамм армейских, но не более. Наконец под нами Кабул, и заходим на посадку низко, прямо над центральной тюрьмой, чёрные стены и специфичная архитектура хорошо просматриваются сверху. Садимся. Тепло, пыльно, и солнце греет где-то на градусов двадцать пять – двадцать семь. Самолёт подруливает на русскую стоянку, и мы выходим. Сразу попадаем в военную атмосферу. Тут и бойцы в ватниках, совсем не привычных для армии, все с автоматами, многие небриты. И вообще, снуёт в различной форме много народу. Очень оживлённо: ползают вертолёты, садятся и взлетают один за другим самолёты. Меня встречает майор из управления вооружения. Зовут Владимир. Товарищ наш и получил команду встречать и разместить нас. У него ещё машина ГАЗ-66. Выгружаем свои вещи и ящики. Здесь нам уже всю перегрузку выполняют солдаты. Наконец имущество разместилось в этом автомобиле. Полёт, таким образом, благополучно для нас закончился. Тепло прощаемся с экипажем и жмём руки. Как-никак, а двое суток переносили общие трудности. Куда самолёт пойдёт дальше, по какому плану – не знаю, но это и неважно для нас. Теперь же мы едем в УАЗ-69 через весь город, даже через центр. Всё, конечно, для нас вновь и интересно. Володя нам попутно рассказывает обо всём самом достопримечательном. Совсем не помню, как доехали остальные, ведь в один газик все не умещались. Может быть, опять сидели на коленях друг у друга? Правда, у 69-го сзади есть два транспортных места. Ну не помню этого. Интересно и то, хотя интерес-то не совсем хороший, но символичный, что у водителя в готовности рядом лежит снаряжённый автомат. Понимание тут одно: это всё естественно и привычно для местных. Город оказался оживлённым, народу и машин много. Всё своеобразно. Но люди почти все в длинных рубахах и шароварах, чалмах, некоторые женщины встречаются даже в парандже. Однако замечаем людей и в европейских костюмах.

Марки машин тоже разнообразные, со всего мира, и среди них много жёлтых такси. На улицах прямо в открытую на тротуарах идёт бойкая торговля и продуктами, и коврами, и даже дровами на примитивных разновесах. В центре много цивилизованных зданий в два-три этажа, но высоких всё же не приметил. Видел целый микрорайон, но только на склоне горы в центре города в виде одноэтажных частных домов. Стоят один прямо над другим до самой вершины. А поближе к окраине в бедняцких районах, куда мы как раз и направляемся, сплошные одноэтажные глиняные мазанки за также глиняными заборами – дувалами.

Через Кабул протекает река в обустроенных набережных. Но сейчас она мелкая, по щиколотку, и течёт посередине, как ручеёк. Но и здесь видим, что женщины ухитряются стирать бельё.

В ОРВБ (отдельный ремонтно-восстановительный батальон) группового подчинения нас сразу встретил командир-майор. Тут же распорядился о нашем устройстве, понимая, что люди сдалёкой дороги и устали. Худо-бедно разместились по нескольким армейским палаткам, на кроватях отсутствующих в это время по тем или иным причинам офицеров. Планирую в такой разобщённости быть здесь только одну ночь, чтобы завтра уже переместиться для работы в местный 180-й столичный полк 108-й дивизии. Неплохо нас накормили первым афганским обедом. Пока показалось вкусно, несмотря на то, что из общего котла. После обеда вдвоём с Владимиром на этом же УАЗ-469-м отправились опять через весь Кабул на другой его конец в штаб 40-й Армии, к руководству для представления и планирования. Руководит нашим управлением вооружения генерал-майор Г. В. Журавель. Сухощавый, среднего роста, энергичный и спортивного типа, доступный в обращении и довольно интересный человек. Примерно наметил с ним план работы, точнее пока предусмотреть было нельзя. Познакомился со всеми офицерами управления, с теми, кто был в этот день на месте, – ведь надо будет контактировать с ними очень плотно за всё время командировки. Поужинал в общей огромной столовой для всех, кто находится здесь в гарнизоне. Столовая организована в большом алюминиевом модуле складского характера. Кормят всех без вопросов: приходи

и садись. Офицантки, как и положено в цивилизованном мире, вас обслуживаются. Единственная особенность организационная: столы для порядка распределены между службами и отделами. Князев привёл меня и посадил на временно свободное место за их столом. Садись сюда, – говорит, – и будь как дома. Для сна также отвели свободную кровать в своей комнате в щитовом сборном домике. Бросил свою сумку под кровать и хорошо на первую ночь устроился. Но вдали от подчинённых. Так вот наглядно меняются сроки планов. Ещё до ужина сумел через «Оперу» – телефонный позывной 40-й Армии – дозвониться до Москвы и лично доложил подполковнику Ю. И. Смирнову о прибытии, об обстановке и прочих всех делах. Он доволен тем, что мы уже тут на месте и без приключений, что получил информацию из первых рук и теперь самому есть что доложить по начальству. Вечером стал разбираться с вещами. Захотел побриться, но обнаружил и тут же чётко себе представил, что оставил свою электрическую бритву на полочке в салоне самолёта. И теперь где-то летит она и в чьё распоряжение попадёт в память обо мне, когда её обнаружат. Вот и первое ЧП, первые потери. Вздумал бриться на борту, благо оказалась работающей в ходе полёта бортсеть: 220 вольт переменного напряжения. Теперь на всю оставшуюся командировку надо что-то придумывать с бритьём. А беда вся в том, что местных денег, то бишь чеков, у нас нет, да и дают их только в последние дни пребывания и, как говорят знающие офицеры, даже в день отлёта. Выходит для меня, что даже элементарный бритвенный станок купить не на что. Вот история приключилась, да и вообще, как всему коллективу существовать без хоть небольших карманных денег? Это же не один-два дня. И аванс тоже не положено давать, что тоже очень странно. Вот в этой ситуации мы и пожалели, что не загрузили лишней водки, которая здесь в дефиците и в большой цене. Продали бы элементарно, как делают другие, за двадцать пять чеков и были бы тогда при расходных деньгах. Другая же сторона этого хорошая – полностью эти чеки сохраняются для лучших дел и не разбазаряются по мелочам (пустякам).

После такого вкусного обеда в военторге надо бы отдохнуть, но с Володей для организации завтрашних дел поехали в ближайший

от городка полк – 180-й МСП подполковника Высоцкого, расположенный всего в пяти километрах от штаба. Этот полк стоял в плане работ, и надо было делать здесь две машины. Вроде в общей организации логично: пока набьём руку, начинать со столичного гарнизона. Но в полку сразу за КПП (контрольно-пропускной пункт) наткнулись как раз на зама по вооружению, майора Бричкина, который в это время крутился около только что притащенной подорванной БМП-1 и ломал голову, что с ней делать. Тут же он доложил, что нашей машины в части нет – находится в рейде в Чарикаре – и работа будет гораздо позднее, после возвращения с операции. Вернувшись назад к Журавлю с таким вот докладом. Надо принимать новое решение на изменение всего плана работ и организовывать срочно перелёт в другой гарнизон. Что же это за подготовка и организация нашего дела у генерала Журавля, если по директиве главкома СВ такое небрежное исполнение? Давно ждут промышленную бригаду из Москвы, известны сроки её прибытия, но до последнего дня нет ясности в наличии и распределении техники. Приняли решение на вылет на послезавтра, и Князев пошёл в оперативный отдел делать заявку на борт. Я доложил генералу ещё о том, что необходимо разыскать инженера Полякова из Запорожья, который уже раз перебрасывали в мою бригаду. Для этого я привёз на него новое командировочное предписание для финансового расчёта. Володя начал обзванивать связистов в поисках этого Полякова и вызова его на завтра к нам в кабинет. До самого позднего вечера сидим в общей комнате, а у генерала даже здесь отдельный кабинет. Никто не уходит – у всех дела, разные организационные вопросы. Старший лейтенант сидит на телефоне и со всего Афганистана собирает данные для отчётной ведомости о суточной потере техники. Я за это время пробился, как уже говорил, в Москву для доклада Смирнову. Кстати, надо сказать, что даже по ЗАС связь была хорошей. В конце концов, всё кончается, и впопыхах и по пыли поздно вечером пошли в модуль на ночёвку.

Кстати, о «Тёплом стане» немного. Здесь придётся мне в дальнейшем не один день и не одну ночь провести, делать множество дел. Жилой городок – это комплекс щитовых модулей гостинично-

го типа и несколько цельнометаллических алюминиевых хранилищ под столовую, магазин военторга и склады. Построено Т-образное здание из каменных блоков под все службы, как бы штаб тыла. Всё это стоит на большой территории, рядом с дворцом Амина, но намного ниже его. Городок окружают, как естественная защита, холмы и река, через которую организован единственный КПП для связи с городом. С другой стороны – части тыла, полк связи и в предгорьях опасная зелёная зона, но с вполне надёжной организацией охраны. Это всё находится на окраине Кабула и соединяется с центром города широкой, длинной, километров в пять, главной улицей города. А наверху на холме стоит дворец серого цвета, эллипсной формы. Смотрится довольно симпатично. Здесь разворачивались события в декабре 1979 года, когда наши специальные подразделения брали штурмом дворец и был там убит сам Амин. Об этом уже написано много свидетелями тех событий.

О самом дворце расскажу как-нибудь в другом месте, так как бывать в нём придётся в большей мере во второй командировке. А сейчас во дворце разместилось главное командование, политуправление и оперативные службы. Остальное всё, как сказал раньше, – всё в тыловом отдельном каменном здании. Дороги все в пыли, пыли глубокой, пыли мелкой мучной. Ходить в брюках на выпуск и в ботинках невозможно, моментально всё покрываеться пылью, и становятся они до стыдобы грязными. В такой форме должен быть здесь до конца и постоянно испытывать неловкость за внешний вид.

Мой выезд сегодня в рембат к своим, где ждал ещё вчера ночлег и ужин, не мог получиться и сегодня, потому что, оказалось, выезжать из гарнизона разрешается только до восемнадцати часов. В штабе закрывают КПП, и выезд после этого требует персонального разрешения гарнизонного начальства или же оперативного дежурного. В городе быть в это время с наступлением темноты

опасно, и по всему чувствуется, что офицеры это учитывают, реагируют правильно и рисковать не хотят. А мне сегодня надо выезжать вечером, и для этого надо бы подсуетиться немного раньше. Однако вопрос передо мной так не встал, по одной причине. Поляков до сих пор ещё не появился, знакомство не состоялось, и информация о продлении командировки до него, естественно, не доведена. Только после ужина он появился возбуждённый и немного расстроенный неожиданным распоряжением. Вручил Полякову документы, и все вопросы отпали, так как это был приказ. Все вопросы, кроме одного. И Виктор его нам сразу подкидывает: старая командировка у него закончилась, а на руках был билет на самолёт компании «Ариана» до Москвы чуть ли не на завтра или послезавтра. И уж совсем было неясно с записью о конце его визы в паспорте, сделанной на арабском языке. Переводчика нет, прочитать не можем, а билет-то надо завтра сдавать или же, что лучше, менять. Рискнули вместе с Журавлём считать, что в тех записях, закорючках арабской вязи, конкретной даты нет. Ну а если есть? Здесь не оставят, конечно. А может быть, и прорвётся при отлёте. Всё же здесь идёт война, и правила должны быть проще, на наш взгляд. В общем, он готов работать, но билет в любом случае надо сдавать или переоформлять на другое число, тем более что за него уже уплачены живые командировочные деньги, и немалые. К сожалению, ни начальник, ни его полковники принимать участие в деле этого постороннего для управления человека не захотели. Просто, как я понял, не захотели вмешиваться в эту ответственность. Единственно, что они смогли сделать, так это дать на завтра лично мне машину и мудрую команду «Вперёд». Всё это без охраны, с единственным на всех автоматом у водителя и с надеждой на хоть какое-то знание города. Правда, в этом уж они меня твёрдо заверили. Ну а все предстоящие переговоры – это от Бога или Аллаха. А также от собственной, как уж там получится, инициативы и способностей моей и Полякова.

Это, безусловно, означало, что ночью здесь и завтра мне лично надо ехать с Поляковым в офис авиаагентства, который находится, как объяснили на пальцах, где-то в центре Кабула, и решать самостоятельно вопрос переоформления билета на другое число,

на день окончания работ и нашей визы. Ехать туда, куда опасаются сами и стараются лишний раз не покидать гарнизона. Солдату-водителю доверили найти это агентство и доставить нас. С погодой повезло: очень хорошая, солнечная и тепло для декабря. Я же в зимней шапке на голове, так как фуражка всё ещё лежит в ящиках, но без шинели. Издалека видно, что приезжий. Ну, а пока ехали по городу, опять посмотрели и людей, и город, как в старой части, так и в новой. Мужчины по-азиатски, в основном в шароварах и длиннополых рубахах. Многие традиционно с одеялом через плечо. Женщины, как правило, в парандже, но встречаются девушки, особенно когда стоишь на красный на пешеходном переходе, и они, как на параде, проходят перед машиной по зебре в модной европейской одежде. Масса магазинов, базары: прямо на улицах всё выставлено – от продуктов до ковров, по которым даже можно ходить. Нашли, наконец, агентство. Это оказался вполне приличный солидный офис. Теперь встал вопрос: как заходить туда? Брать ли с собой солдата с автоматом для собственной охраны и на кого тогда оставить машину, а если идти одним и не брать бойца с собой, то, не дай Бог, утащат его самого. В то же время и мы сами должны идти куда-то в неизвестность. Вот такой расклад получается в тот момент, в некотором роде головоломка. А я упор делаю на эти страсти потому, что уже были наслышаны о различных приключениях и происшествиях с офицерами, прaporщиками в магазинах, дуканах, на базарах и просто на улицах. Но ничего не поделаешь – надо идти и делать наше дело: нет худа без добра. Пошли вдвоём с Поляковым, а боец остался в машине охранять её, что в моём положении всё-таки важнее. Поднялись по крутой винтовой лестнице на второй этаж к руководству, хотя все клерки и службы были внизу. Но так уж нам показали. Приветливо принял нас мужчина, довольно хорошо говорящий по-русски. Но сразу отправил нас после взаимных улыбок и расшаркиваний вниз к конкретному служащему. Как я понял тотчас, он по-нашему не понимал ни слова, но был откровенно приветлив и вежлив. Моментально нам оформил новый билет, подклеив в старый какой-то дополнительный ярлык без всяких с нас денег и каких-либо, на моё удивление, отметок в служеб-

ных книгах. Переоформлен билет был на 10 января. Вот так: здорово и быстро. Теперь Виктор полностью наш и готов к поездкам. В дальнейшем оказался самым коммуникабельным, приветливым и порядочным из всех. Собираемся на выход, но в холле вдруг появился какой-то гражданский славянин. Поинтересовался у меня, не поедем ли мы мимо Советского микрорайона. Нам было по пути, и я согласился его подвезти. Оказался сотрудником из нашего торгпредства и по дороге тоже кое-что рассказал неофициального о жизни, а потом стал вслух сокрушаться о том, что едет в военной машине, а это в городе опасно. Вот ещё один намёк об окружающей реальной обстановке, даже в самом Кабуле. Завезли его в микрорайон и живого, к его радости, высадили. Микрорайон – это наши дома, типовые пятиэтажки-хрущёвки в основном для наших сотрудников, но, как потом сказали мне, выделялось много жилья и для заслуженных афганцев. Домой в «Тёплый Стан» возвращались по той же Центральной авеню с чувством удачно сделанного дела.

8

Основное решено, доложил Журавлю и теперь с ним спланировал работу уже конкретно на завтра. Времени в обрез, отлёт откладывать даже на день нельзя. Намечаем работу в двух далеких, но почти рядом расположенных гарнизонах – в Кундузе и в Файзабаде. Генерал Журавель с подчинёнными немедленно будет решать вопрос о самолёте на завтра, то есть будет дан старт нам по Афганистану. Моя же задача теперь – забрать свои вещи в модуле и немедленно возвращаться в рембат и, работая до упора, подготовить аппаратуру в количестве четырёх комплектов и инструмент к транспортировке. Всё это проделать и также решить вопрос с транспортом, чтобы быть в готовности по команде в шесть – семь утра выехать завтра на центральный Кабульский аэродром. Ну а поздно вечером подполковник Князев по радио сообщил, что старт состоится. Первый перелёт будет на вертолете МИ-6 до гарнизона Баграм на севере от Кабула, а уж затем на АН-12 летим на Кундуз.

Пережогин молодец, без меня уже обработал имущество, и после обеда мне осталось только уточнить и проверить комплектацию, а с Виктором Гребневым, командиром рембата, решить вопрос о хранении остающегося имущества. Выделили нам для этой цели отдельную палатку, сложили оставшиеся ящики, опечатал своей институтской печатью, и, довольные всем сделанным, к 17.30 уже в темноте и по пыли вернулись на отдых к нашим времененным местам. Я за это время тоже сделал большое и главное для себя дело – достал из багажа фуражку и стал «человеком». Командир заботливо чуть пораньше приказал организовать нам баню. С удовольствием помылись в добротной, по-хозяйски сделанной полевой бане, поужинали при свечах и разместились на отдых в разных офицерских палатках, где оказались свободные места на кроватях отсутствующих офицеров. Ну а тут уже разговоры пошли обо всех местных событиях. У меня же в палатке он продолжался даже до двух часов ночи, несмотря на то, что вставать надо рано. Много чего за эту ночь нам порассказывали не для бумаги. И в эту же ночь прошёл первый для нас и такой редкий для Афганистана дождь. А пока лежу в палатке рембата группового подчинения, никак не спится на новом месте, и, выходя покурить последний раз, смотрю на город сверху. Он под нами и весь в огнях. Красиво на фоне чёрного-чёрного неба. Все части в основном расквартированы прямо под окружающими город горами, по периметру города. Только ещё отдельно в крепости стоят на горе в центре города десантники да на аэродроме лётные части со всем своим хозяйством. Горы охватывают Кабул и аэродром с нашей военной частью и с афганским гражданским аэропортом с одной для всех взлётной полосой. Всё это плато на высоте тысячи семисот метров над уровнем моря. Части стоят прямо на грунте, в пыли и вкопались в землю. Наш ОРВБ слегка обозначен с трёх сторон канавой-траншеей да колючей проволокой. Для охраны батальона наверху ближайшей горы на склоне в сторону от Кабула организован сторожевой пост из БМП-1 и наряда солдат, обязанных быть очень и очень бдительными в таком отдалении от подразделения. Рассказывали, что на таком отдалённом посту всякое бывает и даже у них что-то было. Каждый день по крутой

тропе в гору карабкаются солдатики с водой, пищей, личным оружием и прочей амуницией. И внизу ещё справа от палаток у общего гальюна и колючей проволоки поставлен часовой для охраны с глухой стороны. Внутри у палаток дневальный, а у ворот на выезде в город контрольно-пропускной пункт, и тоже в палатке.

В жилых палатках своё своеобразие уклада. Многие офицеры уже ухитрились обшить их внутри фанерой и сотворить хоть какой-то уют. Шокируют взгляд везде разбросанные в навал или висящие среди обмундирования «лифчики», то есть бронежилеты, оружие везде и даже боеприпасы, вплоть до ручных гранат в тумбочках. Палатки стоят по-военному ровными рядами: штабные, командира с замполитом, офицерские и для личного состава. Большая палатка в середине городка под столовую и кухню. В тылу разные службы и в стороне отдельно огороженный колючей проволокой, открытый всем ветрам ремонтно-технический сектор. Всё это на небольшом пятаке песка и камня в семидесяти – ста метрах от первых улиц и глиняных дувалов беднейшей окраинной части города. Как уже однажды отметил, вечером и ночью прекрасно виден сверху с нашего предгорья почти весь Кабул. Много огней вдалеке, а в направлении к центру ярко освещенные гирлянды улиц. Тут и там видны мечети с традиционной зелёной исламской подсветкой высоких минаретов. А уж в утренней тишине, часов в пять-шесть, с них далеко слышатся голоса муэдзинов, призывающих на утренний намаз. В этот ранний подъём в связи с отлётом как раз и услышали муэдзина в первый раз, а обычно, в другие часы суток, их не слышно. Самолёты при взлёте с аэродрома летят в нашем направлении и разворот или поворот делают прямо над нами, довольно низко, быстро набирают высоту и уходят по своим направлениям. Вот мои впечатления от расположения ОРВБ, где останутся, как на базе хранения, наши вещи и куда мы вернёмся, как домой, после местной командировки. Здесь же останется имущество в ожидании нашей второй командировки из Союза уже потом, летом. Ну а пока спать, так как завтра ранний подъём и начнётся первый этап боевой, именно боевой, работы: перелёт в гарнизон Кундуз на север страны, на нашу первую рабочую точку.

Баграм – Кундуз

14 декабря, пять часов утра, солнечно и очень, очень хорошо. Услышали, наконец, как кричит свой призыв муэдзин с минбара ближайшей мечети. А нам вставать. Виктор Алексеевич приказал также поднять поваров и обеспечил нам горячий чай, консервы и дал даже сухой паёк с собой. Две машины уже стояли готовыми к поездке на аэродром. С нами поехал боевой ротный, которому была поручена наша отправка. Мы все едем в санитарном УАЗе, а багаж из пяти больших ящиков – в грузовике ГАЗ-66. В 6.00 выезд на аэродром, а это значит: опять предстоит интересная поездка через весь, уже утренний, просыпающийся, ещё свежий, город. В центре заметил, что проскочили даже мимо американского посольства. Красивый одно- и двухэтажный ансамбль, особняк стоит далеко внутри за забором на красивой территории, по-американски отделанной красивым ровным зелёным газоном. Пока доехали до аэродрома, стало уже тепло, хотя кругом горы и сохраняется ещё чистый, холодный воздух. Подъехали прямо к стоянке самолётов, а тут ещё, оказывается, никто и не шевелился и даже стоит часовой. Выяснилось, что вылет будет задержан на какое-то время. А я же сразу проявляю разумную инициативу: определяюсь на местности и веду свою команду в ближайшую лётную столовую вертолётного полка, где нас накормили, не спрашивая документов, нормальным горячим завтраком. Мои мужики очень довольны, так как пища всегда кстати. Теперь готовы горы свернуть. Но горы, то есть время вылета, пока не просматриваются. Вернулись к вертолётам. Экипажи уже готовят их к полётам. Нашли свой борт МИ-6 и загрузили ящики. Попрощались с ротным и в 8.15 с короткого разбега взлёт и вперёд, для начала на Баграм. Все впервые летим на таком большом вертолёте и, естественно, прилипли к иллюминаторам. С нами на борту, занимая всю площадь, основной груз – продовольствие. Летели до Баграма сорок пять минут и благополучно сели. Полёт оказался очень и очень приятным, только довольно много шума от двигателей. Здесь уже ждал нас, предупреждённый Князевым, май-

ор Федулов. Местная знаменитость: один из первых награждённых боевым орденом Красного Знамени. Так о нём мне говорили ещё в Кабуле. Так что встреча и общение с ним были в какой-то степени почётными. Майор был с машиной, перегрузили ящики, и завёз он нас к себе в расположение, потому что опять была неясность с дальнейшим движением. Посидели, попили водички, послушали магнитофон в ожидании прилёта нашего транспортного АН-12 на Кундуз. А ребята за это время поговорили с ним, опытным человеком, об афганских магазинах, о тряпках.

С появлением самолётов Федулов тут же подвёз нас на место рулёжки. Опять знакомство с новым командиром и перегрузка своих ценных ящиков, Майор свою задачу достойно выполнил, переправил нас и даже развлекал до посадки. Тепло попрощались и полетели дальше. Здесь уже с нами было много других желающих лётеть. Полёт, как сказали, высотный, и поэтому надо было успеть занять места на скамейках герметичного пассажирского отсека. Все мои сумели героически прописнуться в салон и нормально долетели. В Кундузе уже было яркое солнце и совсем жарко. Это большой гарнизон, центр боевых действий в северо-восточных провинциях, очень активный аэродром. Выгрузили свои ящики на хилую травку около диспетчерского домика, как оказалось, единственного здесь. Тут же в одном крыле штаб, в другом – общежитие и сохнувшее на веревках бельё. А в десяти – двадцати метрах стоят боевые вертолёты и вперемежку с нашими военными шастают афганцы. За условными воротами очередь из женщин, детей, мужчин, ждущих какой-либо самолёт. Афганцам тоже надо куда-то лететь и по службе, и по личным делам, а аэродром один на всех.

Мои ребятки присели и даже прилегли на травке отдохнуть, а моя судьба – идти искать телефон, чтобы созвониться с дивизией, с полковником Расщупкиным или его офицерами. Расположение военного городка дивизии сразу за взлётной полосой, рядом, как на ладони. Но ящики же ведь не понесёшь через полосу, а чтобы доехать, то прямой дороги нет. Надо было, когда пришла вечером, наконец, машина, объезжать уже впотьмах по какой-то грунтовой дороге. Прямого перелёта сразу на Файзабад, как следовало бы,

не получилось. Всё сложилось так потому, что, пока ходил, искал по телефону дивизионное начальство, подошло время обеда, а после обеда полетов в Афганистане, за исключением боевых, по приказу нет. Поэтому опять иду к телефону – теперь надо требовать машину уже для переезда в городок на ночлег. Вот так, после многих часов болтания на аэродроме, переговоров, появился ГАЗ-66, загрузили ящики и прямо к ужину (как сказал ранее, в потьмах) попали в 149-й мотострелковый полк 201-й дивизии. Встретил заместитель командира полка по вооружению майор Савельев Владимир Николаевич. Правда, извинился за задержку и плотно занялся нами. Разместили в очень большой палатке, так называемой ротной. Рота, проживающая здесь, как раз давно уже была на боевой операции. Естественно, палатка не протоплена, не обжита, с одной тусклой лампочкой и большим количеством двухъярусных кроватей. Выбирай любую на ночлег, а ведь хотели и планировали быть уже в этот день в Файзабаде. Уже получается задержка в работе. Быстро решил вопрос с хранением ящиков, и мы даже успели поужинать, к слову, примитивно и совсем не вкусно. Все эти хождения и работа шли в глухой темноте, без фонарей, в незнакомом расположении и настроения не поднимали, конечно. Ящики поставили в охраняемой оружейной палатке артиллерийского дивизиона. Это вырытая яма на метр – полтора в глубину, а сверху установлена обычная палатка. Всё это за колючей проволокой, и организован круглосуточный пост. Вечером после ужина при слабом свете в тесноте этого погреба сумели перебрать имущество и оставили у Савельева всё лишнее, что нам не нужно в Файзабаде для двух машин. Закончив, ушли в свою неуютную палатку на ночлег. Ребята сели чуть-чуть поиграть в «кинга», я же прилёг, укрывшись ещё шинелью, спать сразу до утра. Вот 14 декабря, первый день перелёта, закончилось, а мы всё не на месте: летим, летим. На завтра пообещали отправку, и я этого железно буду добиваться от полковника Расщупкина. Новый перелёт будет опять вертолётом – единственным возможным быстрым видом сообщения с Файзабадом. Рассказали нам, что местность и маршрут в полётном плане отработаны ещё пилотами сла-

бо, только знакомятся с трассой и осваиваются с ориентирами. Многие лётчики летают в эти дни чуть ли не в первый раз. Значит, всё это очень и очень сложно и опасно для всех летящих на борту. Колёсные же колонны по единственной горной дороге в двести двадцать пять километров пробираются пять дней, теряя по дороге технику в ущельях. Дорога очень опасная и долгая, и нам на завтра нужен только вертолёт. Ведь сроки-то у меня очень жёсткие.

10

В Файзабад

Наступает 15 декабря, по календарю зима. Подъём в семь часов. Опять серый, серый рассвет. Холодно и в палатке, и на улице. Умываемся ледышками в общем умывальнике в поле. Позавтракали уже в офицерской столовой, и я пошёл сразу в штаб дивизии, где удалось поймать Расщупкина. Передал меня старшему лейтенанту, своему начальнику автомобильной службы, и приказал обеспечить до обеда отправку. Вскоре от него поступила команда на сбор и пришла за нами машина. Загрузились и отправились на аэродром теперь уже с нарушением всех местных правил: прямо через взлётную полосу по металлическим листам, под запрещающий окрик часового: «Стой, стрелять буду!». Обошлось без стрельбы, но зато доехали быстро. Однако пока собирались, пара МИ-6 ушли, а когда будет другая пара – никому не известно. Главное, говорят, что будут обязательно. А это значит – садись опять на ящики и жди. Дело к обеду, которого, естественно, для нас не будет. Становится совсем жарко, а мы в тулупах и шинелях. Ребята раздеваются, на ящиках перекусываем мясными консервами, что дал нам Гребнев в дорогу. Хожу регулярно к диспетчеру, подружился с офицерами. Наконец что-то проклёвывается с вылетом. Действительно, в это время послышался далёкий гул двигателей и на посадку друг за другом пошли два МИ-6. Приземлились, и в ходе рулёжки подрулили прямо к нам. Оказалось, что привезли молодое пополнение из Средней Азии, большей частью туркменско-узбекского типа. Моя

лоденькие пацаны, притихшие, в новом, топорщащемся обмундировании, строго по форме одежды по сезону – в шапках-ушанках. Кундуз в сорока километрах от Термеза, и доставка такого пополнения делается моментально, одним перелётом. Солдат был только что там и вот уже здесь. Построились эти солдатики и потопали через полосу мимо нас в расположение дивизии. В один из этих вертолётов мы загрузили свои ящики, сумки и сами устроились внутри на скамейках вдоль бортов. Страху добавил наш борттехник-прапорщик. Когда все загрузились, он залез последним, поднял трап и задраил дверь. А вот потом, с величайшим спокойствием, как будто обычное дело, открыл бойницу, устроился поудобнее на упаковке сахара, выставил автомат в амбразуру и затих в полной готовности к любому действию. Летели в горах по ущельям пятьдесят минут. Чётко видны камушки на склонах, как будто совсем близко, селения внизу, отдельные кошары. А если бы где-нибудь на этих склонах сидел душман? Долетели до аэродрома этого военного гарнизона под Файзабадом. Сели благополучно. Здесь ровное горное плато, сухая твёрдая земля с мелкой жёсткой травкой. Тепло, однако, и очень. Но встречи опять-таки нет. Возмущению и обиде нет предела, хотя сам Расщупкин обещал оповестить по телефону соседей. Началась уже привычная аэродромная неразбериха, к тому же стало быстро темнеть. Сам звонил из маленькой комнатки диспетчера – сержанта-таджика в полк. А там удивляются: кто такие и что нужно? Видимо, даже московское распоряжение до них не дошло. Наконец в семнадцать часов приходит опять только УАЗ-469, хотя я и говорил о большом грузе. Удивляются, что нужен ещё грузовик. Ну, прямо испорченный телефон! Сели вчетвером в этот УАЗ и уехали, оставив Федю и Гришу караулить груз и ожидать второй рейс. Они и приехали позднее, в уже наступившей темноте. Я же поспешил увидеться с командиром и представиться ему, как положено. Это был молодой подполковник, по фамилии Кудлай. Рассказывали потом, что за организованный и быстрый ввод награждён орденом Ленина. Многие офицеры полка также награждены или повышены в званиях. Действительно, уже наша афганская история отметила, что проявили они здесь мужество, волю, высокую организованность. С ми-

нимальными потерями провели они огромную полковую колонну со всем хозяйством по единственной здесь дороге из Оша в Файзабад, по которой в древности также вёл войска Александр Македонский десять дней. Наш же полк одолел эту трассу за семь дней. Сам С. Л. Соколов, Маршал Советского Союза, руководивший вводом войск, тут же прибыл в Файзабад, в расположение только что пришедшего полка, и сделал это массовое награждение. За этот марш 860-й отдельный мотострелковый полк потерял кое-какую боевую и тыловую технику, упустив её в глубокие по маршруту ущелья.

Мне сразу же понравилось хорошее, удобное для жизни и организации охраны размещение полка. Палатки поставлены на ровном и большом плато с плотным земляным с короткой травкой грунтом. С трёх сторон окружает река, а с четвёртой – горный массив. Хорошая естественная защита из крутых горных склонов и излучины реки. Для контроля над провинцией автономно выброшено несколько подразделений полка, в том числе и вся разведрота. Далеко в горах организованы гарнизоны в мелких городах и даже кишлаках. Таким образом, вся большая провинция, весь северо-восток страны контролировался силами всего одного 860-го полка.

Разместили нас быстро и хорошо. На краю лагеря стоит большая палатка, половина которой была официально отведена под гостиницу. В нашей части стоят восемь панцирных кроватей и печка-буржуяка. Назначили нам солдата-истопника. Солдат оказался неумёхой. В первый же вечер при растопке нагнал дыму, так что мутились всю ночь без воздуха. Но ничего, отдыхали хорошо, а в другие дни он уже набрался опыта от нас и топил исправно. Обустраивались мы серьёзно, ведь жить здесь, по нашему предварительному расчёту, несколько дней. Я сказал уже, что палатка была первой в крайнем ряду и, естественно, довольно близко от реки, защищающей городок. Уже в темноте нас отвели и накормили ужином в офицерской столовой, сделанной уже не в палатке, а в домике-стекляшке, как в каком-нибудь московском кафе. Еда оказалась или с голодухи показалась для начала вкусной, но, надо сказать, что и в дальнейшем кормёжкой мы были довольны. Как уже отметил, спали хоть и в дыму, но хорошо, уставшие от массы впечатлений от

долгого напряженного дня. Кругом была необыкновенная тишина, а в палатке тепло и уютно. Ещё до ужина решил рабочие вопросы с соответствующими начальниками, которых вызвал Кудлай и представил им меня. Сходили даже на разведку в так называемый парк и посмотрели рабочее место – площадку прямо на земле и без какого-либо навеса. Утвердили начало работ прямо на завтра с утра, после завтрака. Начальник связи полка твёрдо заверил по-дачу КШМ на рабочее место, а начальник бронетанковой службы гарантировал, что сварочный агрегат тоже будет на месте. Остальное будет зависеть от наших рук, нашего умения. И последнее, что сделал перед сном, это зашёл в палатку командира и попросил у подполковника разрешения позвонить в Кабул. Переговорил с Володей (сидел ещё в отделе) и всё доложил: о прибытии, об организации работ на завтра. По общему впечатлению, всё пока идёт почти по плану, настроение нормальное, мы здоровы. Попросил при возможности всё это дожожить в Москву, в ГБТУ.

11

16 декабря. Встали рано, но было уже светло. Холодно. И на земле, и на травке появился иней. А умываться надо идти метров пятьдесят – семьдесят к палатке Кудлая, к обычным уличным рукомойникам. Ну и холодно же было, но бодро! Неплохо для начала по-завтракали по полной программе вместе с местными офицерами и дружно пошли в парк. Однако сработала опять армейская неорганизованность, бытующая в низах. До 9.30 пришлось курить и ждать, пока окончатся политические занятия: святое дело в армии. Могли бы ещё и вчера нас предупредить местные начальники. Но, увы, нет! Машины, правда, уже стояли на площадке. Затем принесли комбинезоны, и мы оделись для работы. Сухо, погода хорошая, летучка работает, сварка есть. Всё хорошо пока. То есть фронт работ обеспечен. Челябинцы сразу показали своё умение, особенно Жора, сварщик-виртуоз. Сам худющий и вид общий у него, как у туберкулёзника, но работает отлично. Варить и резать надо, в основ-

ном, внутри. Сделает несколько сварочных точек и вылезает наружу, чтобы отдохнуться. Всё у нас пошло по плану. До обеда сделали работы по металлу. Затем обед и сразу без отдыха к машине. Убедились, что темнеет здесь всё-таки рано, и в 16.30 вернулись в свою палатку. А до ужина времени свободного ещё много. Видимо, надо менять режим работы и начинать её раньше, если получится у полковых товарищей. **МЫ ЖЕ ГОТОВЫ ВСЕГДА!**

Сам я после обеда сделал то, что было и необходимо и мне интересно. Надо было получить опытные данные по качеству связи с Кабулом по однотипным радиостанциям из штатной аппаратной. Для этого посидел часок с дежурным радистом и проследил за его работой и качеством связи в межгарнизонной радиосети. Сеанс связи получился, и теперь будет мне с чем сравнивать потом результаты. Ну, а уж вечером уютно посидели в палатке, поговорили с местными офицерами о житьё-бытье в их гарнизоне. У них тоже много интересного, много боевых эпизодов и просто происшествий – всего и не упомнишь. В принципе, это всё частные случаи и говорить о них нет необходимости.

Вот уже и 17 декабря. Начали новый день, и, как всегда, утром изморозь. Готовы работать хорошо, но плохо сегодня стало с организацией дела. Отказала летучка, и, естественно, теперь сварки нет. Пригнали вторую МРА (летучку), и её только в одиннадцать часов запустили в работу. Но, как ни странно, один объект уже почти готов. При таком режиме даже можно днём немного отдохнуть. Тем более что сегодня покрасили весь металл и пусть ночь сохнет. Но вторую машину брать в работу ещё нельзя, так как она стоит на боевой связи, и только после замены её уже переоборудованной можно будет получить объект в работу. Поработали до вечера, то есть до семнадцати часов. Позднее уже темно и холодно. Что же вечером делать, после ужина? Опять в палатке поиграли в карты, а во что, честно говоря, не помню. Кажется, научил их играть в массового японского дурака. Чтобы все были за столом и при деле. Вечер убили, в палатке тепло и воздух теперь хороший. Солдат научился топить.

18 декабря. Этот мой очередной день рождения пришёлся на это место и в такие важные афганские дела. Несмотря ни на что, подъём в 6.30, бреюсь, как всегда теперь, чьей-то бритвой, по ледку умываемся, завтрак и в парк на работу. Один объект почти окончен. Сумели быстро замениться и подать второй, начали его обрезать и готовить к монтажу. Сам же я остался в палатке для оценки дел и ради маленькой поблажки себе в честь дня рождения, но всё-таки под прозрачным для всех прикрытием необходимости звонить в Кабул. Дозвонился, однако в отделе генерала Журавля никого не было. Но в семнадцать часов повторно звонок прошёл и я доложил о делах. Ну, а вечер мой приближается с внутренним пониманием того, что у нас достаточно спирта и по бутылке водки у каждого. Так что могли толково и культурно, но в меру, отметить и почтить меня. У Полякова были чеки, и он по-порядочному заявил, что хочет спонсировать мой вечер. Но здесь покупать продукты негде, и мы задумали сделать поездку непосредственно в Файзабад на рынок за мясом, овощами и тем, что ещё попадётся. Эта мысль уже упорно крутилась в наших головах, а Виктор Поляков был готов к этому героическому поступку ради меня и ехать. Я договорился о машине и поездке – ведь начальник штаба земляк, москвич. Но ко времени самой поездки он сильно засомневался в правильности этого моего желания и решил не подвергать нас опасности. В качестве наглядного грозного примера показал пулевые дырки в борту ГАЗ-69 зама по вооружению, свежие дырки, полученные недавно при нападении на этой же дороге в Файзабад, всего в пятнадцати километрах от расположения. Но ужин я всё-таки сделал. Провёл его в нашей же палатке в окружении десяти человек. Стол из армейских запасов получился довольно хорошим, даже можно сказать отличным. Поздравили меня с сорокачетырёхлетием и выпили за меня. От Олега Ляшко, начальника связи полка, получил в подарок южную армейскую полевую панаму. Она, кстати, до сих пор у меня и со мной всегда в лесу за грибами, на рыбалке и на огороде. Закончился ужин весёлым и добрым разговором и картами в два коллекта-

ва. Особенно по душе и к столу пришлись наши соседи по палатке: два строителя-офицера – капитан и старший лейтенант. Виктор Миронович, по прозвищу Миллиметр, потому что высокого роста, прошёл на всех местных стройках, должен был завтра лететь в командировку в Кундуз. Решил после посиделки, в связи с оказией, написать письмо маме, чтобы в Кундузе он через полевую почту отправил его в Союз. Но к обеду на следующий день выяснилось, что бортов не было из-за нелётной погоды, и в столовой за обедом Виктор мне его торжественно вернул. Новый день также начался с холодного умывания и завтрака. Работа пошла организованно, всё утряслось. Одна машина закончена и готова к проверке, а вторая уже в работе. Но Федя, вылезая из верхнего люка машины, неосторожно повернулся и опрокинул единственную емкость с зелёной специальной защитной краской, которую везли из Союза с завода. Теперь красить нечём, а оставить некрашеную машину по технологии не имеем права. Хоть опять надо кого-то отправлять в Кундуз за краской или будем искать заменитель здесь на месте, ведь всё-таки здесь полковое хозяйство. И полк живёт текущей жизнью. Снова у нас задержка: днём появилась информация, что где-то в районе боевой операции произошёл подрыв бойцов. Пострадали двое, и Олег вылетел на вертолёте на место для доставки этих ребят в гарнизон. Поэтому краской теперь заниматься некому. Вижу, как забегали медики местного внештатного госпиталя и стали готовить хирургию к приёму. Ближе к вечеру привезли ребят, и мы сами это видели, когда топали из парка к палаткам. Вечером у нас ещё одно расстройство – с машин пропали наших целых два комбинезона. Плохо это и жаль, конечно, что в полку нашлись такие люди. Невзирая ни на что работать будем, естественно, и дальше. Ну а вечером, при традиционном слабом свете, единственно, кроме споров о текущих делах, осталось нам играть в карты. Что-то стали постоянно играть в «кинга», к которому вдруг пристрастились. Однако спать!

Очередной наш рабочий день, 20 декабря. Заканчиваем монтаж второй машины, а я себя в душе уже готовлю, как руководителя, отвечающего за всё, к организации перелёта обратно в Кундуз. Это значит, что невольно посматриваю весь день за небом и постоянно прислушиваюсь к возможному появлению гула двигателей вертолётов. Летают ли? Погода сегодня действительно пока нелётная, пасмурная: всё небо заложено капитально и ежедневной пары МИ-6 не видно и не слышно. К обеду форсировали монтаж машины и слегка помазали железо остатками нашей защитной краски. Оставили сохнуть. Вкусно, как отмечали все ребята, пообедали и на работу не пошли, сделав для себя вынужденный отдых. Вечер, как всегда, закончился двумя кругами в «кинга».

Утром просыпаемся в хорошем настроении. Должны закончить вторую машину. И вдруг все как-то вместе спохватились: ведь воскресенье. По утверждённому плану сегодня надо перебираться на следующую точку, в Кундуз. Это означает, что надо заканчивать, собираясь и быть готовыми к отлёту. Официально заказал вертолёт и машину, но погода всё-таки сама вижу, что не благоприятная. После завтрака идём все в парк, хотя для кого-то уже такой необходимости нет, делаем последние работы по монтажу, по проверке работоспособности и общему функционированию объекта. Вдвенадцать часов вернулись в палатку, чтобы помыться и собраться. Кудлай лично обещал мне организовать баню. А банька-то оказалась в продуваемой всеми ветрами большой палатке, развёрнутой прямо на холодной земле, с трубой на восемь распылителей. И это в декабре месяце. Помылись, конечно, без всякого удовольствия. Все постирались по возможности, а полоскать бельё пошли в эту горную реку. За предыдущие дни у нас даже не было времени, чтобы выйти на берег и познакомиться с нею. Было тепло, иногда выглядывало солнце, и мы приятно повозились в этой чистой ледяной речке под названием Кокча. Дожили до вечера в этих хозяйственных заботах, и даже удалось, как положено после бани, и поспать в палатке. Заботы на сегодня кончились, и ребята засели

играть в карты, а я же для очистки совести – за чтение книги. Взял с собой воспоминания Покрышкина и читаю с удовольствием. Часов в одиннадцать вечера вдруг поднялся вокруг шум и послышались звуки стрельбы где-то там за рекой. Выскочили из палатки: звуки далеко, не в зоне видимости. А реально оказалось: какая-то наша колонна выходила из гор на аэродром. Наш солдат-дневальный успокоил: говорит, что такое бывает часто и скоро закончится. Вот таким образом закруглили свой день.

Дожили до общего безделья. Работу сделали, и я с Геннадием после завтрака проверили возможность установления и качество радиосвязи с модернизированной машины до Кабула: позывной «Опера». Обмен прошёл, дали мы оценку удовлетворительно. Аппаратура настройку имеет чёткую, понятную солдату, что очень важно. А полдня уже прошло, и понятно, естественно, вылета сегодня уже не будет. Это уже создаёт атмосферу нервозности какой-то, подвешенности и неопределенности в ожидании. С Олегом составили акты выполненных работ на каждую машину. Вдвоём пошли к командиру на утверждение. Принял нас хорошо, посидели немного для приличия, получили нужные для меня подписи-визы. Сказал «спасибо» с добрым напутствием, но и выразил свое неудовольствие якобы моим предвзятым, на его взгляд, докладом о плохой организации работ в первый день. Доказывать что-либо не имело смысла, только извинился, не зная, за что. Но потом мы тепло попрощались. Вышли с Олегом от командира и затем с его помощью через пульт оперативного дежурного сумели позвонить в Кабул. В отделе сидел сегодня, как всегда, Князев. В связи с наметившейся задержкой из-за нелётной погоды потребовал у Князева выйти на Москву и официально предложить Смирнову поставить вопрос о продлении визы и командировок. Вечером опять беспокойство в городке, где-то постреливают, тем более что днём прошла информация: разведрота в шестидесяти километрах отсюда ведёт тяжёлый бой с большой бандой душманов. Начальник штаба срочно стал организовывать помощь. Для этого вызвал двух солдат-пулемётчиков, которые тут же у штаба снаряжали патронами ленты. Затем сам на двух вертолётах МИ-8 вылетел для поддержки разведчиков огнём с борта, с возду-

ха. Нам тоже в эти свободные дни удалось один раз отвести душу и здорово пострелять боевыми патронами из автомата с пулей калибра 5,45. Мне-то это не ново, но и у меня раньше такого огня никогда не было. А уж челябинцы получили полнейшее удовольствие. Выезд на такую стрельбу в качестве отдыха на пару часов предложил и организовал Ляшко. Я же, по случаю, обеспечил всю операцию двумя ещё не распечатанными цинками патронов, которые нашёл случайно в хламе на борту подбитого и брошенного на общей свалке металломолома бронетранспортёра БТР-60. Это я, что называется, прогулялся ради любопытства на свалку. И вот результат: два цинка и как-никак тысяча девятьсот двадцать патронов. Стреляй – не хочу. Что мы и сделали вскоре. Капитан Ляшко своей властью организовал поездку на одной БМП километров за восемь к подножию горы, где полк устроил стрелковый полигон. Вот здесь по пустым патронным банкам, различным жестянкам стреляли, стреляли, но так и не сумели расстрелять эти два цинка. Получили отличную моральную и физическую разрядку. Больше всех ревился сам Пережогин. Автоматы, а было их у нас всего два, нагревались до того, что начинало дымиться ложе, а все мы аж потом до следующего дня ходили в полном смысле оглохшими. Но, к несчастью, к вечеру пришла в городок информация с операции о том, что у нас в том бою есть даже убитый солдат. И, действительно, начальник штаба этим же вертолётом доставил одного убитого бойца. Можно сказать, что боевая обстановка очень и очень ощущается и коснулась краем и нас. Даже в собственной голове невольно, уже лёжа в кровати, просчитываются варианты действий на случай какого-нибудь возможного нападения. И главная мысль тут такая: в этой Тмутаракани мы чужие и никому не нужны. И, конечно, понимаем, что рассуждения бесполезны, так как собственного оружия, хотя бы у нас, военных, нет. Ночь прошла спокойно, а на следующий день Олег для интереса только мне показал боевое донесение по этой операции, присланное командиром разведроты. Он это донесение по долгу службы должен был обработать для доклада командиру, для приказа, а также для донесения наверх. В нём было даже любопытное сообщение с документаль-

ным подтверждением о смерти Раббани – главаря местных душманских объединений, известного уже в качестве национального политического лидера. Затем Олег понёс его для доклада командиру. Было это уже 23-е число, очередной день без работы. Стоит проблема вылета, а в перспективе уже намечается серьёзный срыв графика работ и, конечно, сроков командировки. Уже надо быть в Кундузе, а мы сидим здесь, в горах Афганского Бадахшана.

С утра опять пообещали вертолёт, но затем всё отложили, хотя было хорошо и солнечно. Настоящая лётная погода. Как стало вскоре известно, вся эта новая задержка связана с советско-афганским политическим мероприятием, с проведением траурного митинга и отправкой на ближайшем борту тела погибшего солдата. В десять часов начался митинг. Полк был построен в поле, тело рядового Кузнецова под красной материей лежало на подставке перед строем. Приехали на панихиду и гости – местная провинциальная власть и даже один член ЦК афганской партии. Было их человек тридцать, многие с оружием. Этот член ЦК партии, средних лет афганец, держал речь в память о бойце, за революцию и дружбу между нашими народами. В конце были сделаны три залпа боевыми снарядами из артиллерийских орудий целенаправленно по острой, как клюв орла, горе, где было известно о нахождении в пещерах одной активной базы душманов. Затем подразделения прошли перед телом и командованием. Мы, конечно, тоже участвовали в этом траурном мероприятии. Стояли рядом с импровизированной трибуной для гостей среди афганцев. Пообщались с ними, и затем всё мероприятие на этом закончилось. Осталась теперь отправка тела. Мы летим этим же вертолётом, что и убитый солдат. Значит, теперь улетим точно. Пообедали здесь в последний раз. После обеда без раскачки объявили срочную готовность к вылету. И, наконец, подали два борта МИ-6, огромные грузовые вертолёты, способные забрать в себя много, много всего. Собрались резко. Майор Машковский, начальник бронетанковой службы, дал ГАЗ-69 и грузовик для нашего оставшегося единственного ящика с инструментом. Полёт не было уже три дня, и поэтому на аэродроме собрался народ, желающий лететь в Кундуз. Среди нас было много и афганцев. Мне

показалось, что их даже было гораздо больше, чем русских. Всех вертолёты не могли бы и взять. Борта пришли с грузом. Их надо разгружать – от этого теперь зависит время нашего вылета. Вот пришла и санитарная машина с телом. Это означает, что вылет состоится в любом случае. К разгрузке бортов были привлечены афганцы, которые дружно взялись за работу. Все коробки-ящики с обувью, с советской гуманитарной помощью были быстро выгружены и аккуратно уложены на травке, хотя много ящиков в их умелых руках и рассыпалось. Однако скоро уже будет темнеть, и, состоится ли полёт, возникает сомнение. Загрузились с некоторой нервозностью человек пятьдесят вперемежку с афганцами, заработавшими право на полёт разгрузкой груза. Мне лететь пришлось в том вертолёте, в котором отправляли тело погибшего. Сидел я рядом с носилками, на которых он лежал, прикрытый только чистой белой простынёй. И лишь сапоги торчали из-под этой простыни. И ничего: мои ощущения, видимо, стали вполне спокойными, естественными.

14

Неуютный Кундуз

Взлетели, и, дал Бог, через пятьдесят минут благополучно приземлились в Кундузе. Опять началось моё хождение по уже знакомому аэродрому, между местом выгрузки и комнатой диспетчера, где был единственный телефон. Только через полтора часа беготни и ожидания, уже в темноте, появился за нами бортовой ГАЗ-66. Окруженными дорогами вокруг взлётно-посадочной полосы аэродрома добрались в расположение дивизии. На сей раз нас сразу и навсегда разместили в общей большой офицерской палатке-гостинице с постоянным дневальным и нормальной печкой. Имущество сбросили где-то в парке, ближе к рабочему месту. Успели даже поужинать, но кормёжка гораздо менее вкусная да и сервис убогий, на наш первый взгляд. Встретился сразу с Савельевым. У него хорошая новость: он уже два дня как стал подполковником. Я поздравил его от души. Рассказал мне, и я думаю, об этом стоит упомянуть.

нуть: обмывал звёзды водкой, купленной у наших союзных вертолётчиков по грабительским ценам – двадцать пять чеков за поллитра. Везут в каждом рейсе ящиками и наживаются нагло русский на русском, пользуясь трудностями военного времени.

Мне опять, как начальнику, надо искать командира полка. Сплошная темень, я расположения не знаю. Вот и повёл меня лично Савельев в парк, где в это время, по наводке, был командир. Но оказалось, что это был его первый заместитель, исполнявший в эти дни обязанности командира. Молодой, в моём понимании, для такой должности, тридцатичетырёхлетний подполковник. Как сейчас помню его фамилию – Кравчук. Встретился с ним в какой-то служебной единственной парковой комнатке. Тут он оказался по случаю прилёта из Союза пожилого прaporщика – автомобильного технадра. Естественно, на столе уже стояла выпивка союзная с кое-какой закуской на газетке. Меня, естественно и безоговорочно, посадили за стол, и пошёл хороший мужской разговор и о жизни здесь, и о событиях в округе, и о наших организационных делах прямо с завтрашнего дня, ради чего я и пришёл. Рассказал я им и о том случае с майором Машковским, когда он неделю назад летел в полк из отпуска в парадной форме. Мне в красках говорил, что по техническим причинам вертолёт отказал и более-менее благополучно сел около единственной дороги на склоне в ущелье. Выбрались из машины целыми, оружие было только у пары солдат. А тут уже и душманы объявились по их душу. Залегли ребята за камнями и посчитали, что уже всё. Но, как в сказке, на дороге появились две БМП с ближайшего поста и помогли им, отогнав афганцев. Но тут Кравчук и заявляет нам, что этим спасителем и был он сам, приехавший как раз на пост для контроля. Все очень хорошо видели, как падал один наш вертолёт из пары летящих, и, взяв всё что есть из боевых машин, сам возглавил эту операцию освобождения. Вот какие бывают совпадения даже по одному событию, факту.

Поговорив и закончив гостевать, пошли все вместе вптымах по своим «домам» – палаткам. Чувствую, что стало заметно холоднее: декабрь ведь. В палатке мои подчинённые скучают. Удивленно смотрят на меня. Где пропадал? Да ещё пришёл подшофе.

Пришлось объясниться: был «по начальству» и решал проблемы нашей работы. В палатке было довольно тепло, даже работал телевизор и худо-бедно, с помехами, шла какая-то афганская политическая программа. Ребята молодцы: без меня разместились и освоились.

15

Новый гарнизон, новые люди и дела. Поэтому начинаю с новой главы наступивший день 24 декабря. Позавтракали, оделись потеплее и потопали в парк к нашим ящикам. Уже подогнали первую БМП-1КШ, вторая была в рейде в Тулукане, и планировалось после оборудования одной машины их разменять. При этом меня ограничили временем на работу, хотя и вполне приемлемым, но всё-таки ограничили, и только потому, что колонна войск должна была возвращаться в строго установленное время. Значит, сейчас надо торопиться, а потом один-два дня терять из-за пересменки. И подобные потери времени моими командирами в Москве даже не брались в расчёт, хотя при отъезде в Москве на инструктаже в ГБТУ соображения на этот счёт и о нереальности вообще сроков работ были высказаны Пережогиным. Работу здесь начали сразу очень и очень организованно: сказалась моя вчерашняя подготовка и высокая ответственность офицеров знаменитого 149-го мотострелкового полка. Техника есть, сварка работает, опыт появился, и весь процесс был организован более толково. Что ещё нужно командировочной душе для полного удовлетворения? Поэтому в первый же день успели много сделать: почти все работы по металлу. А вот с питанием у них оказалось совсем плохо. Продукты в основном консервированные, хлеб только чёрный и на удивление мокрый. К такой пище надо привыкать, и как бы не попортить свои желудки. Тем более, известно, что буквально все прибывшие в Афганистан в первые дни обязательно проходят через желудочные мучения. Друзья-товарищи облегчили моё существование, купив вскладчину зубную щётку, точнее за чеки того же Полякова. Сразу стал человеком – ведь и щётку

оставил вместе с той бритвой в самолёте. В общем, сделал подарки экипажу.

Как уже сказал, сделали сегодня в первый день много. И вот по-дошёл холодный вечер. Что делать? Выяснили, что в дивизии есть большая-большая палатка-клуб, где крутят кино. Кто-то из местных это сказал и пригласил нас убить время в кино. Смотрели «Над Тиссой». Действительно, к вечеру народ собирается после всех дел, и в зале было полно. Но в кино почему-то из наших я был один. Бригада осталась в палатке, чтобы пораньше лечь спать. Несмотря на то, что солдат постоянно топит печь, в палатке стало холоднее и на вторую ночь мне пришлось укрыться шинелью. А в первую ночь даже и уснуть толком не мог: рядом, в ста – ста пятидесяти метрах, всё время шумят вертолёты. Ещё до кино от оперативного дежурного удалось дозвониться и до Кабула, и до Москвы с докладом о совершившённом перелёте и начале работ на новом месте, во втором гарнизоне. Пошёл здесь наш второй день. Дай-то Бог, пока все здоровы и дело движется. В палатке стало, наконец, даже очень тепло и сразу уютнее, а вот на улице совсем холодно и до безобразия грязно. Идёт обильный снег с дождём, и всё перемесилось под ногами. Хожу сам в яловых сапогах, благо предусмотрительно взял их с собой, достал опять из резерва и шапку. Ребята же форсят в своих штиблетах и завидуют мне. До парка дошли, терпели, но потом быстро начали бурчать по поводу этой грязи. Быстро поняли, что, в конце концов, дали дома промашку при сборах и теперь могут остаться без обуви. Стал профсоюз показывать свои зубки и по другому поводу: повели разговоры о деньгах и об официальном отдыхе. Непорядочно, ведь быстро забыли о днях отдыха в Файзабаде. Ну что же: отдых ещё могу организовать, а вот денег – нет. Сам страдаю из-за их отсутствия.

Основную работу по первой машине по монтажу окончили до обеда и обязаны были успеть покрасить: пусть сохнет. А после обеда неходим: будем отдыхать в палатке опять же по просьбе трудающихся. Отдых в этот день, но уже с Николаем, завершили также просмотром кинофильма. На сей раз смотрели комедию «Сдаётся комната с ребёнком». По тем временам даже очень свежий для во-

енного кинопроката фильм. Очень хорошая комедия, да и народу опять полно, вплоть до местного начальства.

Ну а ночью снова подзамёрз и натянул на себя шинель. В палатке всё- таки гуляет ветер и в наличии всего две печки, которые надо успеть протопить одному бойцу, заготовить (найти) в течение дня всё, что способно гореть. Командует же, то есть, точнее говоря, кому поручили заботу о такой гостинице, этой палаткой командир артиллерийского дивизиона. Это молодой, симпатичный, высокого роста майор. Живёт в этой же палатке и каждое утро тщательно собирается на свою огневую позицию за двадцать километров, как на работу. Говорит утром: «Поеду постреляю и домой». Он своими батареями стоит в предгорьях и каждый день планомерно ведёт обстрел дальнобойными орудиями известных нам мест размещения душманских баз в пещерах в ближайших горах. Вот такой офицер опекал наше проживание. Глухая канонада целый день слышалась по округе, порой до самой темноты. Как только раскаты прекращались, через некоторое время появлялся наш майор, умывался, ужинал и уже потом находил время заниматься нами. Если сказать точнее: не только нами, но и, конечно, людьми и заботами своего дивизиона.

16

Поутру всё опять по-старому. Холодно и, как всегда в этом полку, невкусный завтрак. Вошли в ритм работы, тем более что днём опять потеплело и стало приятнее на рабочем месте. Савельев толково организовал нам фронт работ. Первую машину уже сделали до обеда. Начальник связи куда-то пропал, и мне пришлось самому влезать в неподчинённые мне структуры и организовывать связь с Кабулом, предварительно договорившись об этом в межгарнizonной сети с дежурным по связи «Оперы». Пока проверял связь в различных направлениях и крутил для этого машину на пятаке, перепахал песок в парке, нарушив на территории красоту и порядок. И здесь связь получилась постоянной, удовлетворительной и

даже временами хорошей по слышимости и разборчивости речи. В это время видим, что по дороге движется большая колонна машин из рейда, и мы с интересом некоторое время смотрели, как выезжала она из гор и втягивалась в наш парк. Все машины грязные, побитые объекты тянули на буксирах. Солдаты по виду были очень уставшими. Начальству тут же доложили, что на склад артиллерийского вооружения из пришедшой колонны сдали трофейное оружие. Савельев предложил мне подъехать туда, благо был у нас УАЗ-469-й. И я, и Геннадий с большой охотой согласились съездить и полюбопытствовать. Склад на краю парка, и туда только что прaporщикубросили с одной из машин ящики. Чего только в этих двух ящиках из-под артиллерийских снарядов не оказалось! Наряду с абсолютно новым, не поцарапанным нигде, ижевским охотничьим ружьем 16-го калибра, оказался наш АКМС с откидным прикладом под пулью 5,45. Савельев тут же распорядился этот, только принадлежавший по штату офицеру, автомат отделить от остального металломолома и отдать потом на номерную экспертизу. Говорят, что так положено. Геннадий же присмотрел себе свежий, только что с душмана, кожаный патронташ через плечо с небольшим количеством патронов совершенно разного типа и производства в его гнёздах: от английского Бура до китайского 7,62-мм патрона. Интересно, из какого такого оружия тот душман стрелял при таком наборе патронов? Я же подержал в ладонке 5-миллиметрового калибра итальянский пистолетик. Он был очень красивым, с белыми перламутровыми бочками, и очень лёгкий. Подержал в руках и только, а на большее «не решился». Вот такая получилась перед обедом у нас экскурсия, после которой только-только успели подъехать прямо к столу. Обед проходит довольно неорганизованно как у офицеров, так и, тем более, у солдат. Даже в домашних условиях солдаты принимают пищу прямо из котелков, стоя на свежем воздухе, на холоде и без крыши. Ну прямо как в поле, на учениях. По предложению нашего хозяина, Владимира Николаевича, дружно согласились принять вечером баньку. Есть у него в парке построенная по науке командирская баня с парилкой. В самых лучших русских традициях. А так как офицеры и прapor-

щики пришли с рейда, то будет в обязательном порядке организована баня для всех. А пока работу после обеда продолжили и к пяти часам закончили полностью оборудовать машину. Пришли домой. Времени опять много и чем-то надо было заняться. Как всегда, выручили карты, и доигрались до семи часов вечера, прямо до ужина. Ну а вечером состоялась обещанная баня. Сделано отменно: в предбаннике всё в свежеотструженном белом дереве, парилка тоже из свежих досок. Протопка очага сделана снаружи, с улицы, а здесь, внутри, горка горячего камня. Всё по науке. Кроме нас, ещё никого не было, и мы сумели попариться по три раза. Потом стали подходить и другие офицеры полка. А в палатке уже положили свежее постельное бельё, даже по виду, как ни странно, не очень старое. Не стали после бани себя ничем утруждать и пораньше залегли спать. Сегодня в палатке было очень тепло: никаких шинелей. У всех настроение, как положено у русских людей после доброй парилки, очень и очень благодушное. Отлично выспались и всегда готовы начать новый трудовой день. А это уже будет 27 декабря, и у нас в работе ещё один объект, который вчера пришёл с операции. Но подспудно не забываем, что скоро Новый год, и кровь из носа, но 31-го числа обязаны быть в Кабуле, в нашем афганском доме – в ОРВБ, у наших чемоданов, у наших скромных запасов.

Машину мы, безусловно, сделаем. Но здорово уже сомневаюсь в плановом организованном отлёте, и надо мне подготавливать почву для этого. Несмотря на то, что имущество будет уже установлено на машинах, всё-таки два ящика назад с собой повезём, и мы будем их таскать и возить. Это так – соображения в плане на будущее. Однако утром всё в нашем мире перевернулось. Опять пошёл мокрый снег и стало опять очень холодно даже днём и, конечно, грязно, как говорится, по уши. Вот тут-то заговорили наши гражданские сотоварищи о плохих условиях. Челябинцы «выступают», то есть немного бунтуют, бузят. Но работу на второй машине мы всё-таки организовали, и дело движется. Честно говорю: не ожидал от них такого малодушия и недисциплинированности, особенно от самого Валентина Андреевича, как старшего и выступающего за их интересы начальника. Обидно, конечно: как будто у нас не один кол-

лектив, хотя и временный, для выполнения этой большой работы. Дозабастовались они до того, что мне самому пришлось в тот день обеспечивать рабочее место электроэнергией. Плохо также то, что бодяга эта совсем не по делу и возникла в большей степени от их гражданской неприспособленности к трудностям и политической недальновидности.

В это же время и Генка заболел, или, вернее, стал пока для начала себя чувствовать плохо с желудком. По такой плохой погоде, с нашего общего согласия и моего разрешения, он остался в палатке лечиться. До обеда худо-бедно в грязи что-то делали и, в конце концов, отмучились. Как завтра будем красить железо по такой сырой погоде? Пообедав, челябинцы сразу, но опять со скрипом, пошли по густой грязи со снегом к машине. Я же оставил Николая и взял его с собой искать командира полка. Нужно всё-таки решать вопрос с сапогами для ребят и, естественно, в любом случае получить их. Командира нашли в его личной «бочке»: персональной квартире. Молодой и, как мне уже говорили, очень перспективный майор. Отдыхал после обеда, но пришлось его всё же побеспокоить. Возмущаться не стал, всё правильно оценил и дал тылу по телефону распоряжение обеспечить нас желанными сапогами, несмотря на то, что на довольствии мы не стоим. Доб拉лись, наконец, до склада. Нашли в массе палаток нужную, а там сидит холёный прaporщик, который тотчас стал выпендриваться: дескать, нет нужных размеров. В итоге банально предложил майору самому лазать по бесформенной массе сапог, наваленных в ящиках. Ищите, мол, сами. Наглец и хам он всё-таки. Меня это здорово разозлило. Опять нашёл командира и всё ему высказал. Попросил оказать содействие в подборе обуви и приструнить этого зашедшего складом. Часов в пять солдат принёс нужное количество сапог прямо в палатку, и даже примерно подобранных по размерам. Всё закончилось даже без всяких материальных подписей, хотя бы формальных. Мои ворчуны были уже дома, тут же разбрали сапоги и стали сразу довольными, а то ведь уже еле дошли из парка, вытаскивая свои туфельки из грязи. А у меня тоже очередная личная трагедия подошла – сигареты кончились, а де-

нег нет, и поэтому понемногу стреляю «охотничьи» пролетарские у кого получится. Такие сигареты продаются в автолавке, куда как раз завезли товар. Только нам всё равно – ведь денег нет ни у кого, кроме Полякова. Посмотрел, как солдаты атакуют магазинчик, и ушёл с завистью и обидой домой. Обидой потому, что даже старший офицер Советской Армии в командировке не имеет минимальных денег для покупки самого необходимого. Моя трудность в этом усугублялась ещё тем, что поддержки у меня никакой не было. Ведь все мои остальные товарищи были некурящие. Вот такой оказался суматошный день, день разлада после предыдущего согласия и доброжелательности друг к другу. Буду надеяться, что это ненадолго, и, главное, чтобы не влияло на наше главное дело. Иначе будет очень неприятно. Впереди ещё долго работать вместе. А челябинцы опять показывают зубки и требуют как бы положенного выходного дня. А это будет означать потерю темпа. Не понимают, что они в армии и в Афганистане. В такой тональности закончили день. Но, правда, обзавелись сапогами. И завтра, без всякого выходного, выходим, как всегда, на работу.

17

Пришёл новый, такой же холодный и пасмурный, декабрьский день – 28 декабря. Темнеет уже заметно раньше, а в горах это ещё более ощутимо. Начали работу, но Пережогин опять принялся ныть и подбивать меня на принятие решения по выходному дню. Наш разговор получился в стороне, за палатками, резкий и даже с требованием от имени и по поручению профсоюза соблюдать в нашем обиходе трудовую и производственную дисциплину. Никак не хочет понять, что они выполняют специальное задание и находятся под военным руководством в условиях боевых действий. Пришлось смягчать острые углы тем, что, закончив оборудовать машину, у нас будет ещё не один день вынужденного отдыха, пока придётся ожидать самолёта на Кабул. А я уже присматриваюсь к аэродрому, благо он перед глазами и каждый шорох слышен. Пока движения на

нём никакого. Тихо. Надо докладывать о планах перелёта и требовать помощи. Пошёл к командованию. Нужен теперь полковник Пономаренко – это мой новый местный начальник (заместитель командира 201-й дивизии по вооружению). Пока работали в Файзабаде, он приехал по замене. Мужик крупный, партизанского характера в делах, но доступный в общении. Он мне сразу заявил, что авиацией не командует, и поэтому с отлётом всё неясно. Сначала я дал телеграмму ЗАС генералу Журавлю, а потом получилось так, что мне удалось переговорить с ним по телефону. Заверил, что будет искать решение. К двенадцати вышло солнце, наконец, и стало тепло, даже очень хорошо. Я оказался на пару часов свободен и решил использовать это время для другого дела. Характер-то мой, в общем, пытливый, да и работа в институте обязывает и приучила проявлять любопытство ко всему новому, интересному, тем более что в служебных рамках. А дело-то в том, что совсем рядом расположился разведывательный батальон дивизии. В нём в штате есть тоже, только другая, моя техника: БРМ-1К – боевая разведывательная машина. В отличие от мотострелкового полка батальон разместили в привилегированном, отдельном щитовом домике с кабинетом командиру и со спальными помещениями для личного состава Штаб его был тут же в модуле. Встретился с командиром батальона, капитаном по званию, и немного поговорили в его кабинете о боевом применении техники батальона, в том числе и о моей боевой разведывательной машине. Я из Москвы, и, по всему, чувствовалось к этому и уважение, и внутренний трепет: что этот майор откуда-то оттуда, как бы из потустороннего мира, из высшей инстанции. Поэтому обо всём вежливо и обстоятельно им было доложено по интересующим меня вопросам. А интересовала меня, как я уже сказал, естественно, моя машина – боевая разведывательная БРМ-1К. Такая у него в наличии оказалась и притом в эти дни стоит в парке, сильно подорванная на операции. Сам Бог велел мне идти на машину и осмотреть её. Дали в сопровождение офицера и пошли в парк – стоянку боевой техники, чтобы посмотреть характер повреждения и состояние аппаратуры. Мне, как ведущему это направление боевой бронетанковой техники специалисту, очень важно было познакомиться именно свойской эксплуатацией. С лю-

бопытством посмотрел дырищу в днище от подрыва на мине. Прапорщик, командир машины, рассказал, как, для интереса, применяли дальномер по душманам. На небольшом расстоянии мощности лазера оказывается достаточно для воздействия на глаза, и чётко видно было, как они – душманы – начинали суетиться при облучении.

Поблагодарил за рассказ и внимание, пожал всем руку и по хорошей уже погоде пошёл к себе на другой конец палаточного городка. Проблема с куревом для меня пока тоже не снимается. Занял три чеки, как бы без отдачи, и купил на все деньги тех же «Охотничих». Дотянуть бы до Кабула – там в чемодане лежат мои «Столичные». Погода вдруг опять что-то нахмурилась, и настроение тоже стало меняться. Вопреки нему на обеде, наконец, были вкусные котлеты, да и обед был весь сегодня приличный. Кушали с аппетитом. Что-то, видимо, в полку стряслось! Затем идти в парк по грязи ну никому не должно нравиться. Но надо! Зашёл в палатку как бы после всех, вроде бы последним, а там почему-то никого не оказалось. Что-то новое у нас в коллективе? Неужели челябинцы раньше обычного времени после короткого отдыха рванули на работу? Или же пошли прямо из столовой? Ну и дела! Я же остался в палатке и занялся бумагами. Пусть Пережогин сам покомандует там своими орлами. Но стало темнеть, и тут же появились челябинцы. Доложили, что сделали довольно много уже на второй машине. За это – молодцы. Есть повод мне написать акты, и до ужина сделал свою работу, всё оформил по этому полку. Тем более что у меня ещё дома были заготовлены бланки на всё количество объектов. Остаётся только заполнить их. А вечером всё, как обычно. В палатке, лёжа, можно почитать, что-то там показывают по телевизору. И сейчас все при деле: кому что нравится. Только Геннадий продолжает страдать. Главное у нас будет завтра, 29 декабря: закончить все работы, мне проверить работоспособность, подписать акты и можно вылетать.

Новый день начался как-то непривычно, с солнца, – отвыкли от него. Заметно потеплело, и мы повеселели. Я ещё про себя отметил, что эта погода к полёту. Геннадий, правда, всё мается желудком и остался опять в палатке, поближе к туалету. По всем нашим расчётам, мы должны работу заканчивать. До обеда это мы друж-

но и сделали. Всё получилось очень даже красиво. Пока мои мастера заканчивали работу, делали последние закрутки и затяжки, я совершил маленькую, но любопытную для меня экскурсию по округе. Пошёл вдоль парка по тыловой дороге посмотреть на окружающую местность: что же там есть? И метров примерно через сто пятьдесят оказался за границей части на краю высокого и крутого склона. Находясь в дивизии или на аэродроме, невозможно было раньше представить, что находишься на высоте, что совсем рядом есть буквально крутой обрыв, за которым внизу отлично видны сельскохозяйственные наделы и постройки частных хозяйств. А чуть дальше просматривалась оживлённая автомобильная дорога, идущая на север через Кундуз в Союз. При чистом и прозрачном сегодняшнем воздухе отсюда был колоссальный обзор. Хорошо было видно, как внизу копошились в земле афганцы. На самом краю плато наткнулся на наш блокпост охранения, чего сразу даже и не заметил. При моём приближении выскочил из землянки сержант, ошарашенный неожиданным появлением какого-то чужого майора, офицера в очень высоком для него звании, тем более и одетого не как все – не в полевую форму. Я его перепуг хорошо понимал. Поэтому доклад его приостановил, поздоровался с ним за руку и попросил показать своё хозяйство. Пост – крайняя точка охраны в северном направлении. Живут в обстоятельно сделанной землянке, спят на нарах, топят печку по-чёрному. Рядом на дворе костище для приготовления пищи. Тут же самодельный стол и две скамейки. Кто-то из солдат отдыхал, кто-то нёс службу чуть в стороне от землянки, ведя постоянное наблюдение из окопа за местностью и за склоном. От их службы и бдительности зависит безопасность и благополучие гарнизона. Попросил бинокль и осмотрел округу из него. Естественно, долго мне тут делать было нечего, и через пятнадцать – двадцать минут вернулся к машине. Идём на обед. Пообедали сегодня уже с комфортом, под солнцем, в тепле. Потом с Геннадием, который всё-таки решил поучаствовать в делах, проверили связь с Кабулом прямо из парка. Не выдержал он безделья и пошёл с нами в последний раз. Кругом в парке суeta – приводят в порядок технику после рейда. В суматохе даже бабахнули забытым в ство-

ле снарядом из БМП-1. Хорошо, что случайно снаряд пошёл мимо палаток. Сдал свою машину начальнику связи и тут же договорился с Савельевым на двадцать часов встретиться для подписания и утверждения документов командиром. Но задержали меня почему-то челябинцы. И только где-то в девять вечера пошёпал по грязи в парк, где должен был быть, по наводке, в это время командир полка. Захожу – играют в карты Кравчук с Савельевым, а командира опять нет. Кравчук утвердил акты, и Владимир Николаевич пошёл ставить печати. Пришлось ещё какое-то время подождать. Вот вроде, получив документы, мы всё закончили здесь. Распрощались и даже обнялись, испытывая взаимную симпатию, я вернулся к себе в палатку. Довольно рано сегодня легли по кроватям и потянулись разговоры вптымах о завтрашнем отлёте и дальнейшей жизни. Очень дружно все отметили отличную организацию здесь работ.

18

Как же улететь?

30 декабря. Ура! Утро солнечное, тепло и уже моментально почти сухо. Главное для нас – погода лётная. Организовали всё, что связано с вылетом. Автобус в готовности стоит в парке комендантской роты дивизии, ящики уже там же, а мы все в палатке после завтрака с личным багажом отдыхаем за разговорами в ожидании команды. Но время идёт, а на аэродроме тишина и команд для нас пока нет. Но тут же один слух проходит, или информация, как угодно, или, как у нас говорят, – вводная. Вводная невесёлая. Это был приказ командующего по группировке для обеспечения порядка и безопасности в дни празднования Нового года. А это означает, что все перемещения по стране с 30 декабря до 2 января запрещены. В это же время будет проводиться плановая пересменка лётного состава из Союза. Так что и реальных лётчиков не будет. Вот и попались мы крепко. Капкан практически для нас захлопнулся. Просто влипли в Кундуз. А ведь, во-первых, по плану работ у нас везде учитывались минимальные потери времени на перемещения, а тут аж до 2-го будет

пауза. Во-вторых, в Кабуле все наши вещи, по сути дела дом, и там, естественно, надо быть на Новый 1981 год. Дело дошло до некоторого общего нервоза в моей команде, и, конечно, главным образом в челябинской части её. Я же ушёл в связи с этим решать вопрос отлёта к полковнику Пономаренко. Ему всё это, как говорится и как я понял, до лампочки. Направился на узел связи звонить в Кабул. Нашёл только полковника Лапшина, начальника бронетанковой службы у Журавля. На высоких тонах предлагаю, а потом пытаюсь и требовать организовать нашу отправку: ссылаюсь на ответственность за необходимость строгого выполнения директивы главкома СВ. Он сразу же расписался в невозможности практически что-либо сделать. Но и марку заботливого и инициативного начальства ему как-то надо поддержать. Предлагает, как единственный вариант, немедленно перебросить нас вертолётом в Пули-Хумри, а там подсадить в любую армейскую автомобильную колонну, идущую на юг в Кабул через известный тяжёлый перевал Саланг. Ничего себе распоряжение! На него весь мой профсоюз, когда я вернулся и доложил о разговоре, моментально ответил отказом и выставил главный аргумент: мы гражданские и мы так не договаривались. Убиваться не собираются и таким методом добираться не согласны. Мне же с Геннадием, как людям военным, в этом деле остаётся только сказать «есть!» и выполнять команду. Опять иду на узел и так и сказал итоге обо всём этом при повторном разговоре Лапшину. Прямо головная боль какая-то получилась. В полном смысле даже не между двух, а между трёх огней оказался. Ещё раз прошу от него, чтобы решили вопрос через командующего и организовали сюда специальный самолёт. Понимаю, что, конечно, решения такого не будет и разговор наш на этом безрезультатно заканчивается. Как сказал он: будет ещё искать варианты. День же между тем проходит, и погода стоит отличная. Как по заказу: только лететь. Бригада отдыхает, в ходе такого безделья брюзжат как бы про себя. Пережогин с Алексеем обрабатывают меня, а Геннадий находится в нейтрализете, тем более что всё ещё болеет и переживает: не признаки ли это дизентерии? Мы надеемся, что это у него рядовое, касающееся буквально каждого, расстройство желудка от местной воды. Прав-

да, к слову, надо похвалиться: все мы остальные пока лишний раз по туалетам не бегаем. Туалеты, кстати, здесь особенные, основательно обустроены по единой команде сверху и по единому проекту. Сделано сразу на много гнёзд. Всё сооружение сверкает из новейших досок, завезённых до последней из Союза. Это вспомнилось как отступление на тему гигиены в Афганистане.

А вот по-настоящему наше дело сейчас обстоит так: мои бойцы сидят на кроватях и лениво перебрасываются в карты, так себе, не-серъёзно. Я же в это время нахожусь в напряжённом состоянии, на постоянном взводе и болтаюсь между ними, телефоном и Пономаренко. Всё пытаемся сообща решить вопрос нашей переброски в Кабул.

Вдруг, часов в одиннадцать, слышим звук самолёта. Какой-то борт появился и садится. По виду это знакомый АН-26-й. Значит наш, военный. Быстро уточняю ситуацию у дежурного, благо в этот момент я оказался рядом. Говорит, что, вероятно, борт будет прямо на Кабул: то, что нам и нужно. Бегу в палатку и быстро организую людей. Все потащились с чемоданами на ближайший перекрёсток дорог, а мы с Андреем бежим в парк за автобусом. Захарову же дал персональное задание, как представительному подполковнику, без вещей бежать, именно бежать на рулёжку к самолёту. Необходимо на месте разобраться: чей борт, кто летит и куда летит? И главное во всём этом: заберут ли нашу команду? А я в это время должен взять автобус и по дороге на перекрёстке подсадить всех ребят с вещами, а затем быстро-быстро проскочить на аэродром. Въезд был на этот раз с нашей стороны, и доехали моментально. На полосе полно народа, разных званий и многие с оружием. Генерадий успел разобраться и доложил, что борт пришёл непосредственно за заместителем начальника политотдела армии, полковником, которого, вопреки всем строгим приказам, надо тоже доставить домой, в Кабул, к Новому году. Борт оказался, а это был действительно АН-26-й, всё-таки неплановым. Другого самолёта, точно, уже не будет. Поэтому, кровь из носа, но надо добиваться посадки. Нахально лезу через толпу желающих со своими полномочиями прямо к этому полковнику, только что появившемуся. Холёный,

и с каким-то форсом одет с нарушением формы. Стоит в бриджах, в фуражке и в тёплой лётной кожаной куртке для шика. Фуражка, конечно, у него красная, пехотная, как фонарь: видна издалека среди зелени разных форм одежды. Сначала он не реагировал ни на что. И ясно сразу было, что он всех взять не сможет. Надо сделать хоть какой-то отбор. Поэтому он своему знакомому майору дал команду всех построить. Сам же прошёл вдоль строя, выясняя, кто тут, зачем и кого необходимо взять. Прежде всего отбирал отпускников и едущих на учёбу. Мне пришлось энергично сунуть ему в руки московское командировочное предписание и даже на словах решительно настоять на отправке. Всё-таки в расчёт на посадку мы попали. Быстро забрасываем имущество и быстро усаживаемся по скамейкам вдоль бортов. Людей, видимо, взяли всё-таки с перебором. Техник самолёта при взлёте прошёл в хвост и попросил всех сидящих здесь перейти в голову и до набора высоты стоять там. Присесть-то ведь негде. Точно так же надо было проделать потом при посадке. Вероятно, для правильного баланса и нашей человеческой безопасности.

Наконец летим. Комфорт, конечно, не тот, что был на нашем персональном борту из Челябинска и Ташкента. Но задача дня и всего этапа теперь решена. Если долетим благополучно, а перегруз самолёта определённо волнует, то сегодня будем в Кабуле, дома. О нашем отлёте Князеву, Лапшину дозвониться в той суete не успел, да практически и не мог. Пономаренко, вероятнее всего, без моей просьбы по этому вопросу и пальцем не шевельнёт.

19 **В Кабуле**

Оказались на аэродроме после посадки нашего вне плана самолёта неожиданно, и, естественно, как всегда, никто нас не встречал. Опять встаёт та же проблема для меня. Моя планида снова идти к коменданту на телефон и по окружным цепям связи, через двое-трое позывных, добираться до нашего управления. Ух, однако, дозвонил-

ся. Дальше уже от них последует звонок в рембат, Гребневу, и потом он направит машину за нами. Я понял, что ждать на ящиках придётся долго и, не дай Бог, надо будет добираться через весь город уже в темноте. А этого делать тоже не положено и опасно. Стало туманнее и холоднее. Кабул выше, чем Кундуз, и стоит в горах, климат потому несколько покруче. Мне более-менее тепло, я в сапогах, а вот бригада сдала сапоги в полку и опять мёрзнет, хотя и одеты в отличные кожуха, которым я лично страшно завидую. Полтора часа мы ждали, пока за нами приехал начальник штаба, и всего лишь на УАЗ-469-м. Удивляется, что не так передали распоряжение. Я тоже удивлён и возмущён этой постоянной расхлябанностью. Смех и только, если бы не усталость и голод. Отправил на этой машине всех, кто сумел втиснуться, в том числе и больного Геннадия. Наказал строго Морозову, чтобы организовал к нашему приезду баню и размещение. Я и Федя остались вдвоём со своими ящиками в ожидании грузовика. Ждать придётся долго: пока доедут до рембата и организуют затем грузовик за нами. Так и прождали ещё полтора часа, дотемна. Наконец-то пришла санитарка, забрала ящики и, конечно, нас. Ехали через цивильную вечернюю часть города. Всё кругом сверкает и красиво, всё живёт и торгует. Приехали, а мои бойцы уже ушли в баню: не дождались нас. С Федей торопимся вдогонку, чтобы застать горячую воду в уже знакомой бане. Но вода была ещё хорошей, душ сильный, и для нас хватило. Отлично смывли с себя всю грязь и получили истинное наслаждение. Для ночлега Гребнев на сей раз выставил нам две давно не эксплуатируемые танкоремонтные летучки. Поставили их в самом центре городка. Но нас семь человек, а в летучках вроде шесть мест. Как тут быть? Опять возник очередной бытовой вопрос. Но благо выручил Морозов: приехав с аэродрома, сразу отправился на приём к врачам, потому что за проволочным забором оказалось инфекционное отделение госпиталя. Его-то там, особо не разбирайясь, быстро прихватили и уложили в палатку, взяв сразу необходимые анализы. Отпустят теперь лишь при хороших анализах через несколько дней. Так что места теперь нам хватит, но Новый год мы будем встречать без него.

Наши же машины-общежития – это пока ещё холодные, грязные и без света будки. Командир назначил, как нарочно, нам только-только призванного и неопытного солдатика, которого тоже, как и в Файзабаде, пришлось учить топить печку. Сейчас же обязательно надо протопить, да и потом постоянно топить, так как на улице довольно холодно: градусов семь-восемь тепла. Пока начали топить, напустили дыма так много, что хоть убегай и не заходи долго. Принесли постельное бельё. Простыни все просто сырье. И вот в темноте раскладываем на рундуках свои постели и ложимся в эту сырость. Можно представить себе, что это за удовольствие после жаркой бани ложиться под мокрые простыни и в сплошном дыму. К утру, конечно, просушили их на себе, а с плохой печкой всю ночь дрожали и плохо выспались. Утром очень хотелось ругать солдата, который заготовил так мало дров и сам исчез на ночь. Даже и подтопить нечем было. Пришёл он поздновато, и мы спустили на него всех собак. Сразу после накачки быстро научился находить дрова и нормально топить. Он даже в последующие дни привык к нам и стал своим, родным в машинах. Как бы хорошо ни устроились, но мы прекрасно знали, что задерживаться здесь не придётся, чуть ли не 1 января надо перелетать на следующую точку. В данном случае был у нас запланирован следующим пунктом Джелалабад, 66-я отдельная мотострелковая бригада, что стоит на юго-востоке страны на границе с Пакистаном. Терять вновь время нам никак нельзя, не позволено свыше, но до 3-го числа, как я уже говорил, всякие полёты запрещены, а виза у нас до 10-го числа. Явно не успеваем, о чём говорили ещё в Москве, но к нам не собирались прислушиваться.

А утро, как по заказу, стоит солнечное и по-зимнему свежее. 31 декабря, последний день уходящего первого боевого года в Афганистане. К десяти часам утра Гребнев с трудом принял решение и дал мне машину для поездки в «Тёплый стан» к Журавлю. Надо ему лично доложить ситуацию и обговорить дальнейшие действия, а также суметь позвонить в Москву.

В гарнизоне тоже действует новогодний приказ на ограничение въезда и выезда машин. Поэтому посчитал лучше совсем не заезжать в городок, так как можно потом и не выехать. Оставил маши-

ну на общей стоянке перед КПП. Надеюсь, не арестуют. Сам же пошёл по глубокой пыли в штаб, где застал на месте всех наших офицеров. Поздравили меня да и друг друга с Новым годом. Генерал Журавель заверил, что, несмотря на запрет, будет организовывать и гарантирует нам вылет в Джелалабад 2 января. Он будет над этим работать, а мы ждать в готовности со своими новыми комплектами аппаратуры в ящиках.

20

Вот пока сейчас я кручусь здесь, в ОРВБ, челябинцы формируют новые комплекты имущества, а Геннадий, видимо, останется в госпитале ждать результаты анализов и долечиваться.

Дозвонился до Юрия Ивановича. Он до сих пор ничего не может сказать о продлении визы и командировки. Докладывал своему начальнику о моём беспокойстве и требовании, но всё решается непосредственно на самом верху, а это требует времени. Ясно одно: при самом лучшем раскладе и работе даже ночью, что в общем-то нереально, на всё времени не хватит и работа в визовой срок не будет закончена. Ведь остаётся ещё три гарнизона, в разных концах страны. Ещё в Москве докладывали о подобной перспективе, но всё это было для ГБТУ где-то далеко-далеко. А теперь надо быстро решать, и Смирнов твёрдо заверил, что где-то 4–5 января решение должно состояться.

Главные дела в штабе закончили, и надо возвращаться домой, то есть в рембат. Подоспел обед, и пообедал с нашими танкистами за общим столом. Заодно занял у Князева двадцать чеков, чтобы хоть что-то купить к столу на Новый год и порадовать бригаду, спиртного не надо, да и в военторге не продают. Купил большой, на один литр, пакет заморского фруктового сока, сигарет. А больше ничего путного по таким деньгам и не нашёл. С таким багажом опять по пыли вышел к шлагбауму. Машину не арестовали, и проблемы с отъездом не возникло. Опять через город, но уже по другой объездной дороге вернулся в рембат. Пережогин работу с имуществом

закончил. Ящики в дорогу укомплектовал. Остальные опять закрыл, обвязал и уложил в батальонном складе-землянке. Тут тоже отобедали, и день пошёл к вечеру, к ожидаемому с нетерпением такому специальному Новому году. Дружески намекнул заместителю по тылу не забыть в честь такого дня и нас, гостей. Он с пониманием пообещал обеспечить чем-нибудь: консервами, овощами, хлебом – всем, что реально есть на складе и может поддержать наш импровизированный праздничный стол. Встал также у нас вопрос и с освещением летучек. Как жить без света вообще и в такую ночь в частности? Опять стал обрабатывать командира. Нужен провод, патроны, лампочки и умелые руки для этого. Со всем этим оказалась бо-о-ольшая проблема. И только уже почти к темноте сами сумели оборудовать одну машину. На вторую не было ни лампочки, ни патрона. Во всём батальоне это оказалось страшным дефицитом. При таких непростых трудностях к вечернему или ночному новогоднему «бою», таким образом, мы подготовились отлично.

Появился Геннадий, уже в спортивном костюме, побритый и отдохнувший. Но настроение у него плохое, так как взяли анализы и до получения результатов его из-за проволоки не выпустят. Значит, рассчитывать на него в Джелалабаде не придётся. И дело вовсе не в том, что не будет сделана какая-то практическая часть работы, а в том, что будет отсутствовать в команде юридически заинтересованная организация. Геннадий взял свою личную бутылку водки, поздравили мы друг друга с лучшими пожеланиями, и ушёл к себе в изолятор встречать Новый год с такими же инфекционниками, как и он сам.

21

С Новым 1981 годом!

Сама встреча Нового 1981 года в этих необычных для каждого из нас, в чём-то экстремальных для обычного человека условиях чужого Афганистана требует отдельного рассказа, что и попытаюсь я сделать более образно, как сумею, конечно.

В моей летучке организовали главный, но и единственный неплохой стол: все достали по запасённой бутылке водки, была вкусная свиная тушёнка, солёные помидорчики, рыбные консервы, лук, мой сок и много хлеба. В пустой бутылке стояла веточка какого-то местного хвойного дерева. Кто-то из ребят сумел раздобыть эту экзотику. Слабым фоном давал по «Маяку» музыку маленький приёмник – моя «Селга», отсчитывая параллельно точное время. По традиции в десять часов по местному времени вшестером проводили Старый год. Приняли по первой, и все сразу повеселели, подобрались и почувствовали, как с плеч хоть на какое-то время снялись наши важные текущие заботы. Солдат наш, наконец, хорошо справился с топкой, в машине стало уже жарко. И он ушёл в свою палатку, к своему Новому году. Мы же, в ожидании нашего Нового года, взялись за карты. Сейчас что-то не помню, во что могли бы мы играть в шестером, чтобы все были заняты. Но, так как свободных не было и все были при деле, то, вероятнее всего, научил всех играть в «японского дурака». Но через какое-то время кто-то из челябинцев смалодушничал и отказался сидеть и ждать полночь. Ушли спать в свою тёмную летучку. В Новый год из тех, кто остался в компании, налили по дозе, крикнули «Ура!» и выпили за здоровье в наступающем году и за успех в предстоящих делах. И вдруг, секунда в секунду, что прозвучали из моего приёмника, вокруг загрохотало. Мы выскочили дружно из будки и видим бесподобную картину: вверху тёмное-тёмное небо, а внизу под ногами красивый ночной Кабул. И практически вокруг всего города потрясающая красота от ракет, трассирующих пуль автоматных очередей. Трассеры выписывают в небе какие-то замысловатые фигуры, в зависимости от того, как ведёт рука стреляющего. И я не приукрашиваю, действительно, стрельба шла ото всюду, где стоят наши войска. А они занимают всё, что только можно, в предгорьях вокруг Кабула.

Через полтора часа встречали Новый год уже по московскому времени. И опять, как будто по единому сигналу, началась пальба, и даже над нашими головами прогремела, пролетела трассирующая очередь из пулемёта БТР, который стоял рядом на охране инфекционного отделения госпиталя. Не приукрашиваю, действительно –

но, прямо низко над нашими головами и в сторону города. Вот дают ребята! А челябинцы даже не проснулись. Мы же втроём: Поляков, Жора и я – допили за праздник и даже продолжили игру, но недолго. Скучно, потому что коллектив распался, а это тоже не совсем хорошо в длительном совместном пребывании. Первые, естественно, выспались хорошо в тёмной будке и рано встали, сходили на завтрак. А мы же в нашей летучке спокойно проспали до одиннадцати часов. Никто нас не беспокоил, даже не пытались топить буржуйку, понимая, что это была традиционно бессонная ночь. Перекусили остатками праздничного ужина, вновь были готовы отдохнуть до обеда. Однако появился в гости Генка с жалобой на свою судьбу и сорвал нам отдых. Вроде уже вылечился и всё встало на место, а отпускать его не собираются до тех пор, пока не пришлют результаты исследований, чего раньше 3–4 января не случится. Он хотел было даже уничтожить историю болезни. Вот как! Будто бы как бы там и не было. Раз не отдыхаем, я зашёл в палатку к Виктору Алексеевичу, и мы поздравили друг друга. Вчера, понятно, весь вечер и ночь он был на ногах в заботах об обеспечении безопасности и по поддержанию порядка. Всё прошло в батальоне спокойно, без происшествий. А раньше у нас для встречи как-то не нашлось времени.

Но к обеду опять стало заметно холоднее. Солдат пока ещё не пршёл, куда-то пропал, и топить некому, точнее, нет дров. В будке неуютно. Стали сами собирать по округе головешки, щепки и в печке с потугами появился огонь. Чем заняться? Ребята попросили научить их, а точнее, познакомить с основами преферанса. Учил-учил их, но дело шло тяжело и Жора в конце концов не выдержал, первым бросил и ушёл спать. Ночью нам опять досталось. Печка прогорела: дров нет, солдата тоже нет и к утру стало так холодно, хоть не высовывай носа из-под одеяла. Такой вот получился у нас выходной день, потому что выезды-вылеты запрещены, о чём я уже упоминал. Сидим, ждём – теряем время.

Начинается новый день, 2 января: будем считать его рабочим, но, как получится и сложится обстановка, кто знает? Погода пасмурная, небо заложило, но днём не холодно. Опять настроились на сон. Но через посыльного солдата вызывает к себе Гребнев и знакомит с

радиограммой, в которой генерал Журавель из «Тёплого стана» дал команду на выезд на аэродром, где нас ожидает борт на Джелалабад.

22

Субтропики Джелалабада

Машина у нас готова давно, даже две: одна под груз – ГАЗ-66, другая для нас – всё та же санитарная. Моментально загрузились и окольными дорогами вокруг Кабула мимо наших частей, а потом и по бездорожью, по рытвинам аэродромного поля с тыла въехали прямо на взлётную полосу. Так всё делалось по приказу Гребнева ещё и потому, чтобы не нарваться на комендатуру в городе и не стать нарушителями запрета. Вот так перепугал праздничный приказ. Добрались до нашего уже знакомого аэродромного коменданта. На полосе пустынно и тихо. Выяснилось, что и теперь нас никто не ждёт, в комендатуре о нас не знают. Да и борта сегодня нет и не ожидается. Ведь работает приказ! Вот опять дикая организация в пределах одного гарнизона и самого главного штаба. В связи с этим машины не отправляю и не выгружаю ящики: принял про себя решение ждать до тринадцати часов, а там опять теми же дорогами буду возвращаться домой. Тут уж главная моя задача: успеть к обеду и накормить и солдат, и своих людей. Прошёл, однако, слух, что вышли из Джелалабада два МИ-6, какой-то служебный рейс. Но и их не оказалось. Шутки, что ли? А время идёт, и, видимо, объездные тропы по дороге обратно в рембат опять нас ждут снова, и если так и не улетим, то до темноты надо будет этой опасной дорогой возвращаться. Ждём любой вариант. Но, глядим, – по пустой полосе несётся в нашу сторону топливозаправщик. В машине только одинокий солдат и, как курьер, видимо, опрашивает всех встречных: нет ли желающих на Джелалабад? А может быть, и получил конкретную задачу нас искать и привезти к самолёту. Как бы то ни было, едем повеселевшие за бензовозом на стоянку. Действительно, стоит АН-26-й. Я даже не понял, не уследил, откуда он взялся, – утром его точно не было на стоянке. Уже всё готово к вылету. Осталось только нам загрузиться, и в полёт. Экипаж оказался мне даже знакомым по Таш-

кенту. Внесли ящики. Нас ждали, и мы были последними. Народу собралось в салоне немногого. Взлетели мы быстро, без проволочки. Рембатовцам приказал уезжать только после того, как наши колёса оторвутся от бетонки. А вдруг что-нибудь изменится? Буквально быстро, через тридцать – сорок минут, самолёт пошёл на снижение прямо над центром города. Значит городской, а сейчас и военный аэродром, по всей вероятности, находится где-то вблизи. Очень красива сверху была центральная, круглая и зелёная, площадь города. Приземлились, вытащили ящики и оставили их пока прямо в центре около полосы. Как будто попали в другой мир, а это ведь действительно прямо настоящие субтропики, как по учебнику. Тепло, сухо, много растительности вокруг аэродрома. Впереди, почти рядом, просматривается канал. Народу везде полно – и на дорожках, и у диспетчерской. Время между ходят афганские и наши лётчики, а также различные представители сухопутных войск. Наши лётчики одеты, по очень жаркой погоде, в специальные комбинезоны голубого цвета. Моя же судьба прежняя: опять идти к телефону. Надо сначала его найти, спросить разрешение войти в святая святых авиации – диспетчерскую и суметь вывести телефонный позывной нужной мне бригады. Всё требует достаточно большого времени. Да и понятно, что на любом аэродроме для хождения пешком концы неблизкие. Дозвонился до бригады. Дежурный по бригаде информацию принял. Имея прошлый опыт испорченного телефона, стал пытаться чётко договориться и объяснить ситуацию о необходимости грузового транспорта. Он вроде всё записал. Однако долго ждём, но никто не приезжает, хотя всего-то семь, как мне сказали, километров до гарнизона по хорошо асфальтированному шоссе. Иду звонить во второй раз, через какое-то время – в третий. И только через два с половиной часа приехали за нами на двух БМП с полными экипажами и вооружением, хотя я предупреждал под запись, что у нас большой груз. Опять бьёт не в бровь, а в глаз и в этом случае только недобросовестность исполнения, но не «испорченный телефон». Оказывается, что команда затем дублировалась опять сюда, на аэродром, в местный боевой батальон охраны, и от него выделена для нас уже эта боевая техника. Приехал пропылённый, в каком-то ватнике, старший лейтенант. Был очень, мягко говоря, воз-

буждён этим приказанием. Надо до темноты успеть нас отвезти и обернуться назад, в подразделение. Тем более что всё оказалось для него неожиданным: и груз, и большое количество людей. А БМП к этому совершенно не приспособлены, но и бойцов оставлять нельзя. С великой руганью уложили ящики прямо сверху на броню. На них посадили солдат, отдав приказ ловить ящики во что бы то ни стало, ну, как в цирке, и здорово рисковал порученным заданием, если бы всё растеряли. Сами мы влезли в родимую БМП вовнутрь. Я устроился у триплекса для наблюдения за местностью, и понеслись по хорошей асфальтированной дороге эти семь километров. Ощущение довольно неприятное: я замурован где-то внутри за бронёй и нет никаких возможностей влиять на свою судьбу. Ехали на приличной скорости, чтобы побыстрее проскочить эту дорогу в «зелёнке», получившую здесь репутацию очень опасной. Приехали быстро и ящики не растеряли. Оказались в зелёном, очень красивом месте. Стоит отдельный каменный домик, особнячок во фруктовом саду. Комната дежурного чуть ли не вся в зеркалах. Вызвали начальника бронетанковой службы этой 66-й отдельной бригады. Имущество сбросили около парадного входа в дом дежурного. А нашего старшего лейтенанта уже в надвигающихся сумерках, недовольного, отправили ещё с каким-то поручением. Появился майор и распорядился ящики отвезти в парк, а нас устраивать на жительство в общежитие. Здесь оказалось всё гораздо приличнее: построен сборно-щитовой модуль для офицеров комнат этак на двадцать, но совсем другой конструкции, чем в Кабуле. Дали нам комнату, где пока были только голые кровати, правда, хорошие – с панцирной сеткой. Заместитель командира полка по вооружению был в отпуске, и нашим хозяином, куратором будет майор Радченко – начальник бронетанковой службы, который нас и встречал у дежурного. Ну а сейчас мы расслабились и дружно сразу почувствовали, что здорово проголодались. Ведь с раннего утра мы в переездах и перелётах, и у нас с собой в этот раз ничего не было из еды. Командир в этот раз позабыл нас и не позаботился о сухом пайке. Пришлось просить у хозяев что-нибудь перекусить. Пока доставляли нам постельное бельё, раньше успели принести хлеба и нашей знаменитой армейской свиной тушёнки. Зверски набросились и наелись этой

вкуснятины до отвала, но свою личную банку я всё-таки осилить не сумел, да и ребята, кажется, тоже поскромничали и не справились. Пока устраивались и заправляли постели, быстро налетела темнота, и нас повели на ужин, знакомя с дорогой туда и заодно с городком. Столовая оборудована в огромном алюминиевом ангаре, в таком же, какой

с т о и т
и в Кабуле. Столики четырёхместные, обслуживаются девушки и моментально. Продукты же, как и везде, тоже все армейского длительного хранения. Уже на следующий день местный начпрод – капитан решил проявить некстати бдительность и начал требовать с меня продовольственных аттестат на всю команду. Пришлось доказывать ему его неправоту со ссылкой на нашу директиву, а также напомнить общее положение по Группе войск об обслуживании всех без исключения советских людей, как военных, так и гражданских, прибывающих в части. Здесь же, в отличие от других частей, нас ещё удивили сервировкой в столовой. На столах стояла посуда из тонкого и красиво расписанного китайского фарфора. Это был подарок бригаде от афганского местного руководства. Приятно кушать на такой красоте, ничего не скажешь. Будем обживать теперь свою новую квартиру. А меня, хоть и темно уже, естественно, беспокоит работа. Надо начинать завтра с утра без раскачки. Теперь мы в сокращённом составе: нас всего пять человек. В Кабуле вынужден был оставить по его настоятельной просьбе Полякова. У него главное беспокойство о том, чтобы 10 января не промахнуться с отлётом. Мы уже хорошо знаем, что гарантии вовремя вернуться нет никакой. Я с ним согласился и разрешил остаться. У него билет на рейсовый самолёт и стоит больших денег, не как у нас. Несмотря на то, что пришёл вечер, вызвали начальника связи бригады. Втроём, как мы уже успели убедиться, что так во всём Афганистане, по глухой темноте, прошли в парк и провели осмотр рабочего места. Место оказалось удачным, недалеко от модуля, прямо в парке и рядом с размещением роты связи. И вся площадка была прикрыта маскировочной сетью. «Кашеэмки» наши обе на месте, сварку уверенно обещали завтра сразу подать, и работа должна, по всему, у нас начаться организованно. Ну а сегодня разместились хорошо и после суматошного и трудного дня, в тёплом помещении,

а не в холодной летучке, очень и очень хорошо отоспались. Конечно, никакого сравнения с жёсткими рундуками в машинах Гребнева.

23

3 января. Подъём: здесь и ранним утром тоже тепло. Довольно вкусно и плотно покушали уже в привычной за один вечер китайской посуде, и всей командой мы появились в парке на рабочем месте. Просьбу нашу о комбинезонах хозяева не выполнили, хотя дали тёплые куртки. Даже при том, что молодой командир бригады при беседе заверил меня, что всем будем обеспечены. Технику подали, но крышу-тент так и не сделали. Затем долго пришлось ремонтировать саму летучку для работы. Получилось, по необходимости, так, что работать стали сразу на обеих машинах. Обед у них по распорядку поздний по времени, и мы до ухода успели сделать очень много, чуть ли, как помнится, работали без перекуров. Как признался потом Фёдор, он так и на заводе никогда не работал. Вообще же, к слову, он самый приятный парень из всей челябинской команды. Хорош ещё, как человек, Гриша, но лишь в силу своей рабочей простоты и малой образованности. Пережогин и Алексей – это уже не такие простые люди, это образованные руководители с большим опытом работы на производстве и тёртые в служебных взаимоотношениях. Поэтому только они как бы и отстаивали свои интересы и выставляли передо мной свои «Ф». Но ладно, не надо ломать ход воспоминаний, и продолжу некоторую хронологию о работе и обо всём окружающем. День разгулялся, солнечно и стало жарко. Рядом, в пятидесяти – семидесяти метрах, весь в камышах, с трудными подходами, берег реки. Эта река, оказывается, что тот же Кабул, и добралась сюда из столицы. На берег за всё время ни разу не ходили, как-то не складывалось время, да и опасно, как говорили местные офицеры. После хорошего обеда пошли сразу вкалывать дальше и проработали до полной темноты. А вечером опять, кто хотел, сели ребята за «кинга», и при этом, конечно, рассказывались различные байки. Так закончился первый день. День оказался напряжённым и продуктивным. В модуле тепло, и опять выспались с удовольствием.

вием. Не успели приехать, как начались и мои бытовые проблемы. Например, в моей зажигалке кончился газ, а спичек нет. В «Селге» сели батарейки и наше информационное и музыкальное сопровождение закончилось. С газом получилось удачно, так как у нашего прапорщика из роты связи оказался импортный японский газовый баллончик для автономной заправки, а вот насчёт батареек-то тут ничего не вышло. Зажигалку заправил, а вот батареек во всей округе нет.

Начался новый день, и всё пошло, как обычно. Приятно, что стоит хорошая, южноевропейская, или, точнее, зимняя субтропическая погода. Всё идёт пока по плану, живём дружно, и настроение одно у всех: сделать работу качественно и в срок, хотя прекрасно понимаем, что в будущем пара свободных лишних дней ничего не дадут. Торопиться, в принципе, некуда, и начинать работу в новом месте, например в Шинданде, из-за окончания сроков визы уже не придётся. Решения из Москвы до сих пор нет. А на этот гарнизон времени хватит с лихвой.

Однако, как нарочно, всё гладко не бывает, и появились и здесь свои непредвиденные трудности. Сварки отчего-то сегодня нет – надо разбираться, почему не предупредили с вечера. Чтобы не терять времени, взялись за сборку кожухов, но и тут неудачно получилось с покраской. Испортилась и погода: сначала стало пасмурно, а потом заморосил и дождичек. Опять закрадывается навязчивая крамольная мысль, как и раньше в других гарнизонах: если так будет и дальше, то сможем ли вовремя улететь отсюда? Оставил ребят работать, а сам ушёл в модуль. Для интереса порасспрашивал дневальных в модуле о здешней службе. Рассказали о местной горячей точке в Асадабаде, в тридцати километрах отсюда, знаменитой по своим делам 66-й мотострелковой бригаде. До обеда оставалось уже немного времени, и я посвятил его чтению того, что было под рукой. А на улице так до вечера и оставалось пасмурно и дождливо. Несмотря на это, мальчики заработались допоздна, до темноты и так наработались и устали, что играть уже никто не хотел, – решили просто отдохнуть. А Федю же вдруг схватил радикулит. Всё началось неожиданно в парке, и теперь еле-еле ходит, и то по стеночке. Жора тоже в конце дня уже не мог работать. Они легли отдыхать, а мы втроём стали коротать время за картами. На сей раз

в «кинга» в проигрыше оказался Пережогин. В целом скучно: без радио и без информации, что-то и газет уже не видно. Мучились недолго и тоже легли спать. В темноте ночи от реки раздавался долгий и совсем близко вой шакалов. Оказывается, их здесь бродит великое множество и они даже порой добираются до кухонных свалок бригады.

Но 5 января опять началось с отличного солнечного утра. Как уже привыкли, воды снова в модуле нет, умываться нечем. В столовой опять надоевшие консервы в китайском фарфоре. Работа в парке идёт своим чередом. Федя с радикулитом встал на ноги и тоже пошёл. Заканчиваем монтаж первой машины и повели сварочные работы сразу на второй. Работа есть работа. Но и питаться надо. А в столовой уж совсем стало однообразно и невкусно. Что-то в этом гарнizonе попахивает голодухой, а у меня к тому же опять и сигареты кончились. Естественно, для меня это вопрос вопросов. Появились и неувязки на объекте: нет аккумулятора и до вечера во всей бригаде не нашли необходимой заряженной пары.

Как бы там ни было, к концу дня одну машину собрали полностью, и теперь надо обкатать её на связи, но это уже завтра, если поставят аккумуляторы. Сегодня же конец делам, остальное, как и прежде: до ужина есть около часа времени и убили его за картами в «дуррaka», а после ужина поиграли по-серъёзному уже в «кинга». По игре в этот вечер чувствую, что в пролёте буду я: настала моя очередь продуваться. Так прожили ещё один день. А на завтра день неожиданно начался с маленькой «шутки» с питанием. Рейсов в эти дни в Кабул, оказывается, не было, и с продуктами вышла напряжёнка. А сливочное масло вообще кончилось, и вся еда делалась без него. Оказывается, что, хотя и давали его по норме – немного, пища-то без него получается совсем невкусной. Выручили, правда, выдачей на столы сыра. Но, конечно, никто не голодал: командование такого ЧП не имеет права допускать. На объект, наконец, подвезли аккумуляторы и подготовили машину к работе. У местных связистов возникла, естественно, куча вопросов по нашей технике. Проговорился с ними небольшую техническую беседу (лекцию об АЗИ, то есть о принципах доработки). Потом покрутили машину на месте и установили связь всё на той же дежурной межгарнizonной частоте. Ра-

диосвязь получилась устойчивой и на твёрдую четвёрку, как мы единогласно согласились. Всё подтверждает теорию и наше совместное техническое решение. Только закончил проверку, как тут же поднялся довольно сильный ветер и взметнул вверх клубы пыли. Добавил пыли и появившийся вертолёт МИ-8. Буквально рядом с нами попытался сесть, но поднял такой столб пыли и всякого мусора, что ни сам он не был виден с земли, ни ему не было видно земли. В таких условиях садиться нельзя. Пошумел где-то над головой, попытил и, так и не сев, улетел в другое место, где почище и безопаснее. Этот неожиданный концерт был некоторым разнообразием для нас. Сделанная нами машина была и с боевым дефектом из-за подрыва на мине, но осталась на ходу. У неё был выворочен броневой лист под ногами механика-водителя. По просьбе товарищей, с большим трудом выпрямили этот лист и заварили броневыми электродами. Боеготовая и исправная машина – это ведь тоже в интересах нашей службы связи. Проделать такую работу могли только специалисты, и при наличии нужного материала: специальных сварочных электродов. И то и другое у нас было. Всю работу проделал Жора, за что его и нас тепло поблагодарили местные командиры. А мы в это время готовим элементы к сборке для второй машины. Мне тут, в принципе, делать было уже нечего. Взял чистые бланки актов и ушёл в модуль для их оформления. Пока шёл, увидел, как подъехала и развернулась прямо у модуля автолавка. Сошлись отовсюду солдаты и делали закупки для своего быта: для взвода, роты – по большому количеству. Солдаты толпятся, ругаются и лезут через голову. Мне тоже надо бы купить сигарет. В толпу сам лезть не могу, но и никто не догадается пропустить старшего офицера. Поэтому пришлось всё-таки потихоньку, но настойчиво добраться до борта и взять две пачки «Охотничьих». Этого, конечно, мало, но, как всегда, и денег нет. Вот так обеспечены были условия пребывания в командировке в Советской Армии ответственных и взрослых людей, старших офицеров. Те, которые здесь служат, такого унижения не испытывают. Безответственность, конечно, какая-то, непродуманность и неуважение.

Сегодня погода опять очень хорошая и очень похожа на нашу тёплую позднюю московскую осень. После обеда в такой теплышни клонит в сон, и хорошо, что под апельсиновым деревом поставлены скамейки и можно немного расслабиться и развалиться, закрыв глаза, и подремать тридцать минуток под тёплыми солнечными лучами. Отсюда потом сразу идём к машинам, работа ещё есть, но Пережогин уже потихоньку подготавливает моё сознание к отлёту на 8-е число, обещая, конечно, все работы закончить. И без него всем ясно, что позднее улетать не имеем никакого права. Федя всё болеет и даже в этот тёплый день оставался дома в кровати и не ходил на обед. Работы надо завтра заканчивать, даже в неполном составе. А сегодня всё обычно, лишь кормёжка совсем надоела из этих китайских тарелок. К вечеру вернулись офицеры из Асадабада, где в те дни сложилась серьёзная обстановка и проводилась операция. Радченко достал один большущий шарообразный фрукт – лимон – и подарил его мне. Здесь его так и называют: «лимон». Появилось желание довезти, как сувенир, обязательно до Москвы, а там уж попробовать, лимон ли это, или что-то другое. Спасибо за подарок, а ребята немного завидуют. Но спать. Играть уже никто не хочет. Завтра 7-е, и по нашему плану надо заканчивать здесь работу. Как по заказу, утром нам подняли настроение – в столовой на столах появилось сливочное масло. Челябинцы уже вместе с Федей пошли заканчивать дела, а я же к начальнику решать вопрос выезда отсюда назавтра и сделать заказ борта на Кабул. Был по этому вопросу у командира, но он что-то не проявил деловой заинтересованности и элементарной заботы о работающих у него в части командировочных, даже после нашей неофициальной помощи в ремонте объекта. Но заказ мой всё-таки принял к решению. И я удовлетворённый вернулся в парк. К этому времени сделали вторую машину, и я её обкатал по связи. Вот Геннадия здесь уже нет, и эту напряжённую работу приходится делать одному мне. Хорошо ещё то, что в Кабуле я организовал эту работу. Дежурные смены радиостолов по межгарнизонной сети предупреждены и на моё появление в сети реагировали бы-

стро и толково. Оценку связи проводил на всех направлениях установки антенн. Всё подтверждает, как и рассчитано дома, строгую направленность диаграммы излучения. В целом, связь на 3–4 балла получилась и здесь. Начальник связи бригады всё это время был рядом и наглядно убедился в целесообразности наших трудов. Вот так практическим показом и сдал машину начальнику связи бригады, ну а акты подпишем вечером. Работали-работали вместе, а вот убей – сегодня не помню, как его зовут, его фамилию. Рассуждаю в связи с этим о какой-то странной избирательной человеческой памяти. Встречал в жизни многих людей, работали, пахали вместе и, казалось, сжились до того, что уж фамилии никогда забыть нельзя. Действительно, какие-то многие другие имена остались в памяти до сих пор. Вот Олег Ляшко, например, из Файзабада. И я их раньше местами называл. А вот в этом гарнизоне у меня как отрубило: ни командира, ни зампотеха, ни, к сожалению, начальника связи и ротного не помню. Да и частности всякие по этому гарнизону тоже выпали из памяти. По Кундузу же, Файзабаду всё чётко вспоминается, хотя по времени события были одновременны. Даже любопытно: почему так?

Всё! В бригаде конец работы. Подписал акты, собрали инструментальный ящик и были в готовности в любом случае, на сей раз любым способом и без возражения тому, что предложит командование, добираться до аэродрома и улетать в Кабул. А если уж попадём на аэродром, то возврат назад в городок в случае невылета практически сделать будет трудно. Мы научены этому уже, да и никто не хочет возврата. Завтра 8 января, а 10-го конец визы и срок пересечения границы. И поэтому у нас одна задача – только вперёд!

Последний раз побарствовали на китайском фарфоре. Погода хорошая: то, что надо для полёта. По всем командным линиям отлёт мною запланирован и даже продублирован, у нас тоже всё собрано. Но ясности с бортом здесь, вдали от аэродрома, никакой нет. Поэтому решаю в любом случае после завтрака выехать на аэродром. Дали теперь нам нормальную бортовую машину, загрузили единственный ящик и выехали, устроившись «с комфортом» прямо в этом же кузове. Днём, да и ещё сверху, дорога и окружение смотрятся беспо-

добно. Хорошо видны вдоль дороги апельсиновые сады, увенчанные сплошь оранжевыми плодами. Там, где их много, дерево выглядит очень красиво. Такого оранжевого буйства в Союзе, конечно, нигде не увижу. И везде много работающих на уборке урожая людей. По такой хорошей дороге и погоде доехали очень быстро. Сбросили нас там же, где и брали раньше, – около полосы. Меня оставили на собственное усмотрение, один на один с обстановкой: самому бегать здесь и принимать решения. Хожу между диспетчерской и полем, постоянно терзаю коменданта и все взоры бросаю с надеждой на полосу: может быть, что-то появится. Наконец, комендант-авиа-тор нашёл меня сам и предупредил, что скоро будет АН-26-й. Я пошёл к своим, которые всё это время добросовестно так и сидели на ящике посередине аэродрома на жаре, под солнцем и караулили. Помучились ребята серьёзно: отойти подальше нельзя, да и, к счастью, необходимости такой не было. А время шло и шло, и так просидели целых три часа. Наконец, борт откуда-то взялся, и комендант лично повёл нас представлять командиру самолёта. Это надо сделать ещё и потому, что борт был афганский, но с нашим, советским, экипажем. Требовалось формально дать список всех русских и распоряжение, или, точнее, просьбу взять нас на борт. А нас таких, рвущихся в Кабул, собралось десять – тринадцать человек. У самолёта толпится уже полно народу. Все остальные здесь – это афганцы. Ведь борт работает по найму на Афганистан. В данном случае они везут отобранных, или, как сказали лётчики, отловленных в ближайших кишлаках, призывников в народную армию. Молодые, молчаливые парни и одеты в национальную бедняцкую одежду: шаровары и длинную рубаху до колен. По своему обычай, тихо и спокойно сидят на корточках, все как один. Тут же ожидала посадку ещё одна интересная пара. То ли богатый старый муж, то ли отец: седой: чинный аксакал в красивом халате и молодая афганка в парандже. И багаж у них традиционный: огромный дюралюминиевый даже не чемодан, а прямо сундук. Вот такая команда собиралась у самолёта. По прикидке приблизительной, тут были и лишние люди. Всех взять, конечно, на этот рейс не могли. Но в отношении нас, как я уже говорил, личное распоряжение от-

дал комендант. Так что мы должны улететь непременно. Пилоты разобрались с людьми по списку и минут через пятнадцать сделали посадку в самолёт. Все разместились внутри фюзеляжа на деревянных скамьях чохом: кто где сумел устроиться. Я сидел рядом с каким-то грязным пареньком, плечом к плечу. Ему-то из какого-то горного кишлака из-под Пакистана всё вообще это было в диковинку, тем более что тут ещё посадили на лавку рядом с советским офицером. Чудеса и невероятно для него, да и для других двадцати четырёх парней. Но это также было невероятно, в общем-то, и для нас самих. Всё это подчёркивает то, что в условиях Афганистана может случиться любое и надо быть бдительным всегда. Долетели, однако, спокойно: сто двадцать пять километров всего.

25

Снова дома, в Кабуле

Приземлились на том же аэродроме, но, к нашему несчастью, подрулили к афганскому гражданскому аэропорту и встали прямо среди «Боингов». Выбросили свои вещи, осмотрелись, и оказалось, что мы здесь единственные русские на противоположном от комендатуры конце взлётной полосы. В Кабуле уже было просто очень холодно, особенно после тех субтропиков. Мы даже стали замерзать, и главным образом руки. По такому холоду мне опять досталась прогулка до телефона по всей этой более чем двухкилометровой бетонке. И, как нарочно, ни одной попутной аэродромной машины, каких обычно много снует туда-сюда по полосе. В комендатуре опять через несколько транзитных позывных дозвонился до нашего управления. На месте, как всегда, был Князев. Это хорошо для дела – знаю, что им всё будет сделано оперативно. Однако ожидание неизбежно. Решил, что назад пешком к ребятам уже ни за что не пойду. Всё-таки больше двух километров. Пусть сидят там, на ящике, в неведении столько, сколько потребуется. Лишь бы «афганцы» их не «утащили». Я же здесь подожду, посижу и погреюсь в комнате коменданта. Когда придёт машина, смогу так-

же сориентировать сразу без промедления, куда ехать за людьми. В это же время формировался Ил-18 для отправки в Союз демобилизованных срочников. Посмотрю заодно и на процесс отправки бойцов. Несмотря на то, что солдаты появились из полевых условий, все они вычищены, выглажены, в парадках: точно так же, как у меня в полку в Союзе. Дембель везде дембель. Здесь для них для перелёта в Ташкент, действительно, стоит старенький Ил-18. Но солдат ожидает много, и некоторые сидят уже не один день, не говоря уже, что здесь же много офицеров со своими привилегиями на отправку. Будет проверка по списку и жёсткий отбор. Построили метров за пятьдесят всех вылетающих. Сначала запустили офицеров, а потом, сверяя фамилии со списком, гуськом, по одному, солдат. Видел, как счастливые бойцы взлетели и ушли на север. Наконец, пришла за мной та же санитарная машина. Поехали за грузом и заждавшимися и замученными товарищами на тот конец полосы. Загрузились, и вновь езда по вечернему городу. В ОРВБ те же летучки стоят и ждут нас. Правда, на сей раз они прогреты и готовы к проживанию. Постарались об этом Поляков с Морозовым, успевшим, к счастью для всех, выписаться и на законном основании покинуть инфекционное отделение. Организовали опять добрую баньку, чего не было в Джелалабаде, и, что было нам уже крайне необходимо, затем поужинали. Так с ощущением огромной усталости закончился этот долгий бурный день очередного перелёта. Завтра без перекура предстоит трудный день. Предстоит поездка в «Тёплый стан», к командованию, и разбираться с нашими отъездными организационными проблемами. Переговорить с Москвой. Но как бы за делами «не забыть» и о наших деньгах. Но знаю: челябинцы забыть не дадут.

С утра сразу начал подготовливать Гребнева к тому, чтобы дал машину для служебной поездки в штаб. Виктор Алексеевич, конечно,

машину выделил. После завтрака взял уже привычную и любимую санитарку, и всей бригадой выехали. На сей раз выбрали другую, уже окружную дорогу, более спокойную в транспортном отношении и ближе к окраинам города. Сначала были глиняные одноэтажные бедняцкие дома за дувалами, затем пошли более-менее приличные городские каменные постройки. Проехали мимо важнейшего городского объекта – элеватора, постоянно находящегося под охраной наших десантников. В центре Кабула обезжают очень достопримечательную гору, по склону которой вверх устремились домики друг над другом с узкими проходами между ними. Вот туда снизу и носят в дома в кожаных бурдюках специальные носильщики воду для жизни. Это у них тоже профессия. Одного такого заметили внизу, готового уже взбираться вверх со своей тяжёлой ношей. Нищета и полное отсутствие санитарии в этом районе города. Дворовая площадка верхнего хозяина служит крышей нижнему. И так до вершины горы.

У генерала Г.В. Журавля всё по-старому и информации о нашей судьбе никакой нет. Дозвонился до Смирнова: он тоже пока ничего не имеет, но вопрос у руководства. Я вынужден был резко поставить вопрос и напомнить о жёстком сроке вылета – 10 января, так как юридическое наше пребывание здесь кончается. Все понимают, что задержка может привести к неприятностям на границе: на то и делаются визы и сроки. Мои гражданские настроены решительно закончить работу, рассчитаться и улететь, если продления визы не будет. Тем более что они в обиде на такую неорганизованность в Москве, в ГБТУ, хотя сами понимают всё прекрасно и настроены, как и должно быть, работать столько, сколько необходимо. На этой ноте разговор с Москвой и закончился. Нам же здесь пора получать деньги – свои небольшие суммы чеков, заниматься личными делами и сборами в оставшийся день. Всё очень плотно, без всякого зазора по времени будет теперь у нас. 10-го обязаны мы улететь. В день отлёта, естественно, никаких личных дел планировать нельзя. Для дел остаётся всего ничего – только вторая половина 9-го, так как первая половина, как я уже рассказал, была посвящена всяkim организационным делам, переговорам и получением денег в «Тёплом

Стане». А личные дела – это получить деньги и, если кто захочет и сумеет сделать покупки, то и их растратить. Кое-что можно купить прямо на месте в магазине военторга. Это будет, однако, дорого, без ассортимента и афганской изюминки. Лучше всего выехать в город и в цивильных магазинах отовариться у афганцев. Но для этого нужны машина, знающий город сопровождающий и, конечно, время. Естественно, все горели желанием побывать в городе и потолкаться живьём в афганской столице, в афганских магазинах. Вообще, все в один голос нам советовали только так и сделать. Как же всё у нас получилось? Возвращаюсь к началу дня. Приехав в «Тёплый Стан», сразу получить наши скромные чеки не смогли. Оказывается, существует правило, по которому расчёт делается только в последний день пребывания. Доказывал, доказывал, что уже завтра утром мы будем на аэродроме и даже, может быть, и в Ташкенте. И только когда Журавель вмешался, то этим помог в нашем деле. Получили деньги, и мы тут же готовы были уехать домой. С генералом, в конце концов, пришли к одному и приняли единое решение: больше не суетиться, в Москву не звонить и на 10-е число заказывать через службу перелётов места в самолёте на Ташкент. Назначил в наше распоряжение для организации посадки и отвечающего за отлёт подполковника Евдокимова, офицера его управления, которого я зауважал и особо выделил среди других офицеров за всё время моего пребывания в командировке. Договорились, что завтра, сообразуясь с определившимся временем отлёта, он заедет за нами в рембат, а затем все вместе – на аэродром, где он обеспечит на какой-нибудь борт нашу посадку. Поляков, имея свой переоформленный билет на самолёт афганской авиакомпании «Ариана», к десяти утра – времени отлёта по расписанию – поедет самостоятельно. Для него тоже надо организовать транспорт для отъезда прямо с раннего утра. Надежды на то, что придётся нам уезжать из ОРВБ вместе, практически нет.

Наконец, расставшись с хозяевами в штабе Армии, выскочили через КПП в город и той же окружной дорогой, что и утром, вернулись в рембат. Пообедали и, естественно, стали просить и требовать у Гребнева машину для поездки по магазинам. Дал, скрепя сердце, санитарку и трётого прапорщика, инспектора ВАИ, знающего, как он заверил, город и все торговые места очень хорошо. Спасибо. Но поездка, в целом, рискованная и является нарушением установленного порядка пребывания войск в Кабуле. Это то единственное, что в первую очередь и очень беспокоило командира, когда он отправлял нас в город на закупки. До центра, до магазинов ехать тридцать минут, но время уже послеобеденное и день неумолимо клонится к вечеру. Многое не наездишься. Поэтому на выбор магазинов и всякие прочие рассуждения времени у нас не было. Первый заказ у всех дружно был надублёнки – советский шик – и парфюмерию. Прапорщик привёз в узенькую торговую уличку восточного типа прямо к частному магазину дублёнок. Вошли с волнением. Товара много, все стены завешаны дублёнками аж до потолка. Появился пожилой афганец и приветливо стал нас обхаживать. Только смотри и выбирай по вкусу, ну и по деньгам. Все быстро ткнули пальцами по стенам, договорились о цене и тут же получили по дублёнке, аккуратно упакованной на наших глазах в целлофан восьми-девятилетним шустрым пацаном. Поехали в другие магазины. У меня, кстати, лично было с собой шесть наших юбилейных рублей олимпийского выпуска. Взял их с собой через границу на всякий случай – может, удастся кого-либо понимающего заинтересовать и продать. Скромно, ненавязчиво объяснял на пальцах и предлагал в двух магазинах. Повертели в руках, но никто из продавцов не понял, что это валюта, и на них не клюнул, не отреагировал. Так и увёз их опять в Союз в собственную коллекцию. А вот с афганами был не совсем выгодный в те дни для нас курс. Расчёт у афганцев был простейший: один чек за десять афганей. И без особой торговли, без всякой выгоды купили себе, точнее нашим женам, дорогой и редкий по тем годам и труднодоставаемый в Союзе

товар – дублёнки. Ребята все закупки: парфюмерию, джинсы, другую одежду – сделали быстро, ведь денег-то у всех совсем мало. Себя же решил побаловать оригинальной для нас «игрушкой»: не считаясь с деньгами, купил самую дешёвую пьезозажигалку – мечту каждого советского курильщика. Для нас это последний пик моды. Буду теперь везде хвалиться. И вообще, принял решение – чеки домой не возить и растратить их здесь. Стало быстро темнеть, и прапорщик всерьёз забеспокоился. Принялся нас заворачивать к дому. Боялись нарваться на комендатуру. Ехали уже в сторону дома, как Геннадий решил раскрыть свой пакет, чтобы полюбоваться дублёнкой. Пример заразительный, и тут же проделали и мы. Он посмотрел и сразу расстроился. Оказалось, что мех его дублёнки здорово облезал при каждом касании. Расстроился так, что стал настойчиво просить, вопреки всеобщему желанию, вернуться в лавку. Пришлось ехать назад, и ему удалось обменять её сразу и без доплаты. Кстати, ребята тоже решили деньги потратить здесь: как я сказал, брали всё. Вернулись в расположение уже затемно. Командир успокоился, и мы тоже с глубоким удовлетворением от того, что получилось в этот последний день так, как хотелось.

Сегодня же нам ещё осталось разобраться с остатками имущества. После ужина опять в темноте с фонариком стали готовить на длительное хранение оставшуюся аппаратуру и инструмент, упаковывать в ящики. Затем опечатал эти ящики своей печатью, и остались их под честное армейское слово на складе в сырой настоящей землянке на неопределённое время. И уже под ночь в летучках принялись за упаковку своих чемоданов, баулов к отлёту. Естественно, теперь в них у каждого из нас уж живого места не осталось: еле-еле утрамбовались. Мои сапоги теперь оказались принципиально лишними. Даже появилась шальная мысль – продать сапоги здесь, хотя бы символически. Ну не везти же их назад? Решил заняться мелким бизнесом. С поддержкой ротного для храбрости вышли метров на пятьдесят за проволоку ограждения части поближе к афганским мазанкам. Там всегда болтаются афганские мальчишки. Командир роты предложил было им купить, но, естественно, денег у них нет, а у меня нет времени. Поэтому как «бакшиш», что означает «подарок»,

отдал их кому-то из пацанов на радость. В своё время такой же приятный подарок мне сделал начальник штаба нашего управления, полковник, единственный из начальства, у которого можно было в его отдельном кабинете и посидеть, и покурить спокойно, поговорить неофициально, что я иногда и делал. Правда, в первый день он мне здорово не понравился, потому что демонстративно отмахнулся от решения трудного для меня, как только-только здесь появившегося, вопроса с переоформлением билета Полякову и переложил дело на меня.

Не захотел брать на себя эту неопределённую канитель, а может быть, и ответственность за результат, хотя это было его прямой обязанностью. Это, конечно, сразу забылось. А вот, когда как-то сидели с Геннадием у него в наш последний день, он показал нам красивую упаковку набора корейских щипчиков – красивых, модных и абсолютно отсутствующих в то время в магазинах Москвы. Ему же их подарили по случаю окончания совместных дел один афганский офицер. Тоже как «бакшиш». Увидев наши глаза, заблестевшие от зависти, он предложил нам выбрать себе по понравившейся штучке. Выбрали с Генкой и получили, таким образом, теперь сами «бакшиш», очень нужный мне в той командировочной обстановке предмет туалета. Долго потом эта штучка верно служила мне, да и сейчас где-то валяется дома: жалко выбросить. Ну, хватит на сегодня этих отступлений.

28

Летели в Ташкент, но оказались в Каршах

Уже совсем поздно, сейчас спать, а завтра наш последний день в Афганистане. 10 января. Утром, как последний шанс, вопрос к Гребневу: есть ли информация и распоряжение из Москвы? Но она так и не поступила. Об этом окончательно сказал, приехав за нами, Евдокимов. Приехал, чтобы забрать нас уже в аэропорт и обеспечить отправку. Мы теперь налегке, без ящиков, только с чемоданами. И главное – мы живы и здоровы. Состояние и ощущения очень приятные. Погода превосходная: тёплое-тёплое солнышко. Борт,

к которому привёз нас Евдокимов, стоит уже под загрузкой: это аж наша громадина АН-22 («Антей»). Время вылета неопределённо, так как в салон пока ещё загружают неисправные танковые двигатели. Они устанавливаются в специальных каркасах в один ряд на полу огромного фюзеляжа, а остальное пространство самолёта до потолка будет свободно, а это ох как высоко: так что повезём воздух. Но всё-таки борт будет наш личный, бронетанковый и никто нас не ссадит с него. Евдокимов передал нас лично командиру, вроде гражданскому, потому что все в голубой форме аэрофлота. Мне это что-то не совсем понятно. Но не стоит на этом заострять внимание. Сказал так, к слову, в качестве рассуждения. Главная же задача – улететь. Но народу на халаву желает лететь много, а борт, как я уже отметил, наш и выделен в интересах ГБТУ. В таких случаях народ собирается разнообразный по подчинённости, вплоть до того, что были и гражданские лица от дипломатов и торгпредства. Всего было отобрано двенадцать человек, по числу мест герметического салона. Среди них шестеро моих. Николая с нами уже нет. Были свидетелями благополучного взлёта его «Боинга» компании «Ариана» в десять утра точно по расписанию Мы были в это время уже на въезде на аэродром и помахали ему вдогонку. Часов в двенадцать и мы стали размещаться в герметизированном двухэтажном салоне. На посадке было даже солдат человек шестьдесят, но их посадили, конечно, в грузовом отделении около двигателей на скамейках вдоль бортов. Бортинженер для всех нестойких солдат на всякий случай выставил ведро в фюзеляже. Ведь самолёт будет лететь на большой высоте, на девяти-десяти тысячах метров, и будет неизбежно кислородное голодание. Не представляю, как выдержат высоту, хоть и молодые, эти ребята. Лететь ведь не десять минут, а целый час. Ну что ж, солдату положено терпеть и переносить повышенные нагрузки. Мы и терпели, долго ожидая взлёта и сидя в перегретом салоне. Наконец дали команду на взлёт, и затем лётчики через наши ноги и обилие вещей в салоне прошли в кабину. Долго по спирали набирали высоту в зоне аэродрома. На нужной для безопасности высоте взяли курс на север. Прямой взлёт опасен, так как вокруг Кабула горы и могут самолёт сбить.

Летим, вид сверху отличный. Идём очень высоко. Облаков нет и хорошо видны величавые снежные горы, как будто они совсем рядом. Перелетаем границу, которая тоже отлично просматривается сверху. Видны чётко Амударья и по ходу полёта много посёлков, ферм, различных строений, чего абсолютно не было видно на афганской стороне. В это время экипаж выдал очень интересную информацию. На подлёте к границе по радио выяснилось, что в Ташкентском военном аэропорту нет нужного типа горючего для дозаправки, необходимого именно только для АН-22, и поэтому нас там не примут. Самолёт перенацеливают на другой военный аэродром, в город Карши. В итоге получилось так, что, приземлившись по технической необходимости здесь, оказались «нелегально» в Советском Союзе, без всякого пограничного и таможенного контроля и, естественно, без положенных отметок в наших паспортах. Особенно был рад случившемуся пролёту один товарищ из тorgпредства, кем он представился нам раньше. При нём было что-то больше десятка мест ручной клади: это чемоданы, модные сумки, три дорогих японских магнитофона, автомагнитолы. Естественно, граница не пропустила бы весь такой багаж у одного человека. Ещё раньше в Кабуле он нас уже просил помочь – кое-какие вещи взять на себя. А тут подвернулось для него такое везение. Тем более что отсюда после заправки борт пойдёт прямо в Москву, на Чкаловский аэродром, счастливо избавив нас от всяких лишних мытарств в Ташкенте.

29

Что же было дальше с нами, нарушителями закона, с моей группой? Уже два часа и время обеденное, а мы на пустом аэродроме. Так как по календарю сегодня воскресный день, то он к тому же ещё под охраной караула. Мы в глубокой неопределенности: где тут город, где военный городок, где нам перекусить? Все уже давно испытывают хорошее чувство голода. Экипаж занялся решением вопроса о заправке самолёта. Стало понятно, что это займет даже очень много времени: как сказали лётчики, возможно, что до са-

мого вечера. Нам подсказали, как пройти в военный городок, который оказался не так уж и далеко. Там есть военторговская столовая и, говорят, можно пообедать. Решили пройти дорогой покороче, но в одном месте, около стоянки боевых самолётов, вдруг возник часовой и нас элементарно развернул. Пришлось терять время, делать крюк и обходить стоянку стороной по целине через огромное поле. Шли мы, шли, потеряли много времени, но всё-таки пришли в городок разыскали столовую. Нас не обманули: столовая работала в субботу, но, правда, попали под самое её закрытие. Осталось ли что в бачках и кастролях? Это для нас сейчас самое важное. Но девчата оказались душевными и понимающими. Посочувствовали и собрали нам по сусекам столько еды, что мы даже, мягко говоря, объелись. Накормили вкусно, а денег не взяли, хотя нас было двенадцать человек.

Ещё в самолёте при посадке Пережогин со своими принимает единственное для него разумное решение: в Москве им делать нечего и из Ташкента они самостоятельно будут добираться прямым путём до Челябинска. А теперь всё усложнилось из-за того, что решать проблему надо уже из Каршей. Теперь для них нужны были ещё дополнительные деньги. Наскребли какую-то сумму: дали все, кто сколько мог дать. Деньги нужны на билеты на поезд до Ташкента. Поэтому они теперь тащились до столовой по этому полю со своим багажом. А после обильного обеда вместе с Геннадием пошли провожать их до главной дороги из городка. Поймали быстро им бортовую попутку, попрощались, и поехали они в город на вокзал. А там уж поезд на Ташкент, если получится удачно с расписанием. А получилось, как они нам потом рассказывали, совсем неплохо. И в Ташкенте также повезло, на этот же день взяли билеты до дома. А так как был выходной, то и доложить о себе и о сложившейся ситуации в штаб округа не догадались. Так и уехали, никому ничего не сообщив. С профсоюзом теперь всё закончилось. Остались только наши собственные проблемы. Нам надо возвращаться к самолёту, куда сразу после обеда ушли другие наши попутчики. Гена вдруг высказывает одну шальную, но дальную мысль: поставить на наши командировочные удостоверения в любом местном

штабе круглую печать и штампы прибытия и убытия. Мы же, действительно, застряли здесь. А этой печатью тем самым обеспечим юридическое обоснование нашей остановки и пребывания в Узбекистане. Это поможет потом сделать себе три дня разгрузки и отдыха за счёт выигрыша времени при таком неожиданном перелёте самолётом мимо Ташкента. Ведь теперь уже нам поезд не нужен. Билеты же железнодорожные для отчёта за нужный день он обещал достать потом прямо на Ярославском вокзале у поезда. Я не стал возражать за компанию этому предложению, хотя сразу представил свои возможные трудности в родном военном городке: как это я буду входить в городок, а потом три дня прятаться от окружающих глаз? Практически же это скрыть невозможно. Ну да ладно, не убьют же? Решение мы приняли совместно и пошли искать по подсказкам какую-нибудь воинскую часть. Городок этого авиационного полка показался по-южному очень уютным и тихим, очень тихим в этот послеобеденный, да ещё в субботу, час. По наводке среди зелени и одноэтажных зданий нашли какой-то штаб. Здесь был только дежурный сержант, который просто опешил от появления неожиданно подполковника и майора, к тому же сухопутных. Отошёл от стресса и по нашей просьбе позвонил начальнику штаба домой. Я представился и извинился за беспокойство. Объяснил возникшую у нас командировочную ситуацию и срочность вопроса. Убедительно попросил прийти в штаб на пять минут и оказать нам помощь: отметить наше пребывание здесь и поставить печати в командировочных удостоверениях. Действительно, быстро пришёл молодой майор. Для прилиния по-хорошему поговорили об их местной службе и условиях жизни. За разговором он нам всё сделал: штампы прибытия и убытия, печать. Всё, как положено для финансистов. Так мы, как и решили, вооружились оправдательными документами.

Но наши приключения, однако, этим не закончились. Пришли на аэродром к самолёту, а там ещё и не думали начинать заправку. Попутчики наши отдыхают на травке, но время-то уже идёт к вечеру и перспектива вылета совсем неясна. Дозаправлять в эту машину надо сорок восемь тонн: немало. К несчастью, сначала не было нужного начальства – ведь суббота, а потом во всём гарнизоне не на-

шлось большого топливозаправщика. Стали заправлять одним шеститонным, но позднее подошёл ещё один такой же, и стало всё дёлаться быстрее и веселее. Но это делалось уже в темноте, с фонариками в руках экипажа. Мы же одурели от безделья. Надо в таких случаях обязательно что-то придумывать. Кто-то из дипломатов подал идею отметить возвращение в Союз. И все дружно согласились. Ведь все мы были оттуда, «из-за речки»: только кто больше, кто меньше, но у всех, конечно, что-то было своё на душе. Как нарочно, подвернулся местный лейтенант на мотоцикле, который проверял службу часовых. Упросили его съездить в город за водкой. Собрали деньги, и он укатил, оказывая нам уважение. Вернулся довольно быстро и привёз какую-то весьма сомнительную узбекскую водку с традиционным названием «Столичная». Для нашей трезвой и уставшей компании всё было хорошим, так как ни у кого спиртного не было. Кто-то даже, смеясь, сказал: попробуем же, что пьют под таким названием в узбекской глухомани. Вскоре и попробовали! Время уже давно зовёт на ужин, и, не ожидая конца заправки, по трапу поднялись в салон. Как-никак, а было уже девять часов вечера. Достали продукты: кто что имел с собой. Конечно, самыми бедными были мы, а уж если быть совсем точным, я и Геннадий вообще ничего не имели. Выставили приобретённое горючее и разложили еду на рундуках-сиденьях. Подняли первый тост за Родину, за пересечение границы. Второй не успели, тут и заправка закончилась. Экипаж прошёл через наш стол в пилотскую кабину готовить прогрев и вылет. За иллюминаторами стоит черная южная темнота.

По нашим прикидкам, лёту до Москвы три часа, и теперь в перспективе самое плохое для нас будет состоять в том, что в Чкаловской окажемся поздней ночью, где-то после двадцати четырёх часов. А это уже ночь и зима родная на дворе после афганского тепла и субтропиков. Не совсем ясно, что будет с нами на голом поле аэродрома. Далеко ли там до электрички? Одна надежда на то, чтобы успеть попасть на последнюю в Москву. Дай-то Бог! Иначе придётся куковать непонятно где. Особенно в этом плане переживает мой Морозов, так как его дом от аэродрома в пятнадцати минутах езды по этой же ветке. Если на поезд не попадём, будет обидно, конечно.

Здесь же пока только стали выруливать на взлётную полосу, получив почти пятьдесят тонн специального керосина. Мы же не теряемся, уже пьём за знакомство, за здоровье, за удачу и быстрый, благополучный прилёт в Москву. Все считают, что в этом раскладе нам крупно повезло: обошлось без ташкентской таможни и билетной нервотрёпки на вокзале. О самом полёте в памяти осталось только то, что все напились и дружно спали, приткнувшись для сна кто куда смог, лишь быпротрезверть к прилёту. Сон сделал своё дело, и приземлились мы уже с открытыми и ясными глазами. Как и просчитывали, прилетели поздно. Здесь уже стояла тихая ночь и было полным полно свежего снега. Вот так из жары и сразу в зиму за какие-то три часа! Выгружаемся и помогаем друг другу, а вернее этому торгашу, таскать багаж. Однако кто-то хорошо здесь подумал и позаботился о нас. Слыши, что нас поторапливают к автобусу. ПАЗик подали прямо чуть ли не к самолёту (хотел сказать: чуть ли не к трапу, но такового здесь не оказалось). Быстрее, нас поторапливают. Около километра дорога до платформы, и мы все тотчас здесь. Как сказали нам, должна ещё быть последняя электричка на Москву, и, естественно, нам её никак нельзя прозевать. И вот всем колхозом выгрузились на платформу, а нам-то нужна противоположная сторона. Обходить? Долго и тяжело с обилием вещей. Да и неизвестно, сколько времени осталось до подхода поезда. Вот и устроили живой конвейер на путях между платформами. Быстро перетащили вещи, в том числе и все места нашего богача. Опять ему крупно повезло. Как уж в Москве он один обернётся – трудно представить. Картинка при перегрузке получилась впечатляющая, особенно когда загружались в пустой вагон поезда и заняли аж четыре секции. Даже наряд милиции, обходящий пустой ночной поезд, широко раскрыл удивлённые глаза, зайдя в вагон. Столько народа и много вещей в последнем поезде, чего на этой ветке им никогда не встречалось! Чкаловская в то время ещё не была аэродромом активной перевозки. Геннадия через пятнадцать минут высадили первым в Мытищах. Я с ним тепло рас прощался, и ещё раз обговорили ситуацию с билетами. Заверили друг друга, что только через три дня выйдем на службу, а потом и встре-

тимся для отчёта в ГБТУ. Оставшиеся доехали до Ярославского вокзала и теперь уже удивили таксистов, появившись скопом ночью на площади.

30

Москва, Кубинка

Я на такси благополучно, но неожиданно приехал на родную Пятницкую улицу. Пришлось в разгар ночи разбудить маму. Радости было много оттого, что вернулся домой живой и здоровый. Мама есть мама. Слёзы! Ведь за всё время информации от меня не было никакой. Лишь только вчера Поляков, прилетев раньше, позвонил по моей просьбе маме и предупредил, что вскоре буду и я сам. Мама говорит, что даже посыпала мне туда одно письмо. Куда же туда? Любопытно. Поспал немного до обеда, и мне осталось ещё чуть-чуть, совсем немного в этой эпопее. С первой после «окна» электричкой приехал в Кубинку и, как это ни странно, по дороге и в городке никого не встретил.

Наконец-то я дома. Тридцать пять дней в командировке. Поездка оказалась очень интенсивной и интересной, со многими встречами, разговорами и массой впечатлений. Удивляюсь только тому, как удалось выдержать физически, без пауз и отдыха, такое разнообразие событий и нагрузок. После всего можно смело высказать одну обобщающую мысль. Многие из тех, кто служили в Афганистане в штабах, в тылу и сидели в местах постоянного расположения, кроме палаток, мало что видели. Положа руку на сердце, надо сказать, что это к счастью и понятно, что безопаснее для жизни. Те же офицеры, прапорщики, солдаты, кто был в боевых подразделениях, выбирались, как правило, только в ближайшие оперативные районы для участия в рейдах и боевых операциях. Нам же досталось за столь короткое время облететь почти весь Афганистан, да ещё предстояло, если бы при организации поездки было всё просчитано и выделено реальное время для выполнения задачи. Мы задержались бы здесь тогда ещё на месяц наверняка и посетили бы ещё два гарнизона: это ча-

сти в Кабуле и в Шинданде. Вот уже после этого можно было бы сказать о знакомстве почти со всей страной, за исключением северных провинций. В каждом новом гарнизоне новые встречи, разговоры в курилках и перед сном в палатках с массой боевой и прочей информации с реальными различными примерами. Всему надо было, конечно, верить, так как всё это происходило здесь и реально. Та реальная правда о первом периоде, о днях ввода наших войск в дружественный нам Афганистан. Я эти рассказы повторять здесь не буду, некорректно это, да и не имею права. Сам же ведь я не участвовал в этих делах. Всё, что слышал и видел, откладывалось лишь в собственной памяти, в собственных нервных клетках.

Мне же захотелось эту память в голове и в скромных коротких записях превратить для себя в развёрнутую дневниковую форму, отразить, в меру способности, многое из того, что проделали нашей бригадой инициативно и добросовестно и что пришлось пережить в этой быстро организованной, но и проведённой не до конца специальной командировке.

Уже появиввшись потом в нужное время на службе, в отделе, сожалением узнаю новость. В день нашего отлёта Москва уже нас искала и в Афганистане, и в Ташкенте, но опоздали – мы в тот момент были на высоте десять тысяч метров в салоне АН-22. Оказалось, что ГБТУ пробило продление визы и командировки, но, увы, поздно стали нас искать и никто уже тогда не знал, где мы и какова судьба наша. Для них мы как будто провалились в тартары. Вся группа оказалась в Союзе по своим домам, по сути, нелегально, и ни по каким документам, например, я лично до сих пор в страну не вернулся. Должен считаться, видимо, потерянным на той стороне. Это немножко шутка, так как свой заграничный паспорт я, конечно, сдал. Но впоследствии никаких вопросов ко мне не возникало. По всей вероятности, меня «списали» на войну и никого уже такие мелочи в то напряжённое время не интересовали.

Полагал на этом закончить свои воспоминания, но работа получила своё продолжение в виде моих устных и письменных отчётов. Необходимо и об этом в двух словах сказать.

С Морозовым были приглашены для отчёта и разговора к начальству на Фрунзенской набережной. Генералы, хотя особо радости не выраживали за качественно сделанную работу, но и не ругали за невыполнение полной программы. Всё прошло без фанфар. С моими отчётом и выводами согласились: как могло быть иначе? Но перед командованием твёрдо и неумолимо встал вопрос: надо опять начинать организовывать новую эпопею. Забота Смирнова опять сводилась к организации новых виз; по технике же ничего делать уже не надо, за малым исключением только по комплектации расходными материалами. Как уже говорил, все материальные ценности в количестве четырёх комплектов аппаратуры на ещё четыре объекта мною были оставлены на хранение в Кабуле, в ремонтно-восстановительном батальоне, до лучших дней, для тех, кто бы ни поехал в будущем для продолжения работы. И в то же время мне твёрдо было сказано, что надо будет ехать опять. Значит, заработал, видимо, определённо какой-то авторитет. А сегодня окончательно могу сказать: «ВСЁ...». Но продолжение обязательно состоится через несколько месяцев.

Командно-штабная машина БМП-1 КШ «Поток-2» (объект 774)

Транспортные самолёты

Ан-22 (Антей)

Ан-12

Ан-26

Транспортные самолёты

Ил-76

Ил-18

Транспортные вертолёты

Ми-6

Ми-8

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЛЕТО

1

Москва – Челябинск – Ташкент

Вернувшись из Главного бронетанкового управления, где отчитывался бумагой и устными объяснениями, а также в финансовой части за расходы, обо всём подробно доложил и своему руководству. Начальство ситуацию оценивало, как я понял, достаточно объективно: работу надо и наверняка придётся заканчивать. А для этого вновь потребуется оформление заграничных паспортов, виз и новое распоряжение (директива)

Подошёл уже май месяц. Ю. И. Смирнов, наконец, предупредил: на май намечается отъезд. Документы уже готовы. Так как опыта набрались мы достаточно в первой поездке, а некоторые соисполнители отказались от участия, то теперь поедем в сокращённом составе: я как командир и бригада от промышленности из Челябинска. По слухам, у них всё будет без изменения. И все мы опять должны собраться в Челябинске и доукомплектоваться. А главным, как оказалось, положительным делом подготовки было изготовление Пережогиным промышленным способом из толстого дюралюминия десятилитровой канистры для спирта и заполнение её чем положено.

В Челябинск я летел теперь один: Геннадий или отказался, а может быть, и не был послан институтом – не знаю. На этот раз остановился

в гарнизонной гостинице, в каком-то небольшом домишке при военной комендатуре. И даже далековато от завода. Но это оказалось совсем неплохо, так как за всё время я только один раз всего-то и съездил туда, набродился по коридорам административного здания и в некоторых интересных ближайших цехах. Затем на заводе погрузили наши ящики с имуществом и отъезжающих челябинцев в машину, за исключением Валентина Анатольевича, и отправили поездом. Мы же вдвоём через пару дней отправлялись самолётом. Билеты уже нам были заказаны заранее. Отправили ребят весело, потому что, если память мне не изменяет, у кого-то дома вечером в день отъезда до отхода поезда жёны организовали проводы. Боевые подруги моих спецов обеспечили ужин, а потом поехали провожать их на вокзал. Стояла отличная летняя погода, был тёплый вечер, лёгкое подпитие, симпатичные женщины и красивый вокзал. Вот и отправили их на двое суток в прокалённом солнцем поезде до Ташкента.

А я же, пока оставался в городе ещё двое суток, был предоставлен сам себе. Пешком побродил по всему городу, а вечером уже запланировал себе быть в театре. Уже не в драматическом, как в первый приезд, а в оперном. Во-первых, посмотреть знаменитое здание оперного театра, и, во-вторых, посмотреть первый гастрольный спектакль Московского театра на Бронной. В город приехал наш популярный театр с известными артистами – Броневым и Грачёвым. Давался аншлаговый в те годы спектакль о проблемах производства, борьбе нового со старым. Ещё минута в минуту с началом спектакля, как ни старался и ни крутился, я был ещё без билета и в безнадёжном состоянии. В настроении неизбежно идти в гостиницу и как-то проводить вечер. Но вдруг подкатила «Волга» и у вышедших оказался лишний билет. Повезло! Вот такой театральный ажиотаж в провинции на Московскую труппу. От такого удачного вечера получил большое впечатление. И вообще, провёл эти тёплые дни интересно и хорошо, несмотря на минимальные удобства гарнизонного гостиничного размещения. Улетели с Валентином вовремя. Рейс был до обеда, и в Ташкенте приземлились в самый солнцепёк. Встретил нас по-порядочному, на чёрной «Волге», майор из управления вооружения штаба ТуркВО. Сразу же на аэродроме окунулись в

неприятную жару, такую потную, липкую, которую мы даже не почувствовали в первый свой приезд. А сейчас было очень плохое состояние от этой влажности. Разместились также в той же гарнизонной гостинице семиэтажке. Привели себя в порядок и пошли искать вход в штаб округа. Он где-то рядом, но все улицы в густой зелени. Трудно разглядеть. В конце концов с трудом всё-таки нашли это огромное здание. Не помню сейчас, сколько нам пришлось дней ждать, – ведь поезд идёт двое суток по графику. Следовательно, на следующий день надо уже ожидать прибытия поезда с ребятами. С Пережогиным поехали на вокзал встречать их. Поезд прибывал тоже днём, в эту липкую жару. Ребята эту жару с героическими муками пережили в поезде. Уставшие, небритые и замороченные вагонным пеклом. Привезли их в гостиницу на той же «Волге», отмыли и привели в чувство. Это ещё не Афганистан, а всего-навсего Ташкент. Мы теперь все в сборе. И на следующий день нам надо уже думать о вылете в Кабул. Всё с того же военного Восточного аэродрома. Но это сразу не получилось: сколько времени проболтались мы в городе с отлётом – не помню, так как для решения вопроса вынужден был несколько раз с разных проходных звонить в штаб местному начальству. Наконец, все вопросы с вылетом были решены. В шесть часов утра подъём. Машину подали во время. На сей раз пришёл какой-то автобус, который без проблем забрал всех. Разгрузились прямо у таможенного отстойника, а пропуска там ещё не было. Довольно долго просидели в этой клетке, но спасало то, что ещё не стало жарко. А когда проверили наши синие паспорта, то выпустили на волю на аэродромное поле. Там и сели в ожидании самолёта на свои ящики. Планировался в рейс Ил-76-й: на наших глазах он загружался под завязку продовольствием и овощами. Останется ли кусочек места и для нас? Для нас остались жёсткие скамейки вдоль бортов огромного фюзеляжа. Улетающих довольно много и поэтому свободных мест, естественно, не осталось. Нас мало, а ящиков много. После таможни принимаю инициативное решение с переноской нашего груза. Собственных рук у нас не хватало на все ящики – нужна помощь. Ведь до самолёта было порядка двухсот метров по полю. Подвернулся взвод солдат с оружием и личными вещами во главе с лейтенантом. Приказал им остановиться, взять в свобод-

ные руки наши ящики и доставить их к самолёту. Помогли ребята, и мы не мучились. А сам полёт занял всего один час двадцать минут, и все взлёты и посадки обошлись нам благополучно.

2

Опять Кабул – штаб 40-й

От генерала Г. В. Журавля нас встретил офицер с легковой машиной. От ремонтного батальона бортовая машина для груза не пришла. Командир, как оказалось, не был оповещён и, естественно, машину не выслал. Нам опять ждать. Ждём! Ждём довольно долго, так как оповещение пошло по новому кругу. В расположении батальона сам Гребнев встретил нас, встретил как старых знакомых. Полдень, жарища. Пока определяли нам места для проживания, расположились в очень симпатичной курилке. Сидим, покуриваем, толкуем о Союзе, Ташкенте, газетах. Новости здесь узнают день в день, так как газеты доставляются с необычайной оперативностью. А мы-то прилетели тёмными, без всякой информации. Виктор Алексеевич приказал принести из погреба холодного кваса, чем решил нас удивить и даже похвалиться. По такой жаре он был кстати и оказался очень вкусным. Раньше в батальоне квас для личного состава не делали. А сейчас он в палатках держится как питьевая вода. Челябинцев разместили по обжитым палаткам офицеров, а мне самому ничего не досталось, кроме дежурной палатки, ничем не оборудованной, с земляным полом, самой крайней в ряду у туалета, у колючей проволоки ограждения да щёс с возможным душманом за ближайшим бугром. Но здесь, однако, уже жила бригада из пяти человек с Волгоградского тракторного завода в ожидании отправки в Союз. Приезжали они с такими же проблемами, но по своему направлению. Работу с неизбежными трудностями и неразберихой достойно закончили.

Как я уже приметил, пол в палатке был земляной, но ножки кроватей стояли всё же на досках. Брезент палатки внизу не был закреплён, не присыпан землёй, так что снизу всегда поддувает и сам он полощется от ветра и сильно шумит. Вообще, впечатление такое – захо-

ди, кто хочет. Тем более что за колючей проволокой в двух метрах, как я уже говорил, могут быть и душманы. Но солдат принёс свежее бельё, я заправил постель и, таким образом, более-менее устроился на ночь. Ребята мои разместились просто хорошо – капризничать не будут. Я же на лучшее претендовать не собираюсь, потому что максимум послезавтра, если не завтра уже уедем в гарнизоны на работу. В какой и куда в первую очередь – пока неизвестно. После размещения организовали нам баньку. Отлично помылись, тем более что столько много времени прошло после моего отъезда из Москвы. Получается так, что для получения такого удовольствия надо лететь в Кабул. А вечером в части даже было показано кино: то есть в рембате появились явные признаки цивилизации. А встречи вот сегодня с начальством никаких не получится. Гостей из Управления не было, а телефонной связи до сих пор не сделали. Вечером и даже в ночь в палатке шёл у меня долгий разговор с волгоградцами. Передавали свой большой производственный и, главным образом, житейский по условиям Афганистана опыт, рассказывали о случившихся с ними историях. И завтра они должны улетать в Союз, так что мне предстоит жить в такой палатке одному. Немного жутковато. Следующий день пребывания – 7 июня – оказался даже выходным в условиях войны. Радиостанция связная не работает – молчит: никому до нас нет дела, и мы отдыхаем.

3

В 180-м гвардейском полку

8 июня – это уже понедельник, и надо определяться. Погода очень жаркая, сильное солнце. Пошли в парк и вытащили из подземелья на солнце своё имущество, сданное ещё в январе на склад на хранение. Занялись переборкой и просушкой аппаратуры и инструмента, а затем комплектацией ящиков по объёмам работ в гарнизонах. Вся техника на месте, ничего не пропало, только здорово отсырело в землянке. Особенно плохо дело для нас будет со сварочными электродами. Они у нас специальные, броневые, и где их теперь брать, если не бу-

дут варить, – пока не знаю. Посмотрим на местах, в полках. Наконец всё уложили. Гребнев дал машину, и после обеда выехали, как планировали, без звонка, в 180-й мотострелковый полк к майору Бричкину. Однако здесь, видимо как всегда по афганской традиции, команду не получали. Да и сама наша БМП сейчас воюет в операции в рейде, вторая сегодня уходит на пересмену. Значит, объектов нет, работы здесь пока не будет и надо менять теперь весь план. Но жить останемся пока здесь. Возвращаться в рембат теперь нецелесообразно. Нас разместили в большой палатке офицеров управления полка на свободных в эти дни местах. Полк в Афганистане знаменит, командует им подполковник Высоцкий Евгений Васильевич, будущий Герой Советского Союза. Подразделения полка всегда находятся на операциях, полк имеет большую оперативную зону ответственности, и, как я понял, главное направление у них – на город Чарикар. Полк считается столичным, потому что расположился рядом со штабом Армии, где-то всего в пяти километрах в предгорьях Кабула. И главная его задача – в обеспечении безопасности проходящих автомобильных колонн с севера, из Союза, и обратно, от перевала Саланг до Кабула. Трасса оборудована на всём своём протяжении через определённые расстояния боевыми блокпостами. Сам полковой палаточный городок весь утопает под ногами в мучной пыли, особенно тыловая дорога и техническая зона. Эта мука очень неприятна. Сейчас, учитывая, что стоит лето, я сапоги с собой не брал – буду рвать свои туфельки. К делу. Командира пока нет – он на операции. Познакомился с начальником штаба, замполитом, а в палатке – и с другими штабными офицерами. Мы готовы к работе, но её не будет несколько дней. Уже 9-е число – надо переносить работу в Шинданд. Пережогин спорит со мной по этому поводу, бунтует и настойчиво уговаривает за Шинданд. Главное в его доводах – все дела лучше всё-таки заканчивать потом в последней точке, а именно в Кабуле. Чтобы можно было бы спокойно перед отлётом решать личные дела. В чём-то он, конечно, прав. Но приехавший Высоцкий твёрдо заверил завтра представить технику.

На следующий день, сразу после завтрака, по уже сильной жаре шагаем все в парк боевых машин. Парк – такое же пыльное поле, толь-

ко организованное по-военному для стоянки и ремонта всей техники полка. По пути туда перемешиваем своими ногами десять – пятнадцать сантиметров этой муки. Идти недалеко – метров двести пятьдесят. Но пыли с избытком, и все мигом перепачкались, и, видимо, уже навсегда. Начали предварительную работу: разобрали аппаратуру, материалы. На хранение свои ящики сложили среди масленых траков и катков в технической палатке склада бронетанкового имущества. Всё складское богатство внутри лежит навалом, серое от толстого слоя пыли. Внутри, естественно, спёртый воздух и ещё более страшная жара. Вот здесь же, в этой специфической обстановке, среди ящиков и спрятали свой знаменитый и бесценный бачок со спиртом. Пока потихоньку занимались размещением железок и организацией рабочего места, как нам и обещали, прибыла в одиннадцать часов колонна. Надо теперь ей разгрузиться, немного привести людей в порядок. Опять, наверняка, потеряем день. Ну что же – надо ждать. Поэтому ушли в городок, в свою так называемую палатку-гостиницу. Ребята до обеда решили полежать, почитать, а я направился в палатку дежурного по полку: может быть, с кем-либо из начальства встретчусь. Там попутно выяснилось, почему два дня не мог дозвониться до генерала Г. В. Журавля. Оказывается, что всё управление в эти дни на взводе, а сам он в срочной командировке в Баграме, где мне пришлось ещё зимой побывать пролётом. Вчера там случилась беда, ЧП: около самого аэродрома рано утром душманы подорвали артиллерийские склады. Как говорили очевидцы: там всё вокруг летало, свистело, сверкало. Было много огня и шума, но вроде обошлось без человеческих потерь. Генерал Журавль был срочно назначен председателем комиссии для расследования происшествия и убыл туда. До нас, естественно, пока руки не доходят. В полку тоже всё взбудоражено. В штабной палатке на телефоне сидит начальник штаба полка майор Арапина и дозванивается до подчинённых постов: до одних по проводной связи, до других по радио. На одном из постов погибли два бойца. Надо всё дотошно выяснить, и поэтому он лично сидит на связи для надёжности и точности в получении информации. Самое важное при этом состоит в том, чтобы не допустить ошибок в фамилиях погибших, потому что оба солдата оказались из сред-

неазиатских республик. Нужна особая точность. В последнее время участились вылазки небольших групп афганцев. Но сегодня говорят уже о банде в четыре тысячи человек в ущелье в двадцати километрах отсюда. Не до нас, ещё раз говорю, здесь пока всем. Как-то раз даже от парка послышалась какая-то стрельба. Вот такое начало командировок, даже на городок налетели при нас. Ко всему почему чуть было не остались и без обеда. Налетел традиционный в это время дня сильный местный ветер – «афганец». Спрятались от него в палатку, пригнули головы, закрыли глаза, уши и не дышали. Но всё же муки наглотались. А уж на улице при «афганце» в полутора – двух метрах ничего не видно, да и дышать нечем. А почему чуть не остались без обеда? Да потому, что в столовой все столы и всё, что уже было выставлено на них (хлеб, соль, закуска), покрылось слоем этой пыли. Ну, как тут кушать с песком? Только выбрасывать. Наконец пошла подвижка с работой. В шестнадцать часов поставили первую БМП. Ребята пошли в парк, а я получил УАЗик и поехал в «Тёплый Стан» в управление к полковнику Мичалину. Как нарочно, сейчас все были на месте. Со всеми тепло поздоровался и, сидя в общем для всех кабинете, с Князевым пообсуждали наши дела и скорректировали дальнейший порядок работы. Попросил девушек на узле связи «ОПЕРА» подработать мне канал связи с Москвой. И они, как связисты связисту, спустя несколько минут прямо дали мне Смирнова. Доложил ему о состоянии дел, получил ценные указания на будущее. Здесь же не преминул накаптать Князеву на низкую организованность дел у майора Бричкина, до сих пор не сумевшего обеспечить сварку. Просил нажать на него сверху и помочь. Бричkin же вообще стал нас избегать, а уж будучи в парке, ни разу пока к нам не зашёл. Какой же это зампотех, или, как сейчас он именуется, – заместитель командира полка по вооружению?

Для решения всех организационных проблем по вопросам связи довольно поздно пошёл во дворец Амина к начальнику связи Армии – генералу Иванову, чтобы представиться и познакомиться. Туда надо проходить два контрольных поста и длинную, в сто ступеней, лестницу. Он меня специально дождался, и мы обсудили предварительно все вопросы организации предстоящих испытаний,

которые я буду проводить сам с подчинёнными ему частями. Заверил меня: своей властью всё необходимое по организации обеспечит – и дал мне в кураторы и организаторы майора, специалиста по организации связи, из своего управления. С ним-то я до конца затем всё и уточнил. Ему предстояло подготовить письменное распоряжение во все части по этим испытаниям, а по телефону устно проинструктировать по методике. Это он должен будет сделать за то время, пока мы будем работать в Шинданде. Ему отдал и документы, бумаги по анализу качества связи для будущего отчёта. Ушёл от них поздно, и внизу, в вестибюле дворца встретился со знакомым подполковником Матвеевым, который как раз заступал в наряд оперативным дежурным по управлению штаба Армии. Это знакомство помогло, так как выехать через КПП после восемнадцати часов практически оказалось невозможным. Еле-еле выехал, и то только с помощью этого Матвеева, после его личного распоряжения. Помог своей властью. Ехал уже в сумерках, и в поездке сопровождало неприятное чувство опасности. На всех углах улиц группами стояли отдыхающие афганцы, и поэтому закрадывалось невольно это внутреннее беспокойство. Но ничего – добрался до полка уже в полной темноте. Отправил машину в парк и в одиночестве прошагал по пыли через главную полковую площадку к своей палатке. Впереди ужин и дальше всё как обычно.

4

10 июня. В этот день настроение наше также не поднялось. Бричкин сварку всё не даёт, другой электроинструмент тоже не работает без этой летучки, и сам он опять не показывается: продолжает избегать нашего уголка в парке. Пришлось самому расшевеливать командира ремонтной роты полка. Офицер проникся ответственностью и закрутился, решая наши дела. Нашёлся у него в роте толковый прапорщик, который Бог знает откуда приволок САК. Его ещё надо было ремонтировать, чем до обеда вместе с прапорщиком и занимался. Полдня прошло, и ещё совсем не ясно, что получится у нас и что, соответственно, делать дальше. Откуда быть хороше-

му настроению и согласию в коллективе при такой организации? Полное безобразие. Я после обеда муку месить уже не пошёл. Бригада же всё, что можно сделать до сварки, – сделала. Второй машины нет и скоро не предвидится. Так что стоим и сидим без работы. Жара стоит примерно градусов под тридцать, и в такой печке быть в парке совсем плохо и спрятаться негде. Есть только «непродуваемая», с грязными ящиками и траками палатка. К тому же каждый день, как по секундомеру, часов в тринадцать с минутами, как раз перед обедом, здесь задувает «афганец». Он бывает сильным или слабым, но дует всегда. В это время надо уже идти на обед, но невозможно практически, и пережидаем стихию в палатке. На столах в обеденной «зале» всё, как отмечал уже, покрывается пылью. Здорово! Вечером распорядок нашей жизни обычный, размещаемся пока на прежних местах – не согнали. Чуток выпили спирта для лечения от пыли, чуток поиграли в карты, немного посмотрели афганскую телепрограмму в маленьком телевизоре. Мало понятного и ничего интересного: почему-то постоянно на экране диктор или дикторша. Откуда у них такой большой объём информации? За все дни ни кино, ни музыки, ни спорта. Конец сегодняшней нервотрёпки. Спать. Но спать плохо, сон не идёт, очень жарко и мучение сплошное. Но рассвет хороший, очень раннее солнце и приятная свежесть. Умываемся по очереди привезённой водой из одного бачка. Завтрак, как и всё тут, тоже плохой, консервированный: кушаем без аппетита. Рабочий день, 11 июня, опять начался с ругани и очередных обещаний сварки. У всех разное отношение к нашему делу. Правда, у каждого тоже своё дело, а мы, как болячка, у них. Высоцкий при встрече проявляет интерес, что-то спрашивает, зампотех же продолжает нас избегать. А машины-то делать надо. И виза не резиновая. К десяти часам пригнали летучку, но от неё толку опять мало – оказалась той же самой неисправной, что была вчера. Затем подтянули на пробу афганскую сварку, но и от неё толку нет. Прaporщик привёз ещё чай-то САК, и к обеду, наконец, агрегат был к работе готов. Это ж от таких дел можно просто свихнуться! Но при всём этом к концу дня основные подготовительные работы к сварке сделали. До завтра!

Вечер опять по-прежнему мы проводим в палатке – деваться ведь некуда. Офицеры из палаточного окружения понемногу постепенно меняются. Кто-то уходит на задание или же едет в командировку, а кто-то возвращается. Появляются новые знакомства. Особен но подружился с начальником артиллерии полка, который к нашему приезду уже перегорел без конкретной боевой работы, ожидая со дня на день офицера по замене из Союза. И поэтому последние дни безвылазно находится в палатке и никуда не выезжает. Вечерами сейчас спокойно, городок большой, состоящий из многих рядов палаток, жилых и служебных. Все живут своей жизнью, как в большом посёлке. Можно и заблудиться. Мы же всегда находимся только в своём общежитии на передней линейке рядом с командиром, штабом и палаткой с дежурным, столовой, женской палаткой. И единственный наш маршрут – это уже протоптанная дорога в парк. Всё проходит однообразно, и впечатления и информация по конкретным дням уже смазываются. Сейчас, через столько лет, события вспоминать становится трудно. Помню, например, что телевизор работал каждый вечер, а вот кино чтобы показывали в этом полку – не помню. Появился, наконец, и представился начальник связи – майор Новиков. Ура! На следующий день опять задержка со сваркой. Что за напасть такая здесь! Теперь хоть толкачом будет Новиков, пускай крутится и обеспечивает работу. К десяти движок запустили, и мои ребята разозлились: к обеду все сварочные дела сделали. Даже параллельно стали красить, чтобы побольше было времени до завтрашнего дня для просушки. Ящики стали понемногу освобождаться: первый комплект аппаратуры пошёл на сборку. Легче морально, когда видишь, что имущество потихоньку расходится. А это значит, что работа идёт. Краска за ночь высохла. Поэтому на следующий день быстро провели сборку, и к обеду машина была полностью готова. Хотел было по этой причине после обеда поехать в «Тёплый Стан». Да и надо было бы, но вдруг почувствовал себя плохо и остался в палатке. И правильно сделал – попал сам в историю с желудком и забегал в туалет. Так как в штаб не уехал, то решил провести проверку связи и сда-

чу объекта. Что и было сделано мною, сделано в полном объёме и прямо к началу бани. Меня Арапина пригласил ещё днём в парилку, которую в этот день готовило для себя командование. Об этой помывке можно было бы написать целый рассказ, но для краткости я передам только сам процесс омовения и пребывания в этой полевой бане в кругу полковых начальников. Сама банька построена отдельным настоящим домиком из брёвен, которые наверняка привезли из Союза. Устроен большой предбанник, любовно отделанный стругаными, пока ещё беленькими досочками. Территорию двора плотно окружили макетировочной сеткой. И всё это сооружение стоит на отшибе, на взгорке в тылу городка за пыльной тыловой обездной дорогой. В дворике установлены столик, скамейки и штатный армейский резиновый бассейн с водой. В баню я пошёл один, пораньше – часа в четыре. Командира и замов ещё не было. Но кто-то из штабных офицеров уже там был. Нам, как первым, досталось чуть-чуть пропарить помещение, хотя камни заранее были хорошо уже прокалены. Нам осталось только поливать их водой из ковшика. Времени попариться хватило вполне, и оставаться на очередное омовение вместе с пришедшим к тому времени Высоцким было уже слишком и даже некорректно. Я вышел в дворик и присел к столику отышаться. Пока курил и отдыхал, командование по первому разу попарилось и вышло к бассейну искупаться в холодной воде. Голенькими попрыгали с визгом в бассейн, потом подсели ко мне за стол. Тут же был подан хороший чай. И потекли и здесь служебные разговоры, и даже порой возникали споры, хотя командир был тут же. Очень приятная была обстановка в этом не-привычном для Афганистана комфорте, и тем более от встречи с интересными людьми. К примеру, вот здесь сейчас рядом со мной сидел будущий Герой Советского Союза, пока в звании подполковника и генерал-полковника в будущем. По ходу разговора упоминали имя другого также будущего Героя, будущего генерала и президента Республики Ингушетии, Р.С. Аушева, а тогда служившего в полку начальником штаба 2-го батальона. Ругали его за какие-то хозяйствственные инициативы, связанные с подвозом камня для мощения дороги. Вокруг имени Аушева в полку уже ходила добрая слава, и по приезде в полк мы буквально сразу и услышали эту фамилию. При нас, как

я тогда услышал, стоял уже вопрос о назначении его, старшего лейтенанта, на должность комбата, если действующий успешно сейчас сдаст экзамены в академию и освободит должность. Офицеры ещё сделали, как я сказал, заход в парилку, а мне надо уже идти домой, то есть в палатку. К сожалению, путь сейчас идёт под гору вниз и переходить надо через эту самую пыльную дорогу. Пока дошёл, опять набрался пыли, тем более что перед самым моим носом прошла по дороге пара машин и надолго подняла сплошную пыльную завесу. Ну а затем всё как обычно: ужин и посиделки в палатке за картами. С размещением в палатке всё пока по-старому, но будет, как предупредили, проблема со следующего дня: кто-то уже приедет из командировки. Рассказал челябинцам про баню, про интересное общение и посочувствовал им: отказались от хорошей парилки. В дальнейшем же с Высоцким на дорожках городка и в штабной палатке встречаться приходилось чуть ли не каждый день. Как я уже отмечал, то он поинтересуется состоянием дел, то у меня возникают, как правило, организационные вопросы. Конечно, ставил вопросы и по злополучному сварочному агрегату, и по судьбе машины, находящейся на операции. За второй машиной он поехал сам, конечно, не специально за ней, а с выполнением боевой задачи. Взял нашу уже переоборудованную БМП-1КШ и возглавил двухдневную операцию в Чарикаре. Мы же опять на два дня без работы. Приведя назад колонну, он тут же прямо на дорожке между палаток минут десять уделил мне, в беседе высказывая свои наблюдения и ощущения от практической проверки того, что мы сотворили. Чётко отметил главное, что мы, правда, тоже сумели уже определить раньше: на большой скорости по асфальтовой или бетонной дороге появляются в шлемофоне сильные шумы и связь пропадает полностью. Объясняя ему природу этого явления, тут же подсказал необходимость уменьшать скорость движения или даже делать короткую остановку для ведения радиосвязи. Это замечание, заверил его, обязательно будет зложено в документацию при эксплуатации в жаркую и сухую погоду и особенно на сухих асфальтах и на песчаных грунтах.

Колонна полка вернулась из операции, а с нею, наконец, пришла и наша машина. Чем будет грозить нам завтрашний день? Как бы не прошёл он вхолостую, если опять будут «шутки» со сваркой. Да и собственное самочувствие оставляет желать лучшего. В госпиталь, конечно, как Геннадий не побегу, научены уже, но навещать одиночную будку приходится всё-таки часто. Теперь остерегаться надо всего. Воду из бака, что у входа в палатку, пить уже рискованно, но на дворе-то жара под тридцать пять градусов. Достал где-то и заварил зелёного чая для питья и при этом всё же в пять часов утра под восходящее солнце и приятную свежесть побежал в нужном направлении. Уже 14 июня. Официально в первый раз пришлось объявить всем выходной день до прихода колонны. Два дня ожидания. Тоска от понимания того, что работаетстоит. Я теперь на приём пищи не хожу, пью зелёный чай и лежу в палатке: присматриваюсь повнимательнее к окружающей обстановке. За головой между спинкой кровати и брезентом стенки устроена свалка из личного имущества хозяина кровати. Среди вещей обнаружил двадцатилитровую бутыль с уже готовой брагой из изюма, заполненной где-то на одну треть объёма. Вспомнилось тут же: что-то я уже в эти два дня всегда ощущал в палатке запах спиртного, но не придавал этому значения. И тем более не мог даже подумать, что всё это хозяйство стоит в собственном изголовье. Днём подключился к нам Виталий – тот безработный начальник артиллерии. Был он в несколько расстроенном и потерянном состоянии, так как вдруг вместо замены в отличное место в Молдавию предложили ещё повоевать здесь, в другом гарнизоне. Говорит, что тут идёт какая-то тёмная кадровая комбинация. Под такое настроение организовал где-то к столу «кишмишовку» – виноградный местный самогон, и в обед, для лечения, палаточная компания здорово выпила, без удержу. Ребята по такому случаю на обед вообще не пошли, играют в карты, шумят и бузят между собой. Я же лежился и поэтому был трезв, лежал, от жары завёрнутый в мокрую простыню, и пытался что-то читать. В этой даже очень шумной обстановке сумел проспать до семи часов. И опять я сознательно без ужина. Вечером досталось редкое удовольствие: по телевизору сумели полу-

чить союзный репортаж по футболу. Посмотрел особую и хорошую игру между вечными соперниками – командами «Динамо» (Киев) и «Спартаком». Как ни странно, вечером появился у нас в гостях сам Бричкин, и доложил, что колонна придёт завтра, и заверил клятвенно тут же машину подать в работу. На следующий день, кстати, приход колонны мы сами хорошо видели по огромному и плотному столбу пыли над тыловой дорогой. Эта ночь опять прошла по-дурному: плохо в такой жаре и все почти не сомкнули глаз. А вот утро каждый день стоит отличное, так и хочется сбегать на зарядку и размяться. В этот день точно, как заверил Бричкин, машину предоставили для переоборудования. И вновь, как будто нас преследует какая-то зараза, сварки опять нет, и, как оказалось потом, её не было весь рабочий день. Дело не получилось, но до парка, до стоящей машины сходить по пыли надо было обязательно. Тут и увиделся с подполковником Высоцким и услышал о его наблюдениях и мнении. Щажу себя в питании, так как нет-нет, да потянет в тот «домик на окраине». Завтрак проигнорировал, а вот к обеду кушать захотелось всерьёз, хотя жара в тридцать пять – тридцать восемь градусов к этому явно не располагала. Время оказалось опять свободным, и после обеда опять планировал использовать его для поездки к начальству. Только не один, а спарившись с Виталием, который взял УАЗ-469-й. УАЗик подвернулся только потому, что его вызвал начальник политотдела на беседу по поводу его сопротивления на замену. А полк обязан был обеспечить доставку офицера. Вот Высоцкий и дал ему свою машину. Так к шестнадцати часам уехали в штаб, переждав предварительно, как и каждый день, основную жару в дремотном сне под мокрыми простынями, отбиваясь от мух, будь они неладны. Виталий ушёл в политотдел во дворец, а я – в здание штаба тыла к полковнику Мичалину и Князеву. Сам Журавель находится всё ещё на расследовании: там всё более чем серьёзно. Мичалина на месте не оказалось, а Князеву мы абсолютно не нужны – не по его столу. Прикинул быстренько объём наших дел при полной удаче в организации и всё-таки через Князева, как он ни отмахивался, заказал самолёт на Шинданд на 19-е число. Обязательно, пока я здесь, в штабе, нужно доложить обо всём в Москву. И я сумел непосредственно из дворца Амина дать закрытую кодограмму на имя начальника научно-технического комитета ГБТУ. Как потом,

оказалось, сделал совершенно правильное дело. Но для этого потребовалось получить учтённый в секретном отделе бланк, потом написать текст, походить по этажам дворца для согласования с нужными офицерами и, в конце концов, получить разрешение (визу) у заместителя начальника штаба Армии. Попутно посмотрел внутреннее убранство дворца: коридоры, ванную комнату, туалеты и т. д. В общем, заскочил туда, куда ещё был доступ. Всё отделано красивым кафелем, на дверях медные или позолоченные ручки. Очень широкие лестничные пролёты облицованы снизу доверху красивейшим нежно-голубого цвета мрамором. Но люстр в коридорах уже нет: висят круглые белые советские стандартные плафоны, ручки местами тоже ободраны, ковров и дорожек тоже нет. Но своё дело сделал: бланк оформил, и теперь по каналам секретной связи донесение пойдёт в Москву.

В кабинете связистов моего куратора тоже не оказалось: он, как мне сказали, в командировке на Саланге. Решает какую-то неожиданно возникшую оперативную задачу. Несмотря на это, всё вопросы по организации испытаний по связи в отделе проверил и договорился, что возникающие вопросы будут решать без меня.

Покинул дворец с тайной мыслью получить у финансистов хоть сколько-нибудь чеков под аванс. Но ничего у меня не получилось, не уговорил. С Виталием уезжали опять под сумерки. На обратном пути Виталий с сознанием дела и как хозяин спокойно останавливается около нескольких уличных торговых палаток. У него сейчас много денег, у него сегодня день рождения и у него приятное известие из отдела кадров: замена всё же едет именно к нему из Флорешти, что в Молдавии. Место тёплое и очень он доволен таким вариантом. Поэтому по дороге домой берёт два пакета кишмишовки, огурцы, помидоры, редиску. От всего подобного я уже отвык. Прямо как подарок. Приехав домой, организовали опять стол. Тут и я уж тоже присоединился и к поздравлениям, и к столу. А потом традиционные карты и телевизор. Что же ещё здесь делать, даже в день рождения? Долго не засыпали, но и по телевизору ничего не было: довольно приличное время стояла одна и та же картинка, с которой монотонно говорил Бабрак Кармаль. Как я сумел понять – выступление было организовано в честь какого-то нацио-

нального праздника. У нас же всегда один и свой праздник: это вечерняя жара и мухи, мухи. Поэтому, опять долго не могли уснуть. А после местного самогона всё утро было не по себе. К утру полегчало лишь с желудком, и я с радостью понял, что «лекарство» помогло.

7

День пошёл по обычному распорядку. После невкусного завтрака мы сразу в парк. Вот сегодня и САК подали сразу, работать стало веселее. Жора варит и отдыхает в промежутках. Мы по очереди прячемся в уже ставшей родной технической палатке. Что-то сегодня совсем уж жарко. Для интереса и истории измерил температуру: на чёрной бумаге на нашем ящике пятьдесят один градус, а на простой доске – сорок один. А в парке ни душа, ни обычной воды у Бричкина не организовано. Вот такие условия у нас. До обеда работали в такой жаре, и ведь никуда не уйдёшь. Убедились, что уж лучше, оказалось, просто быть на одном месте и меньше двигаться. В этакой жаре перед самым обедом обратились к нашему «магазину» в палатке – к канистре со спиртом. Естественно, в антисанитарных условиях, из битой алюминиевой кружки, одной на всех, выпили для лечебной профилактики по пятьдесят грамм тёплого спирта, без всякой воды. Ух-х! Скривились и закусили краюхой сухого, пропылённого белого хлеба, найденной нами среди ящиков. Сколько времени провалалялась? Ну и что: было нормально! Затем сам Бог и распорядок дня велели идти на обед. Не поленились – пошли. После обеда до четырёх часов лежали в простынях неподвижно по кроватям, и только едва хватало сил гонять мух. Но в этот день сварочные работы успешно выполнили. Жора у нас герой вообще, а сегодня особенно, ведь ему досталось больше всех. Так можно и концы отдать, тем более что и сам он выглядит очень и очень нездоровым. Вечером, ещё дотемна, опять пыль клубится по дороге из зелёнки. Вернулась смешанная колонна под командой Арапины. Колонна попутно на всех пустых бортовых машинах с горных выработок везла камень, бульжник для обустройства городка. Во всех частях в Афганистане ко-

мандиры таким подручным материалом облагораживают и мостят дороги, а местами делают на пикетах и защитные стенки. А командир второго батальона в этот раз после прибытия три машины с камнем, вопреки планам Арапины, завернул на свою территорию для своих целей. Исполняющим обязанности тогда был Аушев, и Арапина, злой за самоуправство, гремел в штабной палатке и спустил на него всех собак, когда узнал об этом. Я как раз тоже зашёл в палатку поздороваться с начальником штаба и был невольным свидетелем этого гнева. Он отдал распоряжение, чтобы всё, что привёзли, опять загрузили на машины и перевезли на полковые объекты, а именно на ту территорию около КПП для мощения площадки стоянки машин, по которой ещё вчера топали с Виталием по пыли, когда вернулись из «Тёплого Стана». Дошла ли команда до Аушева, выполнил ли он её – не знаю. Да мне этого и не надо. Всё это просто к слову, потому что был случайным свидетелем обычных армейских взаимоотношений. А вообще-то про себя сейчас думаю – навряд ли её выполнил. Оправдался бы как-либо и логично обосновал это.

У нас вечером, как всегда, свои пятьдесят грамм тёплого спирта и карты. Нового придумать здесь ничего не можем, просто невозможно. Но на одной из кроватей у старожилов вдруг обнаружил лощеный толстый афганский журнал. Журнал художественно-политический, старый, ещё выпущенный до революции. Текста почти нет и только фотографии и различные иллюстрации. И цветные, и чёрно-белые. По сути, всё об Афганистане. Очень много познавательного и исторически интересного о тех временах и о природе страны. После просмотря принял решение реквизировать журнал в свою пользу. И, как бакшиш, увезти его домой. До сих пор лежит он дома на полке и показываю, если возникает разговор об Афганистане, всем гостям. Смотрят, надо сказать, с неподдельным интересом.

Вечером размышляем коллективом всё о том же: дело двигается медленно, хотя все, несмотря на жару и ежедневный «афганец»,

крутился самоотверженно. Завтра ребят отправлю на работу: это будет 17 июня, а сам же поеду в Армию окончательно решать вопрос нашего перелёта в Шинданд. Пошёл для этого в штабную палатку потеряться около Арапины и Жукова, его помощника по машинам, с целью вынюхать возможность насчёт машины на завтра. Поневоле, собирается ехать сам Арапина, и действительно, с утра, организовав дела, с начальником штаба удалось уехать. На сей раз до звониться до Москвы не удалось. Серёжа, старший лейтенант у Князева, как ни старался, уговаривая девушек-телефонисток, не получилось. Все каналы, как они объясняли, перегружены. Зато сумел получить немного денег (чеков) под предлогом крайней необходимости в связи с вылетом в другой гарнизон. От такой радости купил даже в военторге бутылку заморского сока, что, по моим малым деньгам, было просто баловством. С сигаретами у меня сейчас хорошо, поэтому о них пока и не упоминаю. Походил по ангару-военторгу, посмотрел цены с прицелом на будущее. У нас в магазине всё здорово дороже, чем в магазинах Кабула. Номиналы на товары установлены под союзные цены из расчёта один чек за рубль. А это, мягко говоря, нечестно. Дублёники – восемьсот – девятьсот, «недельки», к примеру, – двадцать восемь чеков и так далее. Всё, что спланирую, буду покупать потом непосредственно в городе, когда возвращусь в Кабул. В конце у меня будет достаточно времени для этого мероприятия. Вернулись с Арапиной ещё до обеда, но идти в парк никакого желания нет. Жарко, и очень, – сорок четыре градуса на брезенте. Куда это годится, ведь даже в этих горах, на этой высоте от жары становится душно! Не обедали, остались дома, в парке совсем невмоготу. Пью теперь только зелёный чай и лежу под простынкой. Собрались к семи часам было идти на ужин. Но только сделали шаг из палатки, как закрутил опять «афганец», и глотаем вместо ужина тучи пыли уже внутри палатки. Соответственно, на ужин теперь шагать нам бесполезно, ведь там тоже всё в пыли. Остались без ужина – это уже хуже, так как и обеда сегодня у меня лично не было. Кто же знал, что будет шуметь «афганец».

Однако вечером ко мне зашёл майор Новиков, начальник связи этого полка, и пригласил к себе в гости: угостить самогоном, вкус-

ным ужином, да посмотреть на их житьё. Забрал я свою последнюю бутылку советского НЗ и, никому ничего не говоря, пошёл в гости. Палатку ещё надо ведь найти: стоит где-то в задних рядах, но ориентир у нас, связистов, всегда чёткий – развернутые мачты антенн узла связи. В палатке уже был его ротный – боевой, как я сразу понял, старший лейтенант. Очень был заботлив и обходителен. Им был организован стол, и даже угостили редкостью: жареной картошкой. И консервы разнообразные, это уже в обязательном порядке для афганского застолья. Налили по первой моей водочки. Для них нормальная водка – настоящая редкость и поэтому ценность. Военторг торговлю ею не ведёт, и купить можно только контрабандную в кое-каких дуках, завезённую отпускниками. Уж здесь-то можно увидеть чуть ли не всю географию Советского Союза. Пили, как положено, за армейскую дружбу, а я, как представительное «начальство», да ещё из Москвы, был в некотором почёте. Ну а позднее взялись уже за их местный продукт, тоже от душманов. Опять были рассказы местные истории: боевые и житейские. Также говорили и о завершении наших работ. В палатке у офицеров были японские магнитофоны. Для Союза эти аппараты с их высоким качеством были ещё редки и, конечно, дороги. Именно из Афганистана хлынул первый поток в комиссионные магазины страны. Новиков запустил музыку, и зазвучали записи современных, популярных песен под гитарное сопровождение, модных в те годы у народа, но не на эстраде исполнителей: Северного, братьев Жемчужных, к примеру. Я послушал и расчувствовался. Решил переписать эти ленты для себя, для дома. Новиков обещал сделать, если я достану чистую кассету. Но где её взять? Ведь специально за такой мелочью ехать в город просто нелогично, а в военторге в продаже нет. А до вылета переписку надо обязательно сделать. Догадался спрашивать кассету у местных офицеров. Ведь в Афганистане каждый первым делом старается завести себе «Шарп», «Сони», хотя и здесь магнитофоны тоже дорого стоят – двадцать – двадцать четыре тысячи афгани. Почти год такую сумму надо зарабатывать. Вечер оказался хорошим и не потерянным. Хозяева и наполнили, и накормили за весь голодный день. Поздно вернулся к себе в палатку, в какой-то степени, но не явно, с виноватым видом. Ведь на-

рушил правило товарищества: покинул всех и гулял один. Объяснил это производственной необходимостью. Ничего – поняли, промолчали. Не стал мешать им играть в карты и завалился спать: точнее, сначала принял гонять назойливых мух.

9

Наступило 18-е число. По всем планам и по сделанной заявке на самолёт это последний день, и обязаны заканчивать дела. Стоит такая же жара. В парке стало побольше народа и веселее. С одной стороны, афганский полковник по личной дружбе и боевому содружеству нашими запасными частями и силами ремонтирует свой танк, И с ним приятно и интересно пообщаться. А с другой стороны, вчера появился целый батальон новейших даже для Союза, испытанных нами в Кубинке боевых машин пехоты БМП-2. Машина новейшая, отличная, с мощным вооружением. Они своим ходом пришли из Термеза через перевал Саланг. Сейчас стоят красавицы ровным строем в парке. Подполковник Высоцкий тут же организовал быстрое обучение солдат и попутно снаряжение боеприпасами орудийных лент. Среди бойцов преобладающее превосходство узбеков, таджиков, туркмен. Но ничего: копошатся, учатся. Планируется быстро подготовить машины, проехать пару кругов вокруг парка и через два дня отправить батальон в Чарикар для приобретения уже настоящих навыков, а может быть, и боевого опыта. Действительно, через пару дней колонна убыла на операцию. Мы тоже в этот день, худо-бедно, машину сделали, и мне надо было её сдавать полку. После сдачи, к вечеру, мы должны собрать свои инструменты, упаковать последние два комплекта, чтобы быть готовыми к отлёту. А для этого надо опять сидеть, ждать команду от полковника Мичалина.

Новиков БМП-1КШ взял без особой проверки на связь. Да и с кем проверять связь: Кабул с Кабулом что ли? Оставляю это дело до официальных испытаний. Но проинструктировал его, что, возможно, будет мною организована всё-таки проверка из Шинданда

на дальности в шестьсот пятьдесят километров. Это уже интересно и показательнее. Теперь мы всё, как и планировали, сделали. Ящики готовы и до отлёта оставлены в парке. А как будет дальше – неясно. Знаю только одно, что вечером опять будет по пятьдесят грамм и карты...

Пришло такое же хорошее утро 19 июня. После надоевшего в этом полку завтрака командир собирался в штаб Армии и разрешил мне присоединиться. Если уж утром борта нет, то, значит, и не предвидится сегодня вообще. Теперь всё так же точно переносится на завтра. Решил остаться и переночевать в городке. Расположился на ночь в щитовом модуле, в комнате на двенадцать человек. Здесь живут офицеры нашей службы вооружения. Точно так же по комнате в девяти других модулях выделено другим службам, обеспечивающим всё руководство 40-й Армии. Живут, точнее ночуют, здесь очень тесно.

В комнате один стол, один шкаф на всех. Зато день и ночь всегда все вместе. Я бездельничаю: сижу, лежу, читаю, что нашёл в комнате, потом пошёл знакомиться с местным окружением и обстановкой. На приём пищи офицеры, гражданский персонал ходят в большую, как я уже говорил в первой части, столовую-ангар. Здесь уже цивилизация и совсем неплохо. Центр всё же. На столах белые скатерти, обслуживают официантки. После полка впечатление совсем другое, лучшее. А Пережогин в полку тоже скучает с ребятами и ждёт моей команды на выезд. В этот вечер «Тёплый Стан» переполошился. В зелёной зоне на окраине нашего городка вечером появились нападающие душманы. И кому было положено – хватали оружие и бегом или на машинах выдвигались туда отбивать эту атаку. Со стороны дворца хорошо была слышна перестрелка. Но всё довольно быстро закончилось. Было что-то или нет – никто из моего окружения сказать не мог. Да и разговоров в комнате больше не было. Им, видимо, привычно. Пережили ночь. На следующий день с утра после завтрака опять выясняем насчёт самолёта. Всё управление работает на меня. Ничего до одиннадцати нет, значит, и сегодня вылета не будет. Прошу у Мичалина машину и убываю в полк к своим балдеющим от безделья ребятам.

Пока отсутствовал, в полку ничего примечательного за вчерашний день не было, если не считать того, что вечером 19 июня прилетел в Афганистан на гастроли и разместился, как на базовой опорной точке, в этом полку ансамбль песни и пляски Туркестанского военного округа. Только приехали и тут же, в ночь, успели споить привезённым с собой товаром неустойчивую часть полка. Всё это, естественно, за любимые чеки, да притом недёшево. Бизнес и в ансамбле бизнес. Ночью дело приняло такой оборот и размах, что на следующий день замполит только и занимался его разбирательством. Даже с грустью и глубоким сожалением со мною поделился, когда встретились в штабе.

Был ещё один смешной случай в эти дни. Он произошёл прямо со мной. Случай любопытный и пикантный: поднявшийся, как всегда, в обед «афганец» наконец-то свалил скворечник женского туалета, а мужской же остался стоять целёхоньким. И это впереди главной линейки далеко в поле. И вот, как только ветер стих, а мы уже дружно отдыхали после обеда, мне потребовалось резво ринуться в этом направлении. Вышел из палатки и тут же увидел, что впереди в двадцати метрах уже шли две наши местные дамы в ту же сторону и, конечно, с той же целью. Шли они не спеша, разговаривали и смотрели только под ноги в землю. Я тоже потихоньку топаю за ними, обгонять вроде бы неприлично. Подойдя почти вплотную и подняв, естественно, глаза, видят, что их будки-то нет и лежит она в стороне на боку. И само очко демонстративно и вызывающе открыто. Пришли! Во-первых, конечно, громкий смех раздался, а, во-вторых, что-то надо делать. Идти в другое место, или как? Тут ещё усмотрели мужчину, который подпирает сзади. Да и другого места для женщин во всём городке не оборудовано. Иди хоть в поле дальше. Смех – смехом, но проблему, ради которой шли, надо решать. Вышли из положения вполне демократично: по очереди посетили оставшийся под крышей наш мужской скворечник. Конечно, всё затем отремонтировали быстро, но сам этот бытовой случай, виновником которого стал знаменитый «афганец», был любопытен.

В этот же день, уже ближе к вечеру, встретился со старшим лейтенантом Аушевым. Я уже говорил, что он в полку исполнял временно

обязанности командира батальона и будущее его, конечно, пока никак не просматривалось. Но человек в полку по своим делам был уже известен. Его здорово уважали. И у меня к нему возник интерес и даже практический вопрос. В плане покупок у меня было задумано купить для моих «Жигулей» японскую магнитофонную вертушку. Ну, а что брать, чтобы и цена удовлетворяла, и аппаратура была бы стоящей, да и где покупать, этого я ничего, естественно, пока не знал. Вот Володя Калепко, мой новый появившийся сосед по кровати, майор, только вчера приехавший с задания, и посоветовал поговорить с Русланом, как с человеком, имеющим какой-то опыт на местном рынке, а также и по этой технике. К тому же в его палатке есть несколько действующих аппаратов, которые можно посмотреть и послушать. Добрый совет этого Владимира, человека шустрой и большого местного начальника – заместителя начальника штаба полка, всё знающего и по характеру, и по должности, оказался кстати. С ним сразу подружились, оказывали доверие друг другу, и он опекал меня до конца, используя свою власть. Вот поближе к вечеру настроился навестить Аушева, благо кто-то видел, что он сегодня на месте. Нашёл его батальон, солдаты показали его палатку, из которой раздавалась музыка. Как полагается, спросил разрешение войти и, войдя в палатку, увидел Аушева. Он был совсем один. В старой полевой форме, без портупеи, по-домашнему в тапочках. В общем, комбат отдыхает от дел. Оказался молодым и красивым, выше среднего роста, человеком. Густые чёрные усы и приятное мягкое обращение с незнакомым человеком. Поздоровались за руку; рассказал ему, кто я и что делаем. Он слышал о нашей бригаде. Хоть и незнакомого майора и аж из Москвы, но очень дружелюбно пригласил сесть, предложил чаю, который как раз только настоялся. Вот попал, как бы специально, прямо к чаю. Было очень вкусно и кстати. Да и пошёл разговор наш под чаёк свободнее. Вполне естественными получились мои вопросы о магнитофоне-вертушке для легкового автомобиля. Ведь мне хотелось купить, прежде всего, что-то японское, а затем и подешевле. Он сразу посоветовал купить «Океан» и подсказал, где это можно в городе сделать. А именно в нашем микрорайоне для дипломатов и торгпредства. Я там, вспоминаю, уже бывал зимой. А его собственный магнитофон постоянно

в это время работал. Минут сорок за разговором слушали популярные во всём Афганистане под гитару бардовские и военные песни. За всё время никто в палатку не сунулся и не посмел нам помешать. Я не забыл о своих попытках сделать запись для себя. Поэтому попутно спросил его о чистой кассете. Есть ли у него и сможет ли продать? Чистой не оказалось, но любезно предложил уже студийно записанную кассету с каким-то французским певцом. Продал по дешёвке – за шесть чеков. Спасибо за то, что выручил и теперь нет необходимости где-то искать. После этого с Аушевым по-доброму распрошались, пожелали друг другу всего самого хорошего. Я ушёл в хорошем настроении, так как стало уже темно и надвигался ужин. Сразу же спланировал вечером посетить и Новикова, чтобы, не откладывая в долгий ящик, сделать на приобретённую кассету интересующую меня запись. Но в этот вечер сделать это не удалось. Заняты были плотно сбором и подготовкой к вылету, так как вечером вызвали меня к дежурному по полку на связь с Мичулиным. Он приказал на завтра, 21 июня, быть в полной готовности. Бричкин для этого с вечера выделил УАЗик, который мы загрузили и оставили около КПП готовым по первой команде к старту.

11

В Шинданд

21 июня. Для нас ранний утренний подъём в пять часов тридцать минут. Отличный и какой-то звонкий рассвет. Без завтрака, но всё- таки бодрые, загружаемся в санитарку, и по тихому городу едем на аэродром. Но нас здесь никто не ждёт. Вот так руководит у нас в управлении вооружения Мичалин. Какие-то борта АН-12 стоят, но ни один в Шинданд не собирается. Зла на это, как говорится, не хватает. Начинается теперь моя беготня по полю за каждым прилетающим самолётом, как в Москве за такси в час пик. Вопрос первый к лётчику: куда летишь? И уж, если ответ командира удовлетворяет, то следует второй вопрос: командир, возьмёшь? Всё зависит, таким образом, от лётчика каждого конкретного самолёта. Опять немного иронизирую: вся суeta и неорганизованность происходит под непосредственным руковод-

ством самого штаба Армии. Может, в низах будет более организовано – при личной инициативе нас самих. Но сейчас в полк возвращаться никак нельзя. Я в это время решил, имея уже хороший прежний опыт, проскочить на другой конец аэродрома, в комендатуру. Надо доложить о бардаке и срыве вылета генералу Журавлю, слегка поругаться с ним с надеждой, что перепадёт и Мичалину. Но это оказалось невозможным: через три коммутатора дозвониться просто не удалось. А тут уже становится всё жарче и пыльнее. К тому же, когда двинулись назад, в конце взлётной полосы нам не дали проехать и направили в объезд, по грунту. Оказывается, что улетал куда-то командующий со свитой и охраной на трёх вертолётах. Вот-вот ожидали его прибытия и полосу, где стояли на прогреве его вертолёты, перекрыли для движения. Сразу навалилось на нас очередное несчастье: пока обогнал этот эскорт, прокололась и быстро спустила камера заднего правого колеса. На ободе вернулся к бригаде и ящикам на афганскую часть аэродрома. Буквально рядом находились стоянка и рулёжная площадка, а также здание гражданского Кабульского аэропорта. Вот теперь возникли заботы о ремонте камеры в полевых условиях, так как запасного колеса, как всегда, не оказалось. В машинах, по традициям Афганистана, запасных частей не бывает. Машину руками стащили с бетонки на газон, чтобы никому не мешала, подняли на домкрат и остались вообще не на ходу, без колеса. Водитель самым примитивным кустарным способом сам принялся заклеивать камеру, а это значит – надо иметь огонь и какую-нибудь тяжесть. Развели костёр, на котором разогрели резину и клей. А камеру после разогрева положили под другое колесо своей же машины. Это тоже, конечно, будет называться вулканизацией, только в боевых условиях. Я же отошёл метров за сто пятьдесят к одному только что появившемуся борту, чтобы уточнить, куда дальше пойдёт этот АН-12. Он оказался почтовым, идёт по установленному кольцевому маршруту и летит сейчас на Кандагар. Нам не по пути, и сам извозчик не имеет права по инструкции, везя секретную почту, брать пассажиров на борт. Вылет наш пока не получается, но ещё есть какое-то время подождать: а вдруг кто-нибудь нужный «упадёт» с неба. Но в то же время к обеду надо вернуться в полк: святое дело – людей надо кор-

мить. Это всё будет означать, что сегодня операция не получилась. В это же время зашёл на посадку какой-то огромный иностранец. С этим-то самолётом приключилась другая любопытная история, о которой считаю, для смены настроения, нужным рассказать. Он приземлился и оказался большим американским лайнером Д-10.

На своей рулёжке к аэровокзалу для высадки пассажиров маршрут его как раз проходил через ту площадку, где стоял на домкрате мой бесколёсный УАЗик. Стоял в стадии склеивания резины. «Дуглас» вдруг заворачивает к нам, и оказалось, что расположение двигателей по высоте как раз соответствует уровню крыши нашей санитарки. Точнее, мы ему мешаем, а убраться, понятно, не можем – стоим без колёс. И ему уже не проехать, но рейс-то капиталистический, у них строго: расписание никак не должно нарушаться. Пилот притормозил свой лайнер и гневно сверху, высунувшись из кабины, машет кулаком, требуя освободить дорогу. Я, как это ни странно, сообразил, что это касается меня. Включил пятую скорость и побежал к своим эти сто пятьдесят метров. Но здесь ребята уже догадались – подхватили машину без колеса и оттащили подальше в поле. Дорогу освободили, но уж тут же рядом оказался вызванный по радио специальный тягач, готовый волоком столкнуть помеху с пути самолёта. Оперативно, ничего не скажешь! У нас тоже вышло нормально, камера уже успела проклеиться. Всё обошлось. «Дуглас» покатил дальше на разгрузку, а нам осталось только собрать колесо и поставить на место. Затем, несолено хлебавши, через весь город вернулись в полк. Успели к обеду и людей накормили. Потом, до завтра, опять угнетающий всех режим ожидания. Владимир, Виталий смеются над нами. Нас не ждали, и мы вновь вынуждены искать свободные кровати, где можно будет сегодня переспать. Только я остался на прежнем месте, рядом с Калепкой. А кому-то из моих товарищей за всё время пришлось трижды менять своё место. Воспользовавшись свободным временем, после обеда и недолгого отдыха пошёл искать Новикова, начальника связи. Надо ведь сделать задуманное: организовать перезапись тех одесских песен, которые слушает сейчас весь Афганистан. Естественно, записать столько, сколько уложится в одну аудиокассету. Спокойно разобрался на сей раз в палатах и нашёл Новикова быстро. Тут же приготовили два японских магнитофона и записали полностью кассету

в режиме стерео. Ещё был материал, который страшно понравился, и хотелось бы взять его, но плёнки у меня другой уже не было. Эта кассета до сих пор у меня в порядке и у моих гостей очень популярна. Это наглядный образец хорошего качества зарубежного изделия, редкого по тому времени в Союзе, – кассеты фирмы «Сони». Ну а наши неудачи с вылетом повлияли на коллектив. Помнится, уже раньше мы переживали и говорили о плохой подаче сварки. И уже тогда началось нытьё товарища Пережогина, резкие разговоры между нами. Опять дажеставил ультиматум о выходных днях. А сейчас как раз подвернулись выходные – пользуйся. Теперь его бурчание, и за компанию Алексея, по поводу нашего вылета в Шинданд. Фёдор и Георгий – ребята попроще и ведут себя без выкрутасов. Они, правда, и не начальники, что объясняет их спокойное отношение к сложившейся обстановке. Но нам-то, как бы то ни было, кровь из носа – надо вылетать. Сижу опять на телефоне то с Князевым, то с Мичалиным. Заверяют, что завтра борт будет обязательно и даже будет кто-то на аэродроме из штаба Армии выталкивать меня из Кабула. Это тоже результат моего активного давления. Вечером команда получена на готовность на завтра и также на ранний выезд.

12

Свой борт

22 июня. Что получится в этот день? Опять, в который уж раз, подъём в 4.45. Но теперь уже не санитарка, а ГАЗ-63 стоит в готовности у ворот, а для людей командир полка дал свой командирский УАЗ. Снова через весь город предстоит поездка на аэродром. Вообще-то, даже полк замучился с этой моей командировкой, но терпит. Наконец-то на стоянке борт есть: АН-12. Борт целевой – в интересах нашей бронетанковой службы и для нас, естественно. Но и к посадке чужого народа стремится много: местные командировочные и даже из Союза. Все просятся на борт. Пока мы загружали и размещали имущество, пассажирский герметизированный салон этой публикой уже был занят. Нам же, хозяевам самолёта, пришлось усаживаться в транспорт-

ное отделение. По своей неопытности, мы этому моменту не придали никакого значения и со многими другими офицерами, солдатами разместились по боковым скамейкам. Если бы Евдокимов хоть предупредил раньше, намекнул, что этот борт наш. Но нет – не сказал. Иначе был бы у нас приоритет в занятии салона. О последствиях такого прокола узнали мы только потом в воздухе и после посадки в Шинданде, когда, измученные из-за полёта на высоте шести тысяч ста метров без кислорода над вершинами Гиндукуша с востока страны на запад, вылезли из самолёта. Наверху, через пятнадцать минут полёта, без кислорода все сначала дружно примолкли, а потом автоматически погрузились в сонливое состояние. Один Пережогин из всех сидящих в салоне посчитал это какой-то усталостью и принял усердно заниматься гимнастикой в тесном проходе. Но и он сразу притомился, так что до самой посадки весь отсек сидел притихшим. Отходить и приходить в себя стали уже только на поле аэродрома после посадки. Здесь плотная мелкая аэродромная травка, а не пыль. Встретили нас также жара, но ёшё и дующий не сильно, но приятно более чем тёплый ветер. Пролетели полтора часа в воздухе и не заметили этого. Встретили здесь нас, наконец, нормально: команда по связи прошла. У трапа уже встречал подполковник из отдела вооружения 5-й МСД, куда мы прибыли. К сожалению, и он хорошо не запомнился, хотя много нам помогал в дальнейших делах. Даже помню, что в одном из разговоров выяснилось, будто он брат одного из знакомых офицеров нашего института. А это, естественно, общая тема и определённый контакт. Но главное для меня в том, что он оказался толковым парнем и хорошо помог в устройстве, а потом и при отлёте. Так как борт был наш, то подполковник разгружал ёшё и бронетанковый груз для себя. Поэтому мы некоторое время ожидали на травке, до полной перегрузки его в машины. Пока ожидали, я высказал свои претензии лётчику за то, что уморил в полёте нас – своих личных пассажиров. Претензии, конечно, беззлобные, между делом. Поэтому посмеялись мы только дружески, но и он сожалел, что не предупредили его раньше, перед отлётом. Тогда бы он распорядился и мы бы в полёте не страдали.

Шинданд – это пекло

Наш хозяин повёз нас в мотострелковый полк, если память не изменяет, в 371-й гвардейский, что стоял раньше в Кушке. Это был один из двух полков, размещённых в этой местности на западе страны. Но работать мы будем только в нём. В городок нас почему-то сразу не допустили. Что-то выясняли и уточняли. Разгрузились около пропускного пункта парка и минут двадцать ждали решения непонятно каких вопросов. Наконец, что-то решили, и мы со своими вещами пешком идём через весь городок к сборно-щитовому модулю. А машина с ящиками прошла в парк к месту размещения роты связи, где будем работать, и там, без нас, ее разгрузили. В этом городке, как я успел разглядеть, расстроились уже пошире и стоят четыре одинаковых одноэтажных отштукатуренных снаружи домика. В одном из них нам выделили пустую и грязную комнату. В ней не было даже самих кроватей. Тут же сами своими руками малым количеством воды помыли пол (вода здесь, оказывается, дефицит). Солдаты поднесли кровати, матрасы, бельё, бачок для воды. До обеда более-менее устроились. Жара стоит серьёзная. Нас приглашают на обед. После 180-го полка здесь оказалось очень вкусно, и сама столовая сделана симпатично – современная стекляшка. Столовая стоит в центре, и ходить надо мимо солдатских казарм – палаток метров этак сто пятьдесят. Штаб же был совсем рядом, в соседнем модуле. Это хорошо, да и парк тоже близко. Плохо другое: только к вечеру разглядели, что почти под носом стоит общественный туалет. Правда, нам жить здесь неечно, но десять дней – это точно. После обеда устроились окончательно, все впятером в одной этой приведённой в порядок комнате. Вечером стали появляться офицеры, живущие в модуле. Не так много их, но кое-какие комнаты заняты постоянными жильцами. Подходят, интересуются – откуда гости и зачем. Даже стали приглашать к себе в комнаты к столу и поговорить. Им это свет в местной жизни, да и было что нам рассказать. За эти несколько дней даже подружились с некоторыми офицерами, но это получилось потом. Показали свой быт, научили бороться с жарой и другими местными трудностями. А главная трудность здесь: полчища мух и та же жара, особенно в дневное время.

Жара стоит такая, что работать до примерно четырёх часов очень и очень трудно, практически невозможно. Попросил в полку, как научили офицеры, хоть какие-нибудь занавески, блестящую плёнку, и закрыли окна. Поближе к вечеру был у командира полка. Вызвали заместителя по вооружению, начальника связи. Всё спланировали и получили полное взаимопонимание. Для нас ведь осталась в памяти плохая подготовка работ у Бричкина. Поэтому мне надо быть здесь более конкретным, требовательным и решительным, и сразу же.

Где же мы оказались? Уже на аэродроме можно было осмотреться. Шинданд – это запад страны. Город, как и Герат, стоит на огромном плато между предгорьями Гиндукуша и Ираном. Через плато с помощью Союза в своё время была проложена прямая бетонка из Кушки в Кандагар. Отличная дорога по тем условиям и единственная обеспечивающая связи и снабжение по югу и западу Афганистана. Горы здесь – отроги Гиндукуша – практически уже не видны. Рядом с дорогой прямо в поле разместились наши военные городки, в том числе и тот, в котором мы будем работать. Казармы и службы размещены тоже в палатках. Колючей проволокой обнесён только парк боевых машин. О сборно-щитовых домиках я уже немногого сказал. Здесь, как и везде, воды нет. Только сплошные мухи и пыль. Воду подвозят каждый день водовозки по всем углам городка. Вот в таком мотострелковом полку мы расположились. В соседнем танковом полку работы не запланированы. В этот день, конечно, мы ещё ничего делать не будем. Как сказал уже – мы обустраивались, а после первого местного обеда, в тридцатичетырёхградусную жару, при мухах, вынуждены были, как и все в полку, кто не при службе, лечь на свои кровати: спрятаться, по сути, и отдохнуть. Но отдохнуть от трудного перелёта так и не смогли. Повалялись, покрутились и только измучились. На улице тоже несладко. С юга дует очень тёплый ветер, ровным потоком, как будто создаваемый постоянно работающим вентилятором. Тепло, как у камина. Ветерок вроде горячий, но, как ни странно, очень освежающий. И этот поток гонится круглые сутки без всякого перерыва из пустыни Регистан на север.

Штаб этой дивизии обосновался где-то севернее нас, в районе даже какого-то оазиса. Там мне придётся бывать позднее. Это прямо по до-

роге на север, но отсюда не просматривается. Далековато, значит, будет. Зато там есть водоём с холодной и свежей водой в арыке. Такой водой прямо, однако, здесь не пользуются. Вода очищается штатной очистительной станцией, и вот эта вода развозится по всем окружающим городкам. Только этим живут городки от столовых до личных питьевых бачков. Такую воду здесь пьют все, и мы приняли это как должное и неизбежное.

Наступил первый рабочий день здесь, 23 июня. Вчера обговорили всю технологию дела, и командование обещало сразу с утра обеспечить фронт работ. Утро сегодня хорошее, свежо, но тёплый ветер продолжает дуть. Умылись из бачка и на завтрак. Столовая в этом полку приятная: не палатка, как в других местах, а лёгкий домик, стекляшка. Вроде поначалу и пища пришлась по вкусу, нормально приготовлена. Перекурив, пошли в парк. В первый раз решили пойти официальным путём, через КТП (контрольно-технический пункт). Законно, но в обход парка, и потому получается долго и нудно. Уходя из комнаты на завтрак, по совету старожилов, все окна закрыли от солнца и дверь от мух, а потом разбрзгали чуть ли не полфлакона «Дихлофоса». Посмотрим, что получится из этого совета. А в парке, хотя ещё и утро, но чувствуется, что солнце сегодня своё возьмёт. Ближе к обеду стало совсем здорово петь. Сразу организовали рабочее место. Самое деятельное участие приняли и ротный, и один его пожилой прaporщик. Он оказался очень заботливым – ну прямо отец родной. Нам удалось даже соорудить навес из брезента над кормовой частью машины. Хоть будет какая-то тень. Старшина молодец, учтя нашу пролетарскую бедность и из гостеприимства, в первый же день достал в магазине военторга местный дефицит: один ящик воды «Боржоми». Притом, спасибо ему, за свои деньги. Это нас спасло в этот первый тяжёлый день. Наша БМП была на месте, тут же подошла и сварка. И, как ни странно, агрегат к тому же оказался исправным. Поэтому настроение у всех хорошее, для всяких там внутренних коллизий поводов ещё не могло быть. Жора опять героически варит, а мы вытаскиваем его за ноги после трёх-четырёх тычков электродом в броню. Дожили до обеда. Но уже приличная жара, и поэтому лениво плетёмся гуськом в общежитие. Сейчас пошли уже коротким путём, через обнаруженную у

туалета дырку в заборе. А он, как я уже говорил, поставлен прямо рядом с нашим модулем. Надо же умыться перед едой, и для этого идём в свою комнату. С большим интересом открываем дверь, потом чуть-чуть приоткрываем уголок одеяла на окне для света. Летающих мух практически не увидели. Но, Бог мой, на полу, простынях – везде лежит великое множество погибших. Всё стряхнули на пол, потом подмели и целый совок вынесли на двор. Значит, «Дихлофос» помог. Будем знать! Умываемся из бачка, воду в который мы залили ещё вчера. Жара! Обедали уже без аппетита, и, вернувшись домой, никакого желания что-то делать уже не было. Намочили простыни, завернулись в них, оставив только снаружи носы, чтобы дышать, и залегли спать. Как получится. Вот так, почти без движения, провели самое жаркое время, отбиваясь от непонятно откуда-то опять взявшимся мух. Так до четырёх часов, и потом это обязательно вошло в наш режим на все последующие дни. В четыре, закрыв опять плотно дверь, пошли в парк: объект то стоит, ждёт. Работаем в таком режиме до шести часов. Можно бы и дольше, ведь темнеет поздно и жара спадает, но не будем выходить из распорядка: успеем и так. Тем более что и ужин ограничивает работу в вечернее время. Это же для солдат, а значит, и для нас тоже. Сегодня же надо обязательно доложить в Москву о перебазировании, устройстве и состоянии дел. Поэтому оставил ребят доделывать, а сам ушёл пораньше, чтобы отыскать здесь узел связи и успеть по московскому времени доложить до ухода Смирнова с Фрунзенской. Дозвонился, как ни странно, легко и около шести часов доложил всё Юрию Ивановичу. Вернулся в наше общежитие – челябинцы уже на месте и усердно гоняют мух. Хорошо бы справиться и после ужина выгнать их всех, чтобы ночью можно было спокойно выспаться и не потерять работоспособность. По ходу возник вопрос жизни: когда будут привозить воду и как её заливать в наш бачок, если нас не будет в комнате в рабочее время? Завтра разберусь, тем более что приметил с торца нашего модуля вход в отдельный отсек, где, как оказалось, проживает всё командование полка. Сюда же воду подвозят в обязательном порядке. Значит, и нам будут заливать в бачок, лишь бы он был выставлен из комнаты. Вечером зашёл к ним в отсек и наладил в неофициальной обстановке отношения с начальником штаба

ба, а у заместителя по тылу решил выклянчить положенное нам дополнительное питание к офицерскому пайку. Ведь, если мы стоим на довольствии, значит, положено и нам. Майор не стал вникать в нетрадиционность для него вопроса и решил посопротивляться. Ну ничего, добьюсь, ради принципа, через дивизию и получим – заверил я его. Рассказал об этой своей инициативе товарищам. Они радостно одобрили, и мы зажили ожиданием тушёнки, печенья и сгущенного молока. Кстати, нам это явно не помешает. В добром таком настроении, пока был свет, сели поиграть в «кинга», ставшего, как уже отмечал, нашим основным командировочным развлечением. Вроде удачно закончили свой первый рабочий день. Выгнали, по возможности, мух, перекурили на тёплом крыльце и спать, спать.

14

Сегодня мухи нам спать дали, хотя несколько самых вредных сумело как-то пробраться в комнату. Федя с утра признался, что у него сегодня, 24-го числа, день рождения. Я его поздравил как бы от Министерства обороны, челябинцы от себя, и мы его, как именинника, нарядили гонять мух перед уходом из комнаты. По возвращении после завтрака в общежитие в комнату из-за мух, естественно, уже не заходили. Весь перекур провели за разговорами, сидя на нашем крыльце. А ветер всё дует и дует, всё такой же тёплый и ровный. Пришёл за нами старшина с солдатами, и мы дружно направились на рабочее место. Но мы уже научены и опять прошли через дыру в заборе, в проволочном ограждении. С утра уже было жарко, но заканчивать сварку по броне надо. К сожалению, здесь переодеться в рабочие комбинезоны нам не удалось. Так и хожу в брюках навыпуск, но уже галстук и фуражку оставляю дома. В этой пыли продолжаем пачкаться, и насчёт постирушек в этом гарнизоне ничего не ясно. Сварочные работы до обеда сумели закончить. Почему-то получилось быстро? Понятно, конечно, организация-то превосходная. Даже, как говорил, с подношением «Боржоми». По жаре, разморённые предельно, пошли домой. В общем коридоре поутру солдаты делали обычную влажную уборку,

и в оставшейся маленькой лужице на бетонном полу собралась пить, купаться огромная чёрная, как будто со всей округи, куча этих самых мух. Страшно такое видеть. Разогнали их, умылись и пошли трапезничать. В честь рождения Фёдора после обеда работу проигнорировали, тем более что до того работали ударно. Остались отдохнуть от гнетущей жары, завёрнутые в мокрые, как всегда, простыни. А вечером спланировали отметить его день рождения. Благо нашу канистру теперь всегда возим с собой. Плохо, конечно, что приличной закуски нет. И я к вечеру пошёл вновь искать заместителя по тылу: выбивать пайки. Он решения, перестраховщик, опять не принимает. Придётся звонить в штаб дивизии, нашему куратору. Переговорил по телефону и с ним. Обещал сейчас же решить вопрос на уровне заместителя командира дивизии по тылу. Подождём!

Вечером опять все поздравления Феде. Жаль, что нет подарков. Посидели, выпили спирта. Денег для посещения магазина нет. Поэтому кое-какую закуску организовали в столовой. Услышав в коридоре наше шевеление, постучался и зашёл из комнаты напротив нашей местный старожил, майор. Поздравил Федю и тоже принёс свою бутылку. Ему просто надо было выговориться. Рассказал о своей жизни и об её неустроенности в связи с командировкой на два года в Афганистан, о семейной жизни и разладах. Парень молодой и красивый, уже в большой должности. И жена, говорит, красавица и кандидат наук. Говорил об этом со слезами на глазах. Военная служба держала поначалу в Марах, а теперь вот на эти годы ещё сюда. Особенно переживает за то, что дочка не получает всего того, что он хотел. Вот такой тон, к сожалению, задал он нашему вечеру. Так и кончили этот день, погоняли мух и отошли ко сну. При всём не спадающей жаре спать, однако, приходится с закрытыми окнами.

Душно и мучительно. И на следующий день всё идёт по порядку. Погода ровная и одинаковая с утра до вечера. Только к полудню становится невыносимо жарко, а к вечеру, естественно, отпускает. Днём

просто печёт, и этот поток воздуха при такой жаре уже почти не помогает. Заканчиваем обрабатывать первую машину и к обеду даже покрасили всё металлическое, что положено по технологии. Пускай сохнет, а с утра будем делать сборку и монтаж, электрическое подключение. Сегодня, из интереса, проделал технический эксперимент наподобие того, что делал в Кабуле. Умного ничего в этом нет, но для моего рассказа, как факт, это просто очень и очень любопытно. Даже как бы для истории. У нас есть технический градусник в инструментарии. Вот и взял под контроль температуру окружающего воздуха. Посмотрим, каков результат в этот обычный жаркий день. Под брезентом на рабочем месте, в тени, естественно, целый день держалось тридцать девять градусов, на солнце с наружной стороны брезента было уже сорок восемь. А вот когда вставил термометр в какую-то технологическую дырку в броне объекта, он показал аж пятьдесят три. За такой металл и приходится хвататься голыми руками при работе. После обеда в самую жару опять отдыхали. Ребята ушли в парк, а я договорился с начальником штаба о том, что он заберёт меня с собой в дивизию, благо он как раз планировал поездку. Мне же там необходимо было найти племянника моего начмеда – лейтенанта и передать ему посыпочку, которую возжу с собой из самой Кубинки. В первый день прилёта я уже искал его по телефону через оперативного дежурного. Лейтенанта на месте не было, и я попросил передать ему о моём приезде. Но до сих пор от него ни звонка, ни собственного визита. Повезу колбасу сам. В шестнадцать часов у модуля встретились, подошёл УАЗик, и быстренько по этой главной дороге западного Афганистана домчались до расположения штаба дивизии. Штаб и жилые домики стоят в одной группе под общей охраной. Рядом за забором арык с небольшим, метров в сорок по диагонали, водоёмом. Внутри уже есть зелень, ухоженные дорожки, и хорошо смотрятся аккуратные, ровно поставленные модули. Узнал у дежурного, где живёт мой лейтенант. Его опять не было. Единственный в комнате товарищ говорит, что он в командировке. Пришлось положить пакет под подушку и просить об обязательной передаче хозяину. Мне же надо, в конце концов, от упаковки освобождаться. Но надо отдать должное ему. Позднее он нашёл время и приезжал в полк специально ко мне, чтобы представить-

ся и поблагодарить за труды. Мы поболтали немного для приличия, И я свою совесть окончательно успокоил. Я же обошёл штаб, полюбопытствовал вывешенными документами. Затем на улице: расположение служб, магазинов. Посетил официально начальника тыла, и он тут же дал в полк команду обеспечить нас положенными продуктами. Требования мои оказались правильными, а начпрод – хитрецом и непорядочным. Выходит, спасибо мне. Под вечер, к ужину, вернулись в расположение. Своих работников нашёл сидящими на крыльце и перекуривающими. Тут же, как по движению моей волшебной палочки, идёт боец и несёт коробку с продуктами. А там сгущенное молоко, тушёнка, рыбные консервы, печенье, сахар – у нас теперь целое богатство. Вот так быстро и отлично отреагировали в дивизии. У ребят в глазах неподдельное удивление. Можно гулять и праздновать день рождения Феди и всё что будет ещё впереди. Так говорю потому, что продуктов оказалось даже много. Это слегка после ужина мы и проделали в нашей уже уютной комнате.

В этом городке, оказывается, вечером можно даже посмотреть кино. Оборудован приличный открытый клуб с большим количеством скамеек. Скамейки капитально вкопаны и сделана небольшая сцена. Удобный получился клуб. Что в этот день смотрели – не помню, но доождались темноты и сеанс проходил под чёрным южным небом в комфортном тепле. По дороге в кино встретились с возвращающейся с «работы» группой «спецназа». Оказывается, они живут в соседнем подъезде. А так как они очень рано уходят на задание и поздно приходят, то мы их раньше и не видели. А сейчас вот и посмотрели на этих мужественных ребят. Оружие, чувствуется, находится под одеждой. Вид у них был очень уставший, и они молчаливо подходили к домику. Видимо, пешком оттопали довольно много километров, решая свои оперативные задачи. Хватит о них, у нас куча своих проблем. Завтра предстоит сборка первого объекта. А вот сегодня у нас своя проза жизни: после кино опять борьба с мухами и духота, духота при закрытых окнах. Да и соседи офицеры зашли после просмотра и пригласили меня в гости, посидеть и поговорить. Пришлось зайти в их комнату. Посмотрел их обстановку, но быстро ушёл к себе, так как было уже поздно и ребята давно уже спали.

16

Отоварились

26 июня. Получился немножко льготный, разгрузочный день. Спокойно до полудня собрали машину: установили аппаратуру и подключили все кабели. Включив бортсеть (электропитание), я сделал полную проверку работоспособности. Параллельно рассказывал и учил местных связистов работе на объекте. Вторая машина будет только завтра и, естественно, после обеда у нас опять появится свободное время. Но жара, жара! Ребята просят меня, несмотря на это, организовать поездку в магазин, который мы усмотрели на аэродроме. Я пошёл теребить с этой просьбой начальника штаба. Челябинцы захотели вообще посмотреть округу, а может быть, и купить что-либо.

Командир выделил для нас бортовой открытый ЗИЛ-164 и прапорщика. В самый солнцепёк после обеда договорились встретиться у ворот парка, что мы организованно и проделали. Но из-за неисправности машины сразу выехать не удалось. Просидели некоторое время в этом пекле на улице в ожидании ремонта. Наконец выехали и через восемь- десять километров, за штабом дивизии, который проехали мимо, оказались в афганском военном городке при аэродроме. Здесь же увидели несколько нормальных кирпичных зданий: в одном из них размещена у афганских лётчиков казарма. Тут же устроен и маленький магазинчик. Ребята в магазин, а я один из всех проявил любопытство и зашёл посмотреть казарму. Как ни странно, интерьер казармы вполне современный и даже, как у нас, оборудован наглядной политической агитацией. Но магазин в этот день, к нашему несчастью, был закрыт, и это сразу всех ввело в уныние. Ведь нам нужен магазин, а не экскурсия. Свободное время получилось, как мы понимаем, возможно, в первый и последний раз. Но отступать никак нельзя. Прапорщик предлагает отъехать дальше, ещё на пятнадцать километров, в какуюто действующую мечеть. Там, говорит, тоже есть магазинчик. Решили рискнуть: едем, хотя уже подпирает фактор времени. И вот поехали чёрт знает куда. Даже по времени, потом показалось, что далеко- вато. Солнце уже ложится к горизонту, жара стихает. В кузове хорошо: обдувает ветерком. Степь слева, справа, но справа вдалеке хоро-

шо видны отроги Гиндукуша. Дорога пустая, вокруг в степи ни одного строения, какого-либо сарая, и наша машина одна-единственная. У меня это настроения не поднимало. Впору уже возвращаться, а мы всё ещё едем вперёд. И вдруг впереди, наконец, появился на фоне неба голубой минарет мечети, нашей сегодняшней мечты. В прозрачном воздухе этот нежный бело-голубой цвет минарета так красиво смотрелся, особенно при нашем постепенном приближении. Это впечатляющее зрелище длилось долго, так как мечеть возникла ещё издалека. Вот в степи так и стоит комплекс построек мечети с возвышающимся надо всем этим высоким минаретом. И ещё раз хочу отметить эту красоту – всё бело-нежно-голубого цвета. Приехали, наконец, и нам повезло. Внутри мечети всего одна небольшая, вся в камне площадь. В маленьком-маленьком помещении устроен магазин предметов первой необходимости. И он работал.

Совершенно пусто и на площади, и в магазине. За прилавком всего один продавец – хозяин. Где народ? Кого он обслуживает? Вокруг не видно ну никаких жилых построек. Интересно просто. Федя сразу пытался что-то присмотреть себе, кажется, дефицитные сейчас у нас джинсы. Я лично ничего заранее покупать себе не планировал. И сейчас не помню, купил ли кто-нибудь из ребят что-либо себе. Лишь помню только, что Пережогин прицеливался к мятыму кожаному пиджаку, крику тогдашней моды. Но даже в такой глупши оказалось не по нашему карману. Реально было только то, что прокатились. А теперь вот и ехать надо скорее обратно в часть – у меня уже появилось чувство беспокойства, так как до дома далековато, а солнце всё ниже и ниже. По дороге домой прямо у той же казармы наша машина опять сломалась. Крутили, вертели – все давали хорошие, как всегда в таких случаях бывает, советы, но запустить машину так и не смогли. Уже почти вечер, у меня, естественно, беспокойство прежде всего за своих людей и за их безопасность, в конце концов. Пешком ещё не дойдёшь, далеко, и оставаться на ночь никак нельзя. Что делать? Но повезло нам. Неожиданно подъезжает бортовой ЗИЛ-130, вповалку заполненный на борту солдатами. В кабине лейтенант-строитель. Прошу нас забрать и подвезти. Оказалось, что нам по пути. А прaporщика, с его согласия, бросаю с машиной: он опыт-

ный, разберётся с неисправностью и доедет самостоятельно. Сажаю свой профсоюз среди солдат, сам тоже там примостился у борта, и поехали, как сказал лейтенант, сначала в штаб дивизии, а уж потом будем проезжать мимо нашего перекрёстка в гарнизон и он нас высадит. Отлично! Так всё у нас и получилось. Сначала побывали в дивизии, где лейтенант быстро согласовал свои служебные и производственные дела. И уже под самые сумерки выехали в сторону полка. Я попытался уговорить его подвезти нас прямо к городку. Но не получилось, и высадил нас на перекрёстке. Он ведь сам торопился попасть домой до темноты куда-то дальше на юг по этой бетонке. Мы же теперь неорганизованным строем по пыльной дороге метров триста идём до нашего общежития. Но настроение ничего, весёлое: всё-таки сделали сегодня какое-то разнообразие в своей жизни. Хотя я напереживался и все здорово устали, но прогулка получилась. А под такое настроение и дома у нас всё было: паёк был, содержимое в канистре тоже ещё не перевелось. Впечатлений хватило на долгий разговор до самой ночи. Уставшие, после ужина мы мечтали только об отдыхе и, прийдя в комнату, сразу же заслегли на кровати и разговоры вели уже лёжа.

17

Немного о быте

Можно, а кстати, и нужно, почитать что-нибудь, пока горит свет. Хочу немножко рассказать о нашей информированности и способах получения информации здесь, в Афганистане. Моя «Селга» принимает только одну станцию – Москву – и слабенько. А сегодня вообще сели батарейки, несмотря на то, что питание ещё дома усилил, привязав снаружи две батарейки КБЛ. Это была наша информация. По линии части тоже неплохо: газеты поступают в гарнизон очень и очень чётко, регулярно, день в день, как в Москве. «Красная звезда», «Правда», окружная газета уже всегда к обеду были в руках. Однако общей же радиотрансляции в палатках не было. А ведь нужно и можно это было бы сделать. Остальное в укладе жизни всё было од-

нообразно, шло, как по заведённому кругу. Комната, столовая, парк и вновь то же самое.

Следующие дни прошли в активной работе на второй машине. За три дня её успешно переделали. Вот и дошёл в своих воспоминаниях до такого состояния, что события и дела нескольких дней стали умещаться в примерно пять-семь строчек в тетрадочке. В принципе, мне это не особо нравится. Но и поделать ничего не могу, потому что, действительно, больше ничего выдающегося пока не происходит. С испытанием объекта здесь ничего не вышло, так как дозвониться до Кабула ни разу не удалось. В связи с этим заинструктировал начальника связи на будущую комплексную проверку. Чтобы он был сам готов и все операции делал правильно. «Сервис» в обеспечении работы закончился. Воды больше не было в магазине, да и кто ещё захочет платить свои кровные деньги. Но при такой жаре пить неизбежно всегда тянет и даже просто необходимо. На рабочем месте обязательно надо что-то иметь. Подсказали мне, что в 24-м танковом полку командир в целях борьбы с дизентерией принял простое и деловое решение. У столовой поставил для личного состава баки с чаем. В обязательном порядке подходи, наливай во фляжку и отправляйся на своё рабочее место или на задание. Это узаконено приказом командира полка, и все обязаны это исполнять. Я тоже в эти дни с чайником стал направлять кого-нибудь за чаем. До обеда мы всегда были с водой. Но и работу пора заканчивать, а мне ещё опять организовывать отлёт. Имущества у нас мало. Всё раздели по частям, всё запланированное сделали. Остался ящик с инструментарием и свои личные вещи. Практически налегке мы готовы были возвращаться в Кабул, а там и для челябинцев сразу вставал вопрос об отправке в Союз. Но мы пока ещё здесь, в жаре, в мухах и, что казалось невероятным, – даже без бани. Действительно, если я раньше говорил с удовольствием о бане в других гарнизонах, то здесь сказать абсолютно нечего. Полк как полк, а бани нет. Объясняют тем, что сделаны по батальонам, ротам душевые колонки для офицеров. Всё за счёт воды, нагретой солнцем в баках. Вот пришлось искать такой душ, и по наводкам нашёл в первом батальоне. Комбат хорошо и дружелюбно принял мою команду и дал помыться. Отмывались впервые за столько жарких дней. А потом он организовал нам послебанный чай. Посидели за чаем, пого-

ворили, а тут подоспел и ужин. Питание в полку также не совсем: среднее по вкусу. Вообще на наш приезд, слава Богу, пришлась размеренная, без всяких событий, приездов и выездов жизнь. Только слышали разные байки, рассказы о прошедших делах и, как это ни плохо, даже о некоторых чрезвычайных происшествиях. Передавать это на страницах не буду – такое происходило не с нами непосредственно, не при нас, а в моём пересказе, естественно, могут быть неточности. Поэтому лучше не надо, незачем передавать неприятное, тоскливо. А вот в полку уже есть свой Герой Советского Союза и много награждённых военнослужащих боевыми орденами и медалями. О Герое сделан большой стенд на территории. А для отражения славных дел полка политработниками организована отдельная палатка – Ленинская комната. Молодцы! В палатке размещены наглядные агитационные материалах о делах полка на хорошо выполненных стенах. При нас как раз поступило в полк молодое пополнение. Смотрю на строй – одни узбеки, туркмены. Поставлены в строй и привыкают жить в коллективе. На это важное дело работает и такая Ленинская комната.

18

Возвращение в Кабул

Сегодня удалось дозвониться до Кабула и поставить Князева в известность о том, что планирую скоро вылетать. Получаю добро, а это значит: надо начинать терзать местное дивизионное руководство, которое регулирует полётное движение по аэродрому Шинданд. Планирую вылет на 29 июня, и мы сами уже практически готовы к этому. Профсоюз отдыхает, а я пишу технические акты на сделанные работы и общаюсь с различным начальством. Работы уже нет, и от безделия челябинцы начинают снова высказывать своё мнение по давно решённым вопросам. Недовольны тем, что в Кабуле у них совсем времени для устройства личных дел после получения оставшихся в финчасти чеков. В этом они правы, но забывают тут же, что главное дело, из-за которого мы тут страдаем, сделано чётко и своевременно. Это ведь главное, и я в этом стараюсь их убедить. Тем более что такой по-

рядок установил генерал Журавель. В то время такие частные неудобства так ясно не вырисовывались, правда, и мы могли бы об этом подумать. А на деле с утра следующего дня, спасибо дали позавтракать, уже потребовался срочный выезд на аэродром. Из штаба дивизии для нас об этом поступило распоряжение. Сказано: будет пролётом борт из Москвы, целый ТУ-134. Действительно, пока ехали вокруг, объезжая посадочную полосу, на неё очень красиво садился серебристый лайнер. Сразу про себя подумалось: всё совпадает, всё так, как говорили в дивизии. Значит, будет полный порядок и мы улетим без всяких сомнений, как я тут же подумал. Приехали на аэродром. На взлётной полосе самолёта уже не было. Машину отогнали на самый конец полосы, и мне пришлось своим ходом долго добираться до красавца. Ведь известно, что аэродромные масштабы всегда большие. Экипаж оказался ещё на месте. Отходил от долгого полёта, сидя в полной отрешённости в салоне. Ребята приходили в себя. У меня те же вопросы: когда в Кабул и возьмут ли мою команду? Командир же сразу ошаршил, сказав, что борт этот личный маршала авиации П. С. Кутахова. Когда полетят дальше – одному Богу известно, а именно Павлу Степановичу. Да и брать на борт посторонних не имеют права. Я их понимаю и поэтому возвращаюсь, естественно пешком, в диспетчерскую, где выясняется, что другого ничего сегодня не будет. Надо ехать домой. Вновь размещаться нам в уже родной комнате и ждать очередной команды. А ведь так можно просидеть долгое время в ожидании случайного самолёта. Это, конечно, не дело для нас, у которых не служба, а конкретная работа и сроки. Одно утешает – что всё сделано и за нами в Кабуле долгов нет. У нас же опять и, естественно, поневоле отдых. Полнейшая бездеятельность до следующего утра. Утром, говорят, опять будет борт. Всё это предположения, и никакой уверенности и точности. Принимаю самостоятельно решение и, упреждая возможные вводные, всем колхозом снимаюсь и еду на аэродром. Действительно, стоит живой, «под парами» АН-12-й. Откуда такой? Пощёл немедленно разбираться. В диспетчерской полно народа. Выясняется, что самолёт опять не наш – работает в интересах армии Афганистана. Везут в Кабульский госпиталь тяжело раненных бойцов, человек пятнадцать, и что-то под самую завязку мобилизованных в армию. Веро-

ятность нашего отлёта, да ещё с ящиком, почти нулевая. Ответ один – загрузим афганцев, а там, если места останутся, то милостиво подсадят кого-нибудь из советских офицеров. В это время подъехали три полных автобуса с афганцами. В первую очередь по крутому штатному трапу через переднюю дверь стали загружать раненых. Многие из них сами двигаться не могли. На руках в муках вносили их через узкую дверь в салон. Особенно плохо было одному страшно обожжённому. И мы всё это с волнением наблюдали. Затем из толпы по какому-то списку стали пропускать афганских гражданских лиц: делегацию партийных и комсомольских работников. И уж только потом по задней аппарели из автобусов потянулись на посадку будущие воины. Нам в самолёт явно не удастся загрузиться. Лишь пять-шесть наших офицеров при личной энергичной настойчивости штурмом по переднему трапу пробрались в самолёт. А когда трап убрали, сбросив с него в последний момент пару офицеров, и винты закрутились, один смелый лейтенант уцепился за кромку люка и повис на ней. Это был последний счастливчик – его из салона за руки втянули внутрь и назад, конечно, выбрасывать его не стали. Такой героизм должен поощряться, и он улетел. Всё! Борт перегружен, но нормально пошёл на взлёт. А нам опять домой, ждать следующего дня. Вот эпопея! Опять бездействие по распорядку дня. Даже карты в руках не держатся. Вечером, однако, приглашают меня через посыльного к начальнику штаба полка. Приходится одеваться по форме и идти. Опять есть сообщение. Нам распоряжением из дивизии предлагалось завтра к шести утра вновь быть на аэродроме. Это уже в третий-то раз. Будет специальный борт, и мою команду приказано взять. Указание твёрдое, надежда реальная. Можно спокойно ложиться спать. Дневального, конечно, предупредил, чтобы в пять часов нас поднял.

Утро. Встали точно. Наступило уже 30 июня. Консервами, которых у нас много, и чаем быстро перекусили. Подошла машина, и по свежему воздуху в это солнечное, ясное утро приехали на аэродром. Но не на взлётную полосу, как раньше, а на специальную сборную площадку. Оказывается, что есть и такое место. Уже собралось большое количество старших офицеров. Мне не совсем понятно: что-то очень подозрительный состав сбора. Узнаю втихаря у людей, что всё командо-

вание и начальники служб управления 5-й МСД во главе с самим комдивом летят в Кабул на армейское совещание, а может быть, на партийный актив. Появился тут же УАЗ с командиром дивизии. Поздоровался со всеми общим приветствием. Молодой полковник, фамилию которого так и не узнал или сейчас не помню. Пошутил с офицерами на предмет возможно забытых галстуков: здесь разболтались, а сейчас летим-то, говорит, в парадные коридоры дворца, к большому начальству. Все, кто был тут, загрузились в самолёт и сели по боковым лавкам в фюзеляже. Борт оказался транспортным, без герметизации. Нас это немного сразу заволновало: помним предыдущий перелёт. Но Бог с ним, мы-то уже привычны, налетались. Полетели, но не на Кабул, а, как оказалось, на юг, в Кандагар. Летели в самое пекло, в самое жаркое место Афганистана, на границу знаменитой пустыни смерти – Регистан. Оказывается, этим рейсом надо было забрать и отсюда командование местной бригады на то же совещание. В итоге в одном салоне самолёта в небе воюющей страны вместе оказались два оперативных руководства наших войск: Западного и Южного. И я с ребятами между ними. Умно, конечно, получилось, но экономия, видимо, важнее, чем безопасность. Пока ожидали местного командира, самолёт стоял прямо перед знаменитым своей архитектурой зданием аэропорта. Двери самолёта открыли, но мало кто решился выйти в пекло. Я, правда, по своей любознательности вышел на пять минут оглядеться вокруг, чтоб потом мог сказать, что и тут я бывал, стоял на далёкой земле. Было ощущение сильной сухой жары, очень обжигающей. Даже в салоне было свежее, хотя и постоял самолёт некоторое время на земле. Тут же нас предупредили о скором вылете. Действительно, подъехали офицеры и тоже разместились на борту. Собрались все, судя по разговорам и репликам. Вот-вот будет команда на взлёт. Даже задраили дверь. Так как из Шинданда вылетали очень рано и многие не кушали, то тыловики дивизии по долгу своих обязанностей организовали на борту лёгкий завтрак из взятых со склада продуктов. Мы поблагодарили начальника тыла за приглашение и воздержались. До поры до времени все сидели спокойно. Но становилось совсем жарко уже в самом салоне. Даже те, кто раньше здорово шумел и балагурил, приу-

тихи. Ко всему прочему запустили двигатели, и вот мы уже полагали, что полетели. И наверху всё с нашим микроклиматом образуется. Но время потихоньку идёт, винты крутят, но борт на том же месте Непонятно! Стало настолько жарко, что некоторые офицеры стали молчком раздеваться. Но моторы молотят уже тридцать минут, а мы всё стоим. Люди, уже почти не контролируя себя, приуныли совсем. А мы-то раньше надеялись, что быстро взлетим и на высоте в полёте всё выдует и будет прохладно. Наконец через полчаса самолёт задвигался и наш АН-12-й пошёл на стартовый конец полосы. Форсаж двигателей и плавный взлёт прямо на север в сторону гор. Но что-то случилось с самолётом. Вдруг кругой наклон влево, небольшая дуга и с ходу прямо по курсу делаем посадку навстречу нашему взлёту и своим ходом катим к концу, или, вернее, началу, взлётной полосы. У всех недоумение, даже у командиров. В чём дело? Видим в иллюминаторе, как параллельно с нами мчится по бетонке УАЗ. И, пока мы в конце полосы разворачиваемся на месте, подъезжает чуть ли не под хвост, к аппарели. Пилот открыл закрылки сзади, но саму аппарель опускать не стал. А это будет довольно высоко. Снизу к нам полетели сначала чемоданы и фуражки, а потом появились чьи-то руки, уцепившиеся за жёсткий край фюзеляжа. Кто-то догадался подхватить эти руки, и в салон подтянули подполковника и прaporщика. Тут же в самолёте всё закрылось, и опять делаем взлёт по той же прямой в обратном направлении. Теперь-то уж точно полетим на Кабул. Вот и думаешь тут после такого, что для голубых фуражек все перевозки воздухом, как на такси в Москве, и лётчики, как таксисты, сами себе хозяева в небе и делают что хотят. Даже пренебрегая армейской субординацией. Мы, оказывается, их и ждали полчаса и только из-за них вернулись на аэродром и сожгли столько керосина. Даже высокое командование в самолёте не помешало этой задержке. Я думаю, что с ними и не посоветовались. Но, как бы то ни было, летим. Высота опять большая и снова все притихли без кислорода. Стало свежо, и даже очень. После жары Кандагара на борту уже отлично. И так до Кабула полтора часа лёта над горами. Красивое зрелище предстало перед нами, этот величавый Гиндукуш. В Кабуле, однако, тоже жарко. Сам город, глядя с аэродро-

ма, весь в какой-то дымке. Почему-то с этого момента память напрочь отказалась во всех мелочах, что происходило с нами после прилёта. Странно, и почему так? Кто забирал нас с аэродрома, куда повезли: то ли в рембат, то ли в «Тёплый Стан»? Скорее всего, разгрузили своё имущество в рембате, потому что там надо было разбираться с остатками, которые лежали в землянке на складе. И самое убедительное подтверждающее это было то, что командира – Гребнева Виктора Алексеевича – уже не было в части. Пока мы были в Шинданде, он по замене вернулся к себе в Ташкент и пошёл с повышением – прямо в Управление вооружения округа. Новый командир ещё не прибыл на место. Командовал замполит. Хотя на сей раз также разместились по палаткам, но уже сразу основательно, то есть более комфортабельно. По традиции, в батальоне квас продолжают делать, и я попросил сразу принести графинчик. С удовольствием утоляю жажду вкусным квасом после такого жаркого перелёта.

19

Последние дни бригады

Командировка для моих челябинцев на этом заканчивается. На днях, минимум послезавтра, надо обеспечивать им вылет. Я же останусь здесь в гордом одиночестве для организации и проведения испытаний всего того, что мы наделали. Для всех нас сейчас стоит на первом плане задача уехать в штаб Армии и получить оставшиеся денежки. Затем отоварить их в городских дуканах, кому захочется. А потом для челябинцев ожидать команду на вылет. После этого я, в конце концов, точно останусь один, сам себе командиром. Этот день до конца провели в батальоне за сортировкой и переборкой имущества. Что-то из инструментария, самого ценного и отчётного, обязательно надо взять назад. Все же расходные материалы оставить местным ремонтникам для пользы дела. Но уж свою канистру Пережогин намертво держал в руках. А потом сделали отдых за весь такой ранний и бурный день.

Уже 1 июля. Вот время летит! Дали машину, и уехали в штаб к финансистам. Денег же опять сразу получить не удалось. Даже пришлось

в глубоком тылу гарнизона, где-то в предгорьях, поискать финансовоую службу. Туда шагать надо было метров четыреста по этой мучной пыли за какой-то разрешающей подписью. Но вот, наконец, челябинцы получили свои кровные, честно заработанные чеки, а я ничего, так как ещё остаюсь со своей работой, и мой расчёт будет в конце моего пребывания. Использовал время для дела: был в батальоне связи местного полка, который будет выделять технику для испытаний, затем в Управлении связи. Заместитель начальника связи армии, подполковник, разрешил мне разместиться в модуле в комнате своих связистов. Сейчас я уже к танкистам не пошёл: другие совсем теперь у меня дела и другие начальники. Матвеев лично сразу отвёл меня для определения места и знакомства. В комнате стоят вплотную порядка двенадцати армейских кроватей и тумбочек, два шкафа и два стола на всех. По-военному скучно, но минимум боевой есть. Это всё для двенадцати старших офицеров – связистов штаба 40-й Армии, части высшего руководства Ограничного контингента Советской Армии. Одно окно на всю комнату, одна лампочка по центру и все удобства общие в конце коридора. Вот отправлю челябинцев и сразу переберусь сюда. Рембат мне уже не нужен, а испытания по связи будут проводить отсюда, из парка батальона связи. Сегодня интересов у ребят здесь уже нет, я тоже вроде всё согласовал, и этой же санитарной машиной тронулись в рембат. Деньги у ребят появились, и, естественно, по дороге стали заглядывать в палатки и дуканы. Из всех нас только один Федя решился сделать покупку. В каком-то задрипанном и грязном ларьке выбрал и купил модный в те времена чёрный дипломат с алюминиевой окантовкой. Остальные на покупку не решились, приберегая деньги для специального выезда. Пережогин подталкивает уже меня скорее обратиться к командиру и попросить машину, так как ему самому командир, перестраховываясь, отказал. Пошёл лично просить, ведь ребятам всё же надо съездить за покупками. Командир дал добро на следующий день после обеда. До обеда опять продолжали разбираться с имуществом. Много чего оставили в наследство в рембате, например: очень ценные всегда броневые электроды и асbestosовые кошмы. Мне в качестве презента была выделена ножовка по металлу. Как я уже успел отметить, за канистру Пережогин креп-

ко держался и, несмотря на мои попытки уговорить, категорически отказался мне подарить, оценивая её как изделие авторского исполнения. Можно с ним согласиться.

Дождались обеда и после него получили машину для поездки. Мне эта поездка не нужна, но любопытство есть любопытство, и я, конечно, тоже был в машине. В этот раз всё на той же санитарке где мы только не были в городе. Застревали в узких торговых улочках, но побывали и в нашем Советском микрорайоне, в наших магазинах. Один раз где-то на окраине стало даже страшновато, «мягко говоря». Окраинная улица с широкими пустыми придорожными территориями. Чуть подальше глинобитные домики за дувалами беднейших жителей. А у дороги торговые палатки- стекляшки, ну как наши газетные киоски. И также с пёстрыми журналами, жвачками и всякой мелочёвкой для жителей и афганских пацанов. Водитель с кем-то из моих ребят тоже подошёл посмотреть к одной палатке. Тут же появилась, ну прямо налетела откуда-то, приличная группа мальчишек и с весёлыми обращениями, попытками поговорить и просить «бакшиш» плотно окружила их. Окружила так, что ребят даже не стало видно в толпе. Закралась мысль: как бы чего не случилось плохого. В такой тесноте могут и специально ножик сунуть в спину. Из-за таких мыслей сам не выдержал, вылез из машины и ринулся в эту кучу-малу, вытягивая ребят оттуда, буквально приказывая немедленно сесть в машину и всем подобру-поздорову убираться с этой далёкой улицы. В итоге по возможности всё купили, деньги растратили, и к тому же уже стало темнеть. После этой палатки сразу поехали домой и уже при всех включённых фарах и прожекторе въехали в расположение. У собственного шлагбаума у ворот, как всегда, тоже крутится куча мальчишек, но уже свои и стая поменьше. Через них надо тоже проридаться. Желание своё челябинцы выполнили, и я исполнил свой долг начальника – помог им это сделать. Пока упаковывались, стали делиться впечатлениями от такой экзотической поездки, хвалиться товарами и более внимательно рассматривать их. По принципу – что же понакупали второпях?

Вечером по радио требует Евдокимов. Иду к радиостанции на связь. Он объявляет на завтра готовность номер один челябинской бригаде

для отлёта. Отправка поручена ему. Возвращаясь, радую этим сообщением и прошу собраться и быть завтра в полной готовности.

Ночью в палатке, в которой я пристроился, произошла неожиданная встреча и интересный разговор. Один чужой офицер вдруг вошёл в палатку и спросил о знакомом друге. Ему ответили, что тот в командировке, адлятого, чтобы ему отдохнуть, предложили свободную кровать. Этобыл старший лейтенант из проходящей с юга через Кабул автомобильной колонны. Колонна остановилась где-то неподалёку прямо на трассе на ночлег, а он подъехал на вестить друга из однотипного переспать. Колонна у них состоит из бензовозов-наливников. Этот батальон, эти ребята мотаются по всему восточному Афганистану, вечно в дороге, в опасности и под обстрелом. Вообще, как сказали, это самые знаменитые ребята в Афганистане. Долго ещё в потёмках (я его так и не увидел) рассказывал о боевых историях их батальона сопровождения. Такие вот колонны успевают по два раза в месяц с постоянными трудностями, часто с боями и прочими мелкими приключениями обернуться по стране, пересекая каждый раз высокогорный перевал Саланг. Рассказывал много, и всё это на слух было очень интересно. Вот и печальное вынес из его рассказов: он остался пока единственным в живых и даже без ранения из первого офицерского состава этой роты. Утром рано ушёл к своей колонне, и, как, я уже сказал, так и не увидел. Хотелось всё-таки пожать ему руку. Ночные дорожные встречи – ну прямо как из рассказов классиков. Мои челябинцы жили все вместе в другой палатке и ничего этого не слышали, естественно. У них были темы свои, свои разговоры. Подобное случалось у нас практически во всех гарнизонах, где мы бывали и ночевали за всю командировку.

30 июня. День их отлёта. Подполковник Евдокимов дал нам нормальное время готовности: после завтрака. Собирались вполне спокойно. Погода стоит отличная. И сегодня, по всему, будет очень жарко. Как сказал, без суеты, хорошо позавтракав, взяли вещи и к машине. Попрощались с отзывчивыми офицерами рембата, которые захотели подойти попрощаться, и поехали в последний раз через город на аэродром. У коменданта, как всегда, столпотворение на Союз: и солдат много, и офицеров. Некоторые уже сидят под навесом не первые сутки. Стоит Ил-76, с помощью Евдокимова челябинцы по-

лучили места и быстро загрузились, вне очереди, в салон. Тепло по-прощались, сказав друг другу, чтоб не поминали того, что было плохого за это время в работе между нами. С Богом! Удачного им полёта! Полетели, чтобы через полтора часа в Ташкенте самим начинать устраивать свою жизнь до отъезда в Челябинск, уже без меня. Дали им, конечно, все телефоны ташкентского начальства. Проводил их взглядом до тех пор, пока самолёт не скрылся за горами.

20

Мой новый коллектив

С Евдокимовым поехали домой, теперь уже прямо в «Тёплый Стан» Место у меня уже было забито, и я сразу с чемоданом направился в модуль, в свою комнату, на свою койку. К вечеру стали собираться офицеры. Несколько кроватей пустовало. Ребята, а здесь их представили геройскими, были сейчас где-то в деле. Остальные мне уже знакомы. Все тут уже обжились, у каждого сложилось своё небольшое индивидуальное хозяйство. У Матвеева, например, под кроватью стоит фанерный ящик со «Столичными» сигаретами. Учтя мою бедность, допустил меня к этому «складу» и разрешил им пользоваться при необходимости. Естественно, я скромно не отказался от предложения и делал регулярно это в дальнейшем без зазрения совести. Спасибо ему, конечно, и меня такая помощь здорово выручила. Ведь сигареты здесь дают на паёк, и живые чеки, соответственно, не тратились. Тем более что он сам даже не курил. Мне повезло на халяву.

Теперь все оставшиеся дни только для дела и в моём собственном распоряжении. Дел будет, конечно, много. Последовательное ежедневное описание – это уйма материала, но и довольно однобразно во всём. Чёрная работа, а не перелёты. Подъём, умывание в модуле, завтраки, обеды, ужины в общей офицерской столовой. Но это будет явным нарушением последовательности изложения событий и, естественно, пропуском чего-нибудь интересного. Общее, что осталось неизгладимо в памяти, – это ежедневная жара за сорок градусов и без капли дождя. Облегчает существование толь-

ко одно то, что Кабул стоит высоко в горах. Это даёт людям некоторую свежесть. Вот при такой жаре проводил я комплексные испытания своих машин, разбросанных по всему Афганистану, на связь. Во всех гарнизонах, где я был, в единое время выставили свои машины и развернули антенны. Сначала пришлось первые целые сутки (и днём и ночью) лично проводить сеансы связи для аналитики со стационарной радиостанции, выделенной только для меня для испытаний в батальоне. Она работала в постоянной межгарнizonной радиосети связи и стояла довольно высоко на ближайшей горке. Вот я и лазал по ней то на сеанс, то на приём пищи и кое-когда – на короткий отдых в модуль. Получил в результате таблицу качества связи со стационарными антеннами. То есть то, что уже сделано промышленностью, стоит на вооружении армии и даёт как бы нормальную рабочую картинку. Вроде – идеал для сравнения. А потом, на следующие сутки, повторил всё со штатной гусеничной машины уже с территории парка на её бортовые антенны. Этот весь мой замысел проведения эксперимента пришлось выполнять мне одному и днём и ночью. И в это время в гарнизонах экипажи, радисты были также, естественно, в постоянной готовности и напряжении. Организация дела была на высоком уровне. Сеансами, как сказал, практически занимался только я, а мой майор был занят своими делами и подходил иногда посмотреть днём. Но всё проходило довольно организованно и обращаться к генералу Иванову за помощью необходимости не было, да и было бы некорректно. Так обстояло дело, правда, несколько позже.

21

А вот на следующий день после моего переезда надо было привыкать сначала к местному туалетному ритуалу, приёму пищи в большом ангаре на весь штаб и так далее, то есть к быту. После завтрака сразу пошёл в караулку оформлять временный пропуск. Каждый день по разовому пропуску во дворец Амина не набегаешься. Караульное помещение –внизу холма у большой асфальтовой площадки, дворец – на верху. А между ними сто двадцать ступенек временной крутой лестницы. Это очень и очень ощутимо физически. Автотранспорт забирается

на верхнюю стоянку к парадному входу по дороге-петле вокруг холма. Сверху чётко виден и просматривается Кабул. Сразу побывал у Иванова и представился ему в связи с началом уже связистских испытаний. Затем зашёл к операторам, уточнил сегодняшнюю обстановку с точки зрения наличия техники в частях. Если же машины где-то задействованы в операциях, то необходимо распорядиться об их возможном возвращении. Подготовил и отправил ещё одну кодограмму в Москву о состоянии дел и об отлёте бригады в Союз. Сижу у связистов в их общем кабинете, и целый день с майором дозваниваемся до частей, уточняя те сведения, что получили у операторов. Организуем, таким образом, день начала проведения испытаний и назначаем после всех согласований время «Ч». Для интереса могу вспомнить и символическую встречу в предбаннике командующего. Экипаж маршала Кутахова нас на борт не взял. Поэтому добирались в Кабул каждый по-своему. Кто-то с трудностями, как мы, а у кого-то всё было просто и спокойно, как положено по рангу. А вот равенство только в одном: встреча через день в одном и том же холле одинакова для всех. Во дворце живём встретился как-то с маршалом. Опять пришла в мою голову дурная мысль. Ведь, летя в Кабул, мог ли он забрать нас с собой, если бы я тогда решился найти его и осмелился обратиться с такой просьбой? Мне, кажется, что не отказал бы, тем более представителям центрального аппарата. Долетели бы быстрее одним бортом и гораздо раньше приступили к выполнению задания.

В этот день пришлось пообедать в главной столовой гарнизона, во дворце. Небольшой зальчик на пять-шесть четырёхместных столиков. Уютно, чисто и гораздо вкуснее, чем в ангаре. Однако отдохнуть после обеда здесь негде. Ведь в комнату в общежитие не пойдёшь – далеко. Так вот и передохнул немного, сидя на стуле в кабинете. Часа в два дня пронёсся очередной «афганец». Интереснейшее зрелище сверху из дворца! Город уже не виден и закрыт сплошным коричневым слоем пыли поверх ближайших всех городских домов. Минут через тридцать это кончилось, пыль села и опять открылась чёткая, ясная панorama города, вернее, ближайшей внизу глиниобитной части его. Крупных зданий в этой правительственной части города нет. Сам центр города далеко за горой и не виден отсюда, из окна третьего этажа. Вот появил-

ся и генерал Иванов. Повозмущался, побурчал насчёт этого «афганца», в который только что попал по дороге сюда. С большой долей беспокойства, но и иронии рассказал, между прочим, о только что виденной им в бригаде десантников захваченной где-то в качестве трофея американской «базуке». Вот и смеётся при этом – дескать, подходить к окну больше не будет, потому что такая пушка стреляет на два с половиной километра и запросто из неё можно врезать по окнам из-за ближайших дувалов. Но пока за всё время обстрела дворца не было. Дай-то Бог и дальше, чтоб так было!

Доложил генералу о проведённой подготовке. Принял всё без особых замечаний, и я ещё раз получил добро и поддержку. После этого у меня дел в штабе уже не было, надо убираться домой и отдохнуть за весь трудный день. В этот день появился у меня новый знакомый, тоже связист нашего отдела, вернувшийся из командировки майор Ковалёв. С ним за эти дни сошёлся очень тесно. Во многом помог мне по своей линии. Позднее свёл меня с офицером спецсвязи, и с его помощью я относительно свободнее общался с Москвой. Наконец, добрался до кровати, где с облегчением прилёг, и до ужина можно было и отдохнуть, и почитать прессу. В комнате постоянно есть газеты или ещё что-нибудь для чтения. Рассказали мне также, что во дворце есть кинозал и регулярно, как в Домах офицеров, показывают кинофильмы. В этот вечер демонстрировался как раз какой-то очередной фильм. Имея пропуск, опять полез в гору по ступенькам. Интересно было посмотреть обстановку, в которой шахи или короли смотрели кино. Действительно, во дворце был оборудован очень комфортабельный и уютный зал. В таком виде он был и при афганских правителях. Мероприятие внутреннее, вход бесплатный и каждый раз, при свободном, естественно, времени бывает кто-либо из командования. В общем, закрытый свой зал, и тем самым давался как бы закрытый сеанс для имеющих пропуска. С удовольствием посмотрел какой-то фильм, а главное, что отдохнул в мягким кресле. Но потом в темноте по щиколотку в пыли, не видя дороги, возвращались большой группой в модули. Это теперь касалось всех, так как офицеры и служащие живут в семи одинаковых модулях. Так гуськом и шли друг за другом, чтобы не сбиться с дороги. А перед сном обязательный последний перекур.

Прямо перед входом сделана удобная общая курилка со скамейками. Посидел, покуривая, с офицерами различных служб. Невольно прислушивался к их разговорам о том о сём. Получил кое-какую, но самую свежую информацию о делах в войсках Армии. Собственные мысли о деле не оставляли и меня в покое. Теперь эти несколько дней будет всё однообразно, но трудно физически. Хронологию в изложении теперь соблюдать, как мне кажется, не имеет смысла. Видимо, надо вспомнить только о том, об особом, что должно характеризовать в какой-то степени нашу работу, проделанную по улучшению технических и боевых возможностей техники. В таком подходе попытаюсь вспомнить всё самое любопытное, что было со мной в последующие дни. А их, по расчёту, должно быть двенадцать – пятнадцать. Времени хватает. Дней много, а быт, хоть и в штабе армии, совсем никудышный и не облегчающий их проживание. Телевизора в модулях нет, нет и в нашем Управлении. В этом плане оказалось совсем плохо – провал в информации. И, как оказалось, только кино спасало, хотя и не каждый день оно демонстрировалось, да ещё газета «Красная звезда». За эти дни рассчитался с ещё одной мучившей меня обязанностью, задачей, постоянно висевшей надо мной. В свободное после обеда время пошёл в военную прокуратуру, чтобы наконец-то передать ещё одну посыпочку сыну полковника Монахова – моего бывшего начальника и сейчас старшего товарища по работе в институте. Помещение прокуратуры оказалось буквально рядом, в одном здании с управлением тыла, но только с другого, отдельного входа. У них тоже пусто – офицеры в разъездах по гарнизонам. Солдат-дежурный проводил меня в кабинет прокурора, как представил его – полковника Малевича. Того тоже не было, но за него выполнял обязанности майор – тоже офицер прокуратуры. Он очень сожалел, что Игоря также не было на месте. Видимо, так его и не увижу. Поэтому посылку отдал майору и просил лично передать. Как уж там у него получится – не знаю. Надеюсь, что к концу работы я зайду к ним ещё, тем более что после пятнадцатиминутного разговора и знакомства с майором по-доброму расположились друг к другу. Визит мой закончился тем, что прокурор самолично пообещал позднее, ближе к моему отъезду, дать машину

и тем самым помочь съездить в город за покупками. А такая помощь многое значит в условиях Афганистана. Спасибо ему за предложение и помочь. Я такого, в принципе, даже и не мог предложить. Поблагодарил его и заверил, что обязательно обращусь в конце. Да и что мне ещё оставалось делать? При всём этом самое главное в том, что разделялся с посылкой, которую вот уже полмесяца не мог передать. Так и доложил потом по приезде Монахову.

22

Моя работа и оценка модернизации

Пришёл и мой день работы. Сразу после завтрака с моим куратором отправились в полк связи знакомиться с командованием и получать выделенную в моё распоряжение технику: стационарную с узла связи и на бронеобъекте. А жара всё усиливается, но надо лезть в гору где-то на окраине военного городка. На склоне горы вписалась небольшая площадка, на которую сумели затащить аппаратную Р-142 для обеспечения постоянной межгарнизонной связи. Вот её-то и выделили в моё распоряжение. Посидел какое-то время у солдат-радистов, поинтересовался их навыками, послушал качество связи с различными по дальности и направлениям гарнизонами. Ещё раньше взял в штабе топографическую карту и прикинул длины радиотрасс моих испытаний. Есть, конечно, и очень длинные трассы: например, до Шиндана семьсот километров, в то время как до Джалаабада на востоке – всего сто двадцать пять. Вот и необходимо тут ожидать различные нюансы в прохождении радиоволн и в оценке качества радиосвязи. Посмотрим, что получится при испытаниях. В этом и состоит главная задача. По записям в журнале радиста, что ведётся в аппаратной, худо-бедно в течение всех суток моего наблюдения связь была постоянно. Солдаты поработали, надо отметить, добросовестно и чётко. По крайней мере, в телеграфном режиме обмен запросами осуществлялся всегда. А вот телефонный режим надо исследовать тщательнее. Когда прихожу в аппаратную, понемногу начинаю брать инициативу на себя. Сам веду обмен и делаю по итогам протоколь-

ную запись. Вот так и просидел целых два дня и один вечер до двенадцати ночи. Информацию получил, запротоколировал, и теперь можно организовывать работу по проверке своих модернизированных машин. Для этого отдал распоряжение протянуть служебную телефонную линию связи между парком и горой, где стояла аппаратная. В случае непрохождения связи по радио необходимо было иметь всегда работающий обходной канал. То же приказал сделать и в частях. Но там это всё проще: машины располагались рядом и достаточно было голоса для управления. Раньше расписал методику испытаний для всех, а на практике это вылилось в моё собственное одиночное дежурство в машине в течение суток, правда в строго назначенные часы суток, обеспечивая испытания и в дневные и вочные часы. Конечно, были и незапланированные трудности. То возникали сложности с прохождением радиоволн, то вдруг заканчивался бензин в бензоагрегате и тогда терялось время на его дозаправку. Ну а в дальнейшем принял меры, чтобы промахов с горючим у нас не случалось. А уж днём сидеть и работать в объекте, когда за бронёй тридцать восемь – сорок градусов, совсем невыносимо. Рубашку, конечно, снял с себя, оголился до пояса. А вот брюки мои единственные пострадали здорово. При работе в скрюченном состоянии руки неизбежно лежали на коленях и весь пот ручьём стекал на брюки, расплываясь жировыми пятнами на пропылённой материи. Жалко, как помню, было – брюки единственные, стирке, видимо, они уже не подлежат. Так у меня и получилось на самом деле: ехал потом до самой Москвы в таком затрапезном виде. Здесь-то еще ничего, а впереди будет Ташкент, аэропорты двух столиц. Как помню, дошло до того, что, вернувшись домой, тут же без сожаления отнес их на помойку. Но по дороге домой мне было, конечно, очень стыдно за свой внешний вид. Мы же люди военные. Это вот такие были реальные материальные потери и расходы по командировке. Ещё раз можно вспомнить и оставленную в самолёте электробритву, и подаренные афганским ребятам почти новые сапоги. Да и командировочные деньги в рублях не восполняют необходимые траты на жизнь. Это я отметил только для того, чтобы был повод дальше немного побрюзжать. На фоне наших больших дел это, конечно, мелочи, но позднее стало немного обидно, что, кроме обычных команди-

ровочных сумм по Союзу и чеков за Афганистан, никаких «премиальных» или хотя бы поощрений не было. Такое небольшое отступление навеяла работа в такой вот жаре, исходя потом, когда проводил сеансы связи на дневных частотах. Подготовка и работа занимала много времени, так как надо было устанавливать радиосвязь с каждым своим корреспондентом отдельно и обмениваться для статистики необходимым объёмом информации. А корреспонденты у меня сидели по всей стране: в Кундузе, в Файзабаде, в Шинданде и в Джалалабаде. 180-й кабульский мотострелковый полк был рядом, под боком, и поэтому в испытаниях не участвовал. В бронеобъекте работу делал вдвоём с сержантом – начальником радиостанции, а точнее – командиром командно-штабной машины. Сержант выполнял подготовку аппаратуры: разворачивал антенны и обеспечивал безотказную работу бензоагрегата. В ходе испытаний со всеми гарнизонами хочу с удовольствием сказать, что всегда удавалось быстро связаться и получить допустимое по требованиям руководящих документов качество связи, несмотря на различные дальности радиотрасс. Удалось моим корреспондентам даже очень чётко выполнять команду по изменению направления излучения антенн. А проще говоря, по моей команде крутили объекты на одном месте то носом, то кормой в моём направлении. Старались делать так, как и были мною проинструктированы в своё время. Работа, в целом, получилась, и вроде бы ни разу не приходилось обращаться к помощи межгарнизонного узла связи. А это, естественно, говорит о надёжной и устойчивой связи во всё время сеансов, а значит, и о подтверждении теоретического замысла нашей совместной разработки и её исполнения заводчанами. За столом на обеде как-то неожиданно наконец увиделся с моим майором. Всё-таки попытался предложить ему помочь мне и подменить на некоторое время для получения собственного мнения. Чтобы, в конце концов, у нас была объективная коллективная оценка. Ему, видимо, где-то и не хотелось втягиваться и работать по-чёрному, да и вообще некогда, как сказал, по службе. Дипломатично разрешил довести дело до конца мне одному в том же очень и очень напряжённом режиме. Покрутили машины и обеспечивали радиосвязь, захватив ночные часы, до двадцати трёх часов с перерывом на ужин. Затем записал резуль-

таты и оформил черновик протокола. Дал по всем концам Афганистана общий отбой и со спокойной душой отправился на отдых сам.

23

Я заработался до того, что запутался в днях. Какой же пошёл день недели? Все здесь, правда, тоже особо не различают дней, работают по необходимости, а необходимость такая случается каждый день с утра до ночи и опять до утра. Но в воскресенье, чувствуется во всём, офицеры делают себе поблажку и стараются отдохнуть. Уже ведут в общежитии активные разговоры о бане. Кое-кто сумел достать спиртное, или же что-то было в запасе, и сумел слегка принять даже с утра. В штабах народу, видимо, очень мало, так как по модулю чувствуется, что многие подъём себе делают несколько позже, чтобы только-только успеть на завтрак. Да и в коридорах и около модулей, в курилке я вижу много явно не спешащих офицеров. Я тоже принял своё решение. После такой жаркой работы надо и себе организовать баньку. Мой новый местный друг от связистов майор Ковалёв по первой же моей просьбе обещал организовать помывку и сводить в какие-то будочки, в стороне от модулей, где организована общественная гарнизонная баня. Вот после обеда, по относительно небольшой жаре, и пошли с ним. Оказывается, что это вполне прилично сделанные душевые для всего городка. В этот день, к счастью, они работали. Но необходимо было выстоять небольшую очередь. С удовольствием помылся и сделал обязательную постирушку. В очень хорошем настроении, не спеша, с Ковалёвым вернулись в модуль. В нашей комнате кое-кто из офицеров уже был. Намечалось, судя по всему, застолье в честь дня рождения и будущего ордена одного подполковника, тоже нашего связиста. Как проживающий в этой комнате и состоящий в коллективе, я был тоже приглашён к столу. Вечер, с отличной по военной обстановке выпивкой и закуской, прошёл хорошо, в боевой настоящей компании. Ведь мы даже обмывали орден Красной Звезды этого подполковника. В этот первый год войны такое награждение случалось очень и очень редко. Перекуры, по местным

порядкам, делали в курилке перед модулем. Здесь, как потом убедился, до поздней ночи всегда кто-нибудь сидит и обсуждает самые животрепещущие темы. Самая свежая информация сегодня была о смерти майора-финансиста, только два дня назад прибывшего в Афганистан для дальнейшего прохождения службы. В новинку для своего организма, по такой жаре вместе с другими офицерами полез в гору в дворцовый бассейн, чтобы провести красиво выходной день. Для этого надо долго и высоко идти вверх. Вот с непривычки перегрелся на такой жаре. Стал назад спускаться – сердце не выдержало и умер на склоне. Вот так бывает. Я же до этого президентского бассейна, к сожалению, за всё время пребывания так и не добрался. Интересно, конечно, было бы посмотреть. Ведь это богатое сооружение сделано для отдыха царствующих особ. И мы туда же! Снизу, из городка, архитектура бассейна на фоне голубого неба смотрелась превосходно, ну прямо как что-то настоящее античное в воздухе. Один раз в курилке оказался и главный похоронщик в Афганистане – старший лейтенант. Заметил в разговоре, что в этот день зарегистрировал самого молодого погибшего – первого солдатика аж 1963 года рождения. Вот такие мальчики попадают сюда выполнять свой воинский долг и служат в этих сложных условиях. А ведь большинство и воюет, становясь участниками героических, а порой и трагических событий.

Ещё вспоминается один вечер: это уже происходило после окончания активной работы. Вспомнилось небольшое приключение в этой южной, азиатской экзотике, памятное для меня, как человека нового в таких условиях. Вот в этой большой комнате почему-то в тот вечер я был совсем один. Лежу поверх одеяла, читаю газету и кругом – тишина. Горит наш верхний свет в одну лампочку в 60 ватт. За открытым окном южное чёрное небо, и, как всегда, очень жарко, даже вечером. Поэтому-то окно и открыто. И как-то совпало по времени, что я бросил невзначай взгляд на окно. И в это самое время через раму снаружи появляется сначала одна мохнатая лапа, затем другая и потом полностью вылезает на подоконник ядовитая настоящая фаланга. Ещё секунда, и она падает внутрь комнаты на пол под первую кровать. И я это случайно увидел. А если бы не посмотрел в то время? Так и уползла бы в какую-нибудь постель

или ещё как-то проявила бы себя. Опасно! Коль я её увидел, надо было принимать меры и бороться. Стал искать, ползая на коленях. Нашёл её в темноте где-то под кроватью и слегка прибил. А уж потом выставил на всеобщее обозрение на столе. Моих местных хозяев этим, конечно, не испугаешь. Но интересно то, что всё-таки на полном серьёзе благодарили за бдительность. За это заработал даже сверхнормативную пачку сигарет «Столичные». Это было кстати, потому что с куревом у меня опять стало совсем плохо. Хотя и занял у Князева двадцать чеков, но тратить их просто так не хочу, только при крайней необходимости. Стрелять из ящика под кроватью становится совсем уж как-то неудобно. Но, однако, всё-таки иногда потаскиваю.

После проведения испытаний каждый день хожу, как на постоянное место службы, во дворец. Здесь поработал над «Отчётом» и «Актом проведения испытаний». Ну и просто здесь моё место до тех пор, пока не уеду. Поставил на документы гриф секретности. Завизировал у заместителя начальника штаба Армии и отдал машинисткам на перепечатку. С майором подписали документы и пошли на утверждение к генералу Иванову. Пришлось свою работу и похвалить скромно. Да и цифры подтверждают хороший результат. Генерал утвердил наши бумаги и от себя ещё заверил, что даст своё короткое положительное заключение. Офицерами управления связи это было сделано ещё при мне. Отзыв был бы довольно весомым кусочком в дальнейшем проведении и написании нашей ОКР (опытно-конструкторской работы).

Так вот и закончились все мои заботы. Даже стало как-то неудобно быть без дела. Но дни без забот, конечно, не проходят. На следующий день стал наступать на начальство, чтобы помогли получить раньше деньги и организовать мне поездку в Кабул по магазинам. Тут же встал, естественно, вопрос и об организации моего отлёта в Союз.

24

Разгрузка

Сегодня уже 6 июля. Выходит так, что целую неделю посвятил испытаниям. Со спокойной душой звоню в Москву ставшему полковни-

ком Смирнову и докладываю о сделанном деле и об общих результатах. Разговор шёл по ЗАС из кабинета Иванова, то есть с самого верха Группы войск. Получил добро на сборы и отлёт. А чего мне собираться? Я один и при мне также всего один чемодан. Плюс будет то, что удастся прикупить. На крупные покупки денег, конечно, нет. Это я имею в виду, прежде всего, ценные магнитофоны «Шарп», «Сони», «Аива». Единственное и главное, что давно запланировал и на что получил добрый совет от старшего лейтенанта Аушева: это буду покупать фирменную для моих голубых «Жигулей» магнитофонную вертушку. По совету Руслана – модель «Океан». Подсказал место, магазин и даже нарисовал план, где можно купить подешевле: а именно, на торговой площади Советского жилого микрорайона. Это уже известный в Союзе симпатичный аппарат. Цена ему, по-моему, приемлемая: две тысячи двести афгани, что в переводе составило по курсу двести двадцать наших чеков или рублей. На такую же цену и ориентировал меня Аушев. Остальные мои небольшие деньги пойдут на всякую мелочь: посмотрю по обстоятельствам. Но прежде всего надо заранее выбрать деньги. Ведь с этой целью не раз ходил в финчасть. Наконец, уважили меня и рассчитывают по 15 июля, то есть немножко пораньше. А вдруг улечу до срока? Что тогда? Будет переплата: драма, беда для государства? А если говорить точнее, то ни черта я не помню ни в отношении получения этих чеков, ни по мелочам других дел в те последние дни. Деньги получил и сразу побежал к Князеву в модуль отдавать свой долг, двадцать чеков. Отдаю бумажку, а он на полном серьёзе отказывается, считая это несущественной мелочью. Для него это действительно мелочь, но я всё-таки не польстился и сумел насилию отдать долг. Мелочь для него: старший офицер, служит долго и получает по триста шестьдесят чеков в месяц. В результате получается много, тем более что кадровые стараются здесь чеков не тратить, приберегая их для дома и семьи.

Как раз подошло воскресенье, и у всех офицеров определённая разрядка в работе. У связистов договорился о машине для поездки в город. Солнечно, хорошо, но с утра ещё не жарко. Давали нормальную машину, УАЗ-469-й, и часов в десять мы спланировали выехать. Назначили встречу у женского модуля, так как кто-то из жен-

ского персонала тоже настроился ехать за покупками. За компанию взяли и меня. А в итоге у нас получился полный экипаж, потому что ещё одна подруга пришла к машине. Вот я и оказался в приятной тесноте, зажатый между двумя девушками на заднем сидении. К этому мероприятию и одеться надо было соответственно. Взял у офицеров напрокат джинсы и какую-то застиранную футболку. Моё военное всё страшно грязное, ну и для безопасности тоже, хотя русскую физиономию видно издалека. Вся особенность пребывания здесь состоит в том, что невоенным (дипломатам, торговцам, инженерам и всяkim другим гражданским специалистам) на улицах города безопаснее. Помните тот разговор в агентстве «Ариана», когда оформлял билет Полякову? Ну и под этот внешний вид переоделся. За главного с нами едет старший лейтенант. Поехали. Он знал, куда ехать, куда нас везти. Сначала той же широкой и длинной главной улицей в город, затем по набережной безводной реки Кабул. Прежде всего заехали в торговый центр, где порой уочки были шириной около пяти метров от дома до дома. Многие товары лежали прямо на асфальте или висели снаружи на вешалках, крючках. На крючках, как правило, свежие открытые туши мяса, рыбы. Народ ходит прямо по коврам, и, вообще, идёт активная торговля. Даже наша маленькая машина в такую уочку практически въехать не может. Я же хочу только в микрорайон, но мои дамы имели свой план и туда не собирались. А мне-то надо туда, куда советовал Аушев! Приходится подчиняться коллективу, так как времени хватит, конечно, только обехать магазины на центральных улицах. Ещё одна маленькая, но принципиальная деталь нам здорово мешала: военным машинам по городу без дела болтаться запрещено, тем более длительное время стоять где-либо. И наш старший лейтенант серьёзно опасался нарваться на комендантскую службу. Поэтому, высадив нас у дверей какого-либо магазина, не оставался нас ожидать и для маскировки продолжал ездить по ближайшим уочкам круг за кругом, пока мы торговались в дукане. Маячить у магазина ему ну никак не хотелось. Прежде всего мы посетили магазины европейского типа: красивые современные витрины, реклама и услужливые продавцы. А я даже не побоялся и в одиночку зашёл (отлучился) в специализированный магазин радиоаппаратуры фирмы «Сони» с натуральными японскими продавцами. Пол-

но техники: вижу, стоит мой желанный «Океан», но гораздо дороже, чем я планировал. Попытался японца уговорить, поторговаться, но магазин не частный: не получилось. Мои дамы купили всё, что планировали. Я тоже немного потратился на косметику, но главное придётся покупать в другой раз: организовывать ещё одну, теперь личную, поездку. Кстати, маленькая справка: оказалось, что для таких покупок прямо у афганцев надо иметь в кармане афганские деньги – афгани. А у нас лишь чеки Внешторгбанка. Надо их где-то менять по рыночному курсу. Но ведь в банк специально не поедешь, где его искать, да и времени нет. Но эта проблема решается здесь, оказывается, элементарно. Наши старожилы уже знают точку в одной из узких улиц, где прямо у прилавка маленькой лавочонки оборотистый афганский торгаш с большой пачкой денег в руке тут же делает в уме перерасчёт и осчастливливает русских афганами. Видимо, всем это выгодно. Я тоже часть чеков поменял, и, как потом понял, не совсем удачно. При знании обстановки в других местах можно было бы договориться повыгоднее. Но это для меня выяснилось лишь во второй моей поездке, именно в торговый центр в Советском микрорайоне. Но чеков у меня тогда уже не было. Об этой поездке чуть ниже. Но, в принципе, об этом можно сказать уже и сейчас, так как идут мои последние дни пребывания в Кабуле. Особых деловых событий, как мне кажется, никаких не предвидится.

25

Вот для второй поездки мне пришлось вспомнить о личном приглашении прокурора и идти к нему в гости. Кровь из носа, а машина же мне нужна. На следующий день пошёл в прокуратуру, к Леониду Шкоде. Леонид ведь обещал машину и просил запросто обращаться. И надо бы воспользоваться таким расположением ко мне. В конце дня иду в этот уважаемый, непопулярный орган власти. К счастью, начальник был на месте. А вот Игорь Монахов ещё не приехал, а то бы с ним мне было гораздо проще. Он бы сам вывез меня в город. Но ничего, и сам Леонид оказался очень порядочным человеком и слово своё сдержал. Однако оказывается, что у него всего

одна-единственная машина. И это огромный «Урал». Её-то он мне и дал на завтра. С его помощью всё получилось вполне хорошо и организованно. Только плохо лишь то, что для таких узких местами уложек огромный «Урал» – техника неподходящая. Но что тут поделаешь: надеюсь справиться без приключений. Дело моё, правда, могло и сорваться, потому что поздно вечером на окраине «Тёплого Стана» было совершено вроде бы нападение и слышалась далёкая стрельба. Кое-кто из офицеров нашего модуля бегал на место перестрелки. Но быстро всё закончилось. Подробностей не знаю, так как разговоров потом особых не было. Поэтому в собственной голове возникли свои сомнения по поводу поездки: не закроют ли въезд-выезд через КПП на этот день. Но запрета не последовало. Шкода вписал мою фамилию в путевой лист, и я, опять в этих джинсах, в совершенно несолидном виде, самостоятельно в одиночку поехал в город на этой громадине. Вообще, веду себя так, как будто давно служу здесь и всё до скончания знаю. Как мне потом говорили товарищи, это был смелый и наглый поступок. Я и солдат – водитель машины ринулись через весь город в Советский микрорайон, на торговую площадь. Едем, газуем бензиновыми выхлопами. Вокруг машины все мелкие. Больше легковых, И, как всегда, на улицах много афганцев. В связи с такими трудностями у меня только одно теперь желание: ехать только в микрорайон и никуда более. Торговая площадь – это как у нас ярмарка: лотки, открытые палатки, палатки с закрытыми встроенным торговыми помещениями. Продают продукты, овощи, фрукты и промтовары – всё на одной площадке. Людей очень много, и все в постоянном движении. Настоящий базар. С большим переживанием и тревогой в душе оставил солдата одного в машине в ближайшем переулке и сам, такой же одинокий, без всякого оружия, начал бродить от палатки к палатке в поисках своего «Океана». В предыдущей поездке, ещё зимой, мне один магазин как магазин радиотоваров издалека показали. Сейчас с трудом, но всё-таки нашёл его. Афганец встретил очень учтиво и быстро выставил на прилавок товар. В магазине просто, как в палатке, но всё цивилизованно. Сделали проверку работоспособности, упаковали красиво и всё. И даже договорились о более низкой цене, за две тысячи афганей. Покупка состоялась, надо торопиться к машине.

Но какая-то мелочёвка в кармане ещё осталась. Купить по плану времени уже в обрез. Надо ухитриться сегодня торговые дела закончить либо организовывать с такими трудностями ещё одну поездку. А машину уже окружили пацаны. У всех товары, и совсем задёргали моего солдата. Налетели теперь на меня. Громко галдят, дёргают меня, предлагая товар. У одного была модная, симпатичная курточка, праздничная на вид: выходная, голубенькая, и с массой железок и молний. Привязался ко мне, почувствовал, должно быть, что я заинтересовался ею. После небольшого препирательства и торговли пацан сбросил цену точно в половину от начальной. Это меня доконало окончательно. И я всё-таки купил её, хотя и в этом случае, как я позднее понял, он без наваранеостался. Нокуртка, словусказать, оченьпришласьмнеподуше. И я, и сын ещё долго носили её по очереди. Но, однако, потом приценился и понял, что купил довольно дорого – за пятьсот афганей. Надул мальчишка, но это ведь восточный базар! Деньги же ещё тратить надо: опять оставил машину и вновь ринулся бродить по палаткам в поисках чего-либо оригинального. Наткнулся случайно и сразу решил купить чистое горное необработанное мумиё. Правда, какое оно – неизвестно. Но дёшево: какие-то копейки. Надо брать, может быть, когда-нибудь пригодится для лечения. Главное заключается в том, что мумиё настоящее афганское: прямо в кусках с гор. К этому меня подтолкнул пример Виктора из Файзабада. Тот, который строитель. Он при мне активно лечил свою язву и снабдил меня машинописными листами с рекомендациями по применению и дозировкой. Так что покупку делал со смыслом и далёким прицелом. А в качестве подарков взял несколько авторучек с золотым пером, и ещё кое-что. Чётко прикинул – есть кому дарить. Помню, что хотел также взять рубиновые бусы – национальное ювелирное изделие и гордость афганцев. Но торговец принципиально не стал снижать цену, даже символически. Но и я упёрся «рогом» и трижды ещё заглядывал в эту палатку. Вдруг сбросит цену? Поэтому такую красотищу из принципиальной своей дурости и упрямства так и не купил. Зато не пожадничал и взял комплектную двойную вещь: кулон с перстнем с профилем Нефертити. Какой-то металл с полным глубоким чернением. Превосходная оказалась вещь и до сих пор радует супругу. Все эти заходы и покупки делались практически бе-

гом по палаткам, так как чувство опасности и беспокойства было всегда. Увлекаться не надо и пора возвращаться домой. Тем более что главную задачу выполнили и денег практически не осталось. Про себя решил оставить примерно только чеков сорок – пятьдесят для Москвы, чтобы был повод посетить «Берёзку». Возвращаясь, проскочили через весь город благополучно. Никого не помяли. Сдал в парк машину, солдата. Пожал ему руку и купил в подарок сигарет, печенье. Ведь даже оказался символическим земляком, так как был направлен в Афганистан из Кантемировской дивизии, которая стоит в двадцати километрах от моей части и дома. На том мы, довольные, и расстались. Это было уже 13 июля. Теперь уже можно считать, что все дела здесь сделаны. Оставил только двадцать афганей на всякий случай на последнюю дорогу. Потом оказалось, что на них можно выпить только одну бутылочку «Фанты». Этой суммы даже не хватало на то, чтобы взять бутылку с собой в самолёт. Посуда дороже. Так что за такие деньги надо было пить на месте. Поэтому привёз эти две бумажки в Москву на память об Афганистане. Вечером полюбовался купленной игрушкой, упаковал вещи и приготовился к отлёту. А Ковалёв вечером принёс маленькую передачу для знакомой подруги, чтобы я из Москвы, для полной гарантии, отправил ей как презент. Наконец всё уложил, сборы закончились. Осталось завтра провести только организационный день: уточнить вопрос с отправкой меня на аэродром. А сейчас, наконец, можно хоть немного отдохнуть. Проводы без денег делать не буду, но доброе слово и спасибо связистам скажу за гостеприимство. За это время, естественно, совсем мало контактил с танкистами. Завтра зайду представиться с отъездом и к ним. А также договориться о машине на аэродром. Мой вылет назначен на 15-е число, как обещал начфину. Но как и на чём – никто пока сказать не осмеливается. К вечеру зайду ещё раз к Князеву: ведь за меня отвечают танкисты. Если ясности к тому времени не будет, поеду, как говорится, «на ура», рассчитывая на какой-нибудь регулярный рейс на Ташкент. Евдокимову было поручено отвезти меня на аэродром и обеспечить от имени командования, если потребуется, посадку в любой самолёт. И на этом закончить наши боевые дела.

Прощание и отлёт

Вот и наступило 15 июля. Конец, по визе, моего пребывания здесь, в Афганистане. Спокойно собравшись, после завтрака отправился в управление к танкистам, где, как и договорились, встретились с Евдокимовым. Тут же подошёл за нами и УАЗик. Заехали в мой модуль за вещами, а затем – прощай, гостеприимный «Тёплый Стан», дворец Амина! Едем на аэродром по уже знакомой Центральной авеню. Приехали на наш сборный пункт, к комендатуре. Сбросил меня Евдокимов, убедился, что самолёт стоит на старте. Пожали друг другу руки, и он спокойный убыл домой.

Желающих улететь в Союз оказалось, как всегда, много. И, конечно, традиционно народ совершенно разный. Много гражданских. Пришлось зарегистрироваться у майора-коменданта. Потом, как всегда, надо ждать, ждать. Обещают, по слухам, дать самолёт Ил-76, который мы сейчас видим на полосе. Борт транспортный. Ничего, больше возьмёт пассажиров. Погода сегодня очень хорошая, но, как всегда, жарко, за тридцать градусов. Многие прячутся в тень под специальными навесами со скамейками для отдыха. Заботливо сделано в комендатуре. Отезжающие сидят, гуляют вблизи, перекусывают чем Бог послал. Но все терпеливо ждут. Ведь каждому надо только вперёд: в Союз. А на аэродроме идёт своя бурная жизнь. Интересно наблюдать, особенно длительное время, за этой жизнью: взлёты, посадки самолётов различных гражданских иностранных авиакомпаний, наших боевых машин. Вообще, шуму много. Ил-76 действительно готовится к вылету, и где-то часам к двенадцати начинают организовывать какой-то порядок посадки: сначала всех офицеров, гражданских, а потом, по возможности, солдат и сержантов. Кому не хватит места – ждать отлёт до завтра. Такие, оказывается, уже есть и среди сегодняшней группы ожидающих солдат. Наконец, борт укомплектовали, взлетели и пошли на Ташкент. Сверху, как всегда, также красиво. На сей раз, вроде, не одурели от высоты. Посадка прошла благополучно на тот же аэродром «Восточный», мне уже хорошо знакомый. В Ташкенте сильная жара, но уже своя: липкая, мо-

края. Поместили в отстойник пропускного пункта ожидать таможенного и пограничного контроля. Сегодня долго ждать не пришлось. У таможенников кое у кого были неприятные минуты с провозимыми вещами. Я же прошёл всё быстро. Меня, с синим паспортом, даже не досматривали, ограничившись общим дежурным вопросом, и выпустили в Союз на все четыре стороны. Что делать мне теперь, отвечающему только за себя, на площади перед аэродромом? Что лучше? Быть здесь и ждать какой-либо служебный транспорт? Но это ведь не оборудованный никаким сервисом военный аэродром. Или же искать частника, такси, автобус до города? Бог знает, что предпочтительнее и быстрее. Тут же захотелось пить. Вопрос: а где? Таксисты хамят нагло: всех, кто оттуда, из Афганистана, везут только за чеки, да притом обдирают в тридорога. Подсказали добрые люди: доехал за госцену на рейсовом автобусе, по случаю проходящем как раз по улице, где размещается штаб округа. Очень удачно вышло для меня. Место мне давно известно: штаб округа знаю, а рядом должна быть гостиница. Но сегодня оказалось даже проще: проходная штаба рядом с остановкой. Прямо с вещами позвонил в управление, доложил о прилёте и просил помочи для устройства в гостиницу. Опять случай: на проводе оказался сам Виктор Гребнев и организацию моего размещения взял под личный контроль. Пока дошёл до неё, команда туда уже поступила. Меня приняли сразу, и я хорошо разместился. Номер двухместный. Кто будет в соседях, это другой вопрос. А первый: сколько придётся просидеть в Ташкенте? Пока это вообще неизвестно. Люди уже говорили, что уехать или улететь сейчас проблема. Народ по несколько дней сидит в аэропокзале, и в Европу нет билетов. Для левой оплаты за билеты здесь работают также лишь чеки. Мне же, конечно, улетать надо как можно быстрее, но, естественно, не за чеки. К тому же в моём просаленном и пропылённом обмундировании даже просто показываться в город просто стыдно. А мне необходимо ездить в аэропокзал за билетами, в таможню за оставленными там деньгами, заходить в управление за документами и для решения организационных вопросов. Да и, простите, просто хочется побывать в городе. Это же красивейший Ташкент! Ещё, когда улетал в Афганистан, у меня на таможенном пункте приняли на хранение за пере-

бор девяносто рублей. А провозить можно до тридцати. Негусто для офицера. И вот на них пока и живу первый день после прилёта. Только гостиницу хватило оплатить и покушать – не более того. Вопрос встаёт ребром: срочно надо ехать в таможню.

27

Вновь Ташкент

Вечером, приличия ради, позвонил Зинаиде Андреевне, чтобы передать привет от мамы. Она была дома и тотчас стала настойчиво требовать, чтобы я перебирался к ним на житьё. А уж заехать в гости – это понималось безоговорочно. Русская родня ещё никогда не была в этом Узбекистане. Живьём хоть поговорить со своими далёкими родственниками. Пообещал, конечно, если будет время, навестить их дом. В зависимости от получения билета на самолёт.

Как же я прожил все эти дни в Ташкенте? Попытаюсь вспомнить подробнее, так как походить и поездить по городу пришлось достаточно и впечатлений получилось много. Я всегда люблю новый для меня город, по возможности, обойти пешком. А уж на транспорте объехать обязательно.

Во-первых, вечером поехал в аэропорт и окунулся в толпу пытающихся уехать, точнее, улететь. Встретил многих с моего афганского самолёта. Просидели, бедняги, целый день на чемоданах в зале ожидания, не имея возможности отойти даже по срочным своим делам. И всё без толку. Рассказали мне обо всей неприглядной и неопределенной обстановке. Сам тоже немного потолкался у касс. Убедился, что всё очень глухо. Официально до среды уже на Москву ничего нет. Вот теперь мне надо крепко думать, как убираться отсюда. Не только думать, но и шевелиться для этого. Пока на вокзале находился и хожу здесь, надо сегодня же решить вопрос со своими девяноста рублями, теми, что забрала таможня по квитанции. Но время вечернее. Кто сейчас работает? Пошёл в таможню, вернее, еле разыскал эту «контору» в огромном зале аэропорта. Двери у них, естественно, оказались закрытыми. Решил проявить настойчивость и ра-

зобраться с этими таможенными делами всё-таки сегодня. Добрые люди подсказали, что деньги можно получить в зале контроля иностранных граждан. Нашёл и этот зал и, как белая ворона в своём грязном обмундировании, стал искать работников таможни. И всё это происходило среди чистых иностранцев. Здесь тоже сразу не получилось. Но потом опять по чьей-то доброй наводке нашёл нужного начальника, и мне из какой-то текущей кассы выдали, наконец, деньги, забрав, естественно, квитанцию. Пока крутился, заодно пришлось наблюдать, как небрежно и, кажется даже презрительно, наши контрольные службы обращались с афганскими пассажирами. А ведь их по числу было большинство в зале. Меня увиденное отношение в определённой степени покоробило. Для меня же всё это закончилось часов в девять вечера. Но мне же ещё предстоит через весь город ехать домой, в гостиницу. Опять долгий троллейбус, затем метро до «Лермонтовской», и в темноте, но спокойно, дошёл до своего нового дома. Погода же стоит превосходная. Тёплый, мягкий вечер и тёмные-тёмные улочки, довольно страшные и неуютные в этом районе. В номере уже был мой сосед, капитан пехоты, добирающийся после ранения и госпиталя опять в Афганистан, в свою часть. И у него тоже проблема номер один с отлётом, но, как ни странно, с отлётом даже туда, на войну. Уже несколько дней рано утром уезжает на «Восточный» для переклички по списку в очереди на отлёт. Долго уже здесь сидит, и перспективы будут только через несколько дней. Это уже хорошо, хотя накопилось у него большое опоздание. Это-то его беспокоит больше. Кое-что рассказал вечером о своих делах в Афганистане, о ранении. Конец разговору. Ему опять к проверке рано на аэродром. А я же смогу спокойно поспать в своём «отдельном номере». Вот и был подпрёр: на завтрак заготовить вчера себе ничего не успел. Но в коридоре говорят, что здесь есть какой-то буфет, который, однако, работает только рано утром. Про себя прикидываю, что всё-таки будет лучше по-хорошему выснуться.

На следующий день, сразу после кое-как организованного завтрака, отправился в бюро пропусков штаба округа. Наивно полагал, что я им нужен и сразу же пройду в управление для решения вопроса о моей отправке. Но там принять меня посчитали нецелесообразным и для встречи на проходную отрядили опять майора Гребнева, того самого

Виктора Алексеевича, который хорошо принимал нас в Кабуле и всегда организовывал крышу над головой и питание. Я уже говорил как-то, что, пока я работал в Шинданде, он заменился и получил должность в управлении вооружения округа. Тегло встретились, как старые знакомые. Рассказал мне о том, с какими трудностями пробирались домой челябинцы. Я доложил о своих делах в аэропорту, о практически нулевой обстановке с билетами на Москву. Выслушал меня, и отправился потом по начальству докладывать и решать, как быть со мной. Сумеют ли выделить (вырвать) билет из брони командующего? Понятно, что дело не быстро, но надо ждать. Я остался ожидать тут же на проходной. А на КПП, оказывается, работает парикмахерская. Успел за время ожидания привести в порядок голову и был этим очень доволен. За столько-то дней ведь совсем зарос. К тому же говорил уже, что и по обмундированию вид был тоже потрясающий. Для окружающих смотрелся как какой-то абориген в погонах, неизвестно откуда объявившийся. С одеждой же, главное с моими просалеными брюками, прекрасно понимаю: решения в Ташкенте не будет. Надо терпеть до Москвы.

Но вот опять появился Гребнев и сообщил, что распоряжение и заявка на мою фамилию сделаны военному коменданту по телефону. У того всё записано, и я могу ехать оформлять билет. Опять добираюсь трамваем через весь город в аэровокзал. У окошка коменданта, естественно, полно жаждущих. Но уже обед: святое дело для чиновников. Все в ожидании начальника. Появился майор, и, вроде, выясняется, что заявки-то на меня нет. Спорить и что-то доказывать ему бесполезно. Но я всё-таки стал качать права, ссылаясь на выделенную броню. Пригрозил звонком прямо командующему. Майор что-то, видимо, имеет своё на этот счёт. Но это на него повлияло, и сразу куда-то стал звонить. Решение в отношении меня прояснилось довольно быстро, но раньше 20-го числа билета всё равно нет. Остаётся соглашаться с этим. Получаю талон на рейс утром 20 июля и быстро-быстро перехожу рядом в кассу. Теперь уж всё идёт, как по маслу, – билет в руках. Сразу прикинул, что я, оказывается, буду предоставлен сам себе и, по сути дела, получил маленький отпуск. Уезжая из аэропорта, а это было уже в полдень, решил сразу же начать поближе знакомиться с городом. Прежде всего,

поехал на колхозный рынок, о котором мне сказали, что находится где-то рядом. Думалось, что это старинный знаменитый восточный, южный базар со своей экзотикой и я куплю что-нибудь себе из фруктов. А также похожу, посмотрю хвалёную экзотику. Действительно, рынок обнаружился в трёх-четырёх трамвайных остановках, в районе старых улиц из одноэтажных частных домиков с закрытыми внутренними двориками. Как ни странно, на рынке были уже дыни и арбузы. Но в целом пусто, потому что в другом месте города есть тот настоящий среднеазиатский базар. Если удастся, заеду туда обязательно. Ведь любопытно.

В рядах увидел какую-то длинную очередь. Народ стоит за красивым цветным индийским постельным полотном. Это было то, которое в Москве в дефиците. Цена приемлемая, и сразу захотелось сделать подарок семье и жене. Пришлось постоять в очереди, и вот обзавёлся приличным пакетом, неудобства из-за которого сопровождали меня потом до самого дома. Сейчас же с таким грузом я вынужден прямым ходом ехать в гостиницу, а потом уж надо было соображать где-то пообедать. Но я это прикинул на ходу и, приведя себя в порядок, пошёл в наше кафе, где зимой переживали землетрясение. Остаток дня провёл в гостинице у телевизора и отдыхал от хождений.

28

Что придумать на завтра? Конечно, надо побродить по городу со свободными руками и, может быть, что-нибудь вкусненького покушать из местной кулинарии. Так и сделал. Целый день провёл в городе. Но первым делом с бюро пропусков с утра позвонил в управление и доложил о времени моего отлёта. На городском канале увидел симпатичную чайхану-шашлычную. Столики стоят прямо у воды. Есть большой выбор покушать и выпить. Шашлык всё-таки куриный. Но есть плов, манты. Так что можно выбирать по желанию. Аппетит разгорелся нешуточный. Глаза разбегаются. И для этого пришлось некоторое время постоять в очереди. И это утром в рабочий день! Взял несколько палочек шашлыка. Оказалось, что куриное мясо в виде шашлыка очень вкусно. Покушал и был готов

к продолжению экскурсии. Затем оказался в каком-то современном микрорайоне. Потом в центре города, где землетрясение было самым сильным. А сейчас здесь разбита, на месте снесённых домов, огромная площадь в фонарях, фонтанах и с массой зелени. Тут же грандиозное здание государственного музея Ленина. А я к вечеру, прилично уставший, возвратился в гостиницу. Видимо, вечер снова будет у телевизора в холле.

На следующий день тот же распорядок: сосед едет на аэродром, а я – в город. Вынужденно бродил почти до вечера. Причина этому оригинальна и красива. Ещё утром из афиши узнал о предстоящем в этот день календарном футбольном матче на первенство СССР. Да ещё какой матч предстоял! Мне посчастливилось свою команду ЦСКА увидеть на выездной игре, чего бы никогда в жизни специально не получилось. Кстати, могу сказать, что у меня есть любовь и привычка в городах, где приходится бывать, интересоваться местным футболом любой лиги и стадионом. А тут популярный в стране стадион и его команда – знаменитый «Пахтакор». Ну как можно такое пропустить! Начало игры в восемнадцать часов, и к пяти часам, порасспрашивав людей, приехал к стадиону. Билет достал довольно легко, хотя матч для Ташкента был из разряда престижных. Болельщиков очень много. И, как всегда, красивый футбол на свежем воздухе, на ревущем стадионе создал хорошее настроение. Да и игра всех удовлетворила, кроме меня, потому что получилась боевая ничья – 1:1. Народ расходился со стадиона довольный. А тут и мне ещё пришлось прогуляться пешком до метро. Прямо, как у нас в Москве: везде у стадиона перекрыто движение транспорта. По дороге даже зашёл в магазин и кое-что купил себе на холостяцкий ужин. Поздно вечером из гостиницы, решив проявить уважение и тактичность, снова позвонил тёте Зине и тут же получил хороший выговор за то, что живу где-то на стороне, когда есть где можно остановиться, тем более у родных. Пообещал быть хорошим и завтра, 19 июля, в воскресенье, перебраться к ним домой, на бульвар Хмельницкого.

С раннего утра с тяжёлым чемоданом, с новым пакетом с определёнными трудностями добирался до нового места пребывания, потому что ехать надо было далеко, в самый центр города. С гостиницей рассчитался, получил нужные отчётные квитанции. Моему капитану тоже удалось сегодня улететь, и я пока в номере был один. Ну а в моей поездке к тёте Зине ориентировался только её объяснениями. Однако вспомнил свой приезд в 1967 году и дом нашёл быстро. Только во дворе дома немного поискал нужный подъезд. Бабуля сама открыла дверь и тут же крепко меня расцеловала. Бодрая, сухонькая, маленькая, но крепкая старушка. Она даже постарше мамы. Впоследствии убедился, что она ещё большая умница. Дома можно было увидеть ещё и Олю, её dochку, но пока дома её не было. Остальные дети разъехались по разным городам страны. Ольга даже в воскресенье была на работе. А работает она ответственным редактором на своём Центральном телевидении. При встрече тётя Зина сразу с любовью заговорила о маме, о том, что рада видеть меня, дорогого москвича из давно ею покинутой столицы. Тут же погнала меня освежиться в ванную. Квартира у них большая, старой сталинской постройки, с высокими потолками и очень удобная. Пришёл в себя и даже вздумал постирать брюки, но от этой мысли сразу же отказался, так как всё равно завтра самолёт. А уж дома выброшу в первый же мусорный бак в Кубинке – другого применения им уже нет. Самолёт у меня завтра утром, в семь часов с минутами. Автобус на аэродром уходит от вокзала, что оказалось почти рядом, по прямой по нашему бульвару. Бульвар Хмельницкого тянется непосредственно к району аэропорта. Вышло после переселения для меня всё гораздо удобнее, нежели в далёкой гостинице. Ну а сейчас будем праздновать встречу. Тётя Зина уже готовит праздничный обед, а я с её разрешения вышел на улицу посмотреть округу, а заодно необходимо купить положенный торт и бутылку сухого. Тем более что Олечка, а я с нею ещё не был знаком, тоже твёрдо обещала вернуться к обеду, часам к четырём быть дома. Пишу о последнем моём дне пребывания.

вания в Ташкенте и поймал себя на мысли о том, что перешёл уже на описание разных мелочей. Конечно, это мелочи по сравнению с тем, что мы делали, что было. Но сейчас только это заполняло последние мои дни в командировке. Дни проходят спокойно, в совсем другом ключе. И тоже были в чём-то для меня интересными. Такие встречи в другом конце страны с дорогими мне людьми много го стоят. Тем более что время идёт быстро, и вот дяди Бори уже нет, а в предыдущий мой приезд все были на месте. Думаю, что надо коротко рассказать и о том, что было и в этот последний день. Собственно говоря, и без этой ссылки я уже почти весь «ташкентский период» рассказал с так называемыми мелочами и подробностями. Поэтому, преодолевая нетерпение возможного читателя, продолжаю о мелочах. Часа два – это время, на которое меня отпустила тётушка, – гулял по их округе. У них старая, но не древняя, и красивая современная часть города. Улицы московского и ленинградского типа. Дома, как в любом городе, стоят впритык, и почти в каждом различные магазины. В одном из магазинов купил всё, что планировал. А вот уж потом на лотке, развернутом около рыболовки, увидел распродажу свежего карпа. И так страшно захотелось жареной рыбки. Купил одну большую рыбину и торжественно за хвост принёс домой и преподнёс тёте Зине. При уже приготовленном обеде это было немного лишним. Она стала сопротивляться, но я настойчиво попросил ещё и пожарить рыбу в нагрузку. Уж очень хотелось, и я тут же сам стал её чистить.

Пришла Оля. Познакомились! Обед получился на славу, и закончили его чаепитием зелёного чая по-узбекски из фарфоровых пиал. И хотя чай был круто горяч, в пиалах этого не чувствовалось. Сам зелёный чай здорово облегчал самочувствие в такую влажную жару. Так, оказывается, и положено его пить – маленькими глотками, постоянно доливая пиалу до половины. В комнате у них стоит кондиционер, и от него при высокой влажности было очень и очень свежо. После такого вкусного обеда, и тем более свежей рыбки, состояние моё было отличное, но немедленно требующее отдыха. Однако часов в семь раздался телефонный звонок. Звонили лучшие Олины друзья и просили срочно к ним прийти. Ольга забрала к ним и меня с хорошей целью: спокойно пешком прогуляться по городу, посмотреть его и поговорить спокойно. Друзья её жи-

вут не так уж далеко, и прогулка через зелёный парк вдоль большого канала вышла отличной. Всё у них в доме было очень мило. Люди в таком же возрасте: открытые и доверчивые русские интеллигенты. Очень хорошо за бокалом местного вина и опять же с чаем пообщались, поговорили. Это был такой же малогабаритный, блочный дом, каких в то время много построили в Москве и в других городах. И Ташкент не избежал такого бума. Вот и я сижу в квартире, ну прямо как в Москве. Часов в десять рас прощались, и Оля, держа меня крепко под руку, опять пешком повела домой. Стояла уже чёрная, южная темнота, особенно в совсем неосвещённом парке. Справа, заросший частым, густым кустарником, – крутой обрыв в канал. Громко шумит где-то внизу вода, даже стало страшновато. Ведь Ташкент очень известный в неблагополучном криминальном плане город в СССР. Да мне и в гостинице какие-то страсти порассказывали. Вдруг слева сбоку за деревьями открылось какое-то солидное строение. Особняк за очень серьёзным забором, мощными воротами и весь в красивых фонарях внутри на территории. Оля поведала мне по секрету, что это правительственный особняк – резиденция самого Раширова. И, естественно, находится под серьёзной охраной. Пока выбирались на уличный свет, у меня лично в душе что-то было довольно неприятно. Держался за Ольгу или уж она за меня – трудно сказать. Но виду никто не подавал. Оля бодро и за разговором вела меня, и вскоре вышли на свет, на центральную улицу. А там уже было рядом и до дома. Тётя Зина беспокоилась, ждала нас, и потом уже в который раз сегодня пили вкусный чай. Разговоры разговорами, но пора мне и на боковую: ведь завтра очень рано утром вылет. Уложили меня спать культурненько в мягкую постельку в отдельной комнате. Было уютно и хорошо мне. Даже подумалось ещё раз перед засыпанием: дурак, ну чего же сразу не принял приглашение и не приехал к ним.

Утром, как и обещала, в нужное время зашла Оля и разбудила меня. Так уж очень не хотелось уходить из этого уюта. Накормили завтраком, напоили. Тётя Зина проводила до дверей и в который раз просила передавать привет маме и поцеловать её. Всё. Оля в эти шесть часов утра вышла со мной на бульвар ловить такси и проводить. Ожидание машины получилось очень коротким. Рас прощались мы тепло, даже со слезой на глазах, поцеловались, как поло-

жено, и я понёсся в аэровокзал, до которого на такси оказалось ну совсем, совсем близко.

Теперь, после того как прошёл регистрацию и занял место в самолёте, твёрдо могу сказать: улечу отсюда, командировка закончилась и конец моей личной эпопеи в Афганистане. Впереди через три с половиной часа будет приземление в Москве.

Внуково приняло меня мягко. Весь день ешё впереди, и спокойно через Одинцово добрался до Кубинки. Радости дома было много, что вернулся живой и здоровый. Жена дома, подарки к месту. Целых пятьдесят три дня отсутствовал. Завтра же выйду на службу, доложу полковнику А.А. Белякову. Осталось только отчитаться за все дела в управлении. Надо собрать документы и потом ехать в Москву, в ГБТУ. На службе, в отделе моё непосредственное начальство заинтересованно заслушало меня, Большое же даже не только не вызвало, но, видимо, не придавало особого значения поездке. А ведь задача была всё-таки ответственной и первый офицер нашего института так много времени провёл в Афганистане. И, как я понимаю теперь про себя, к стыдобе всеобщей, как говорили некоторые товарищи, никто не догадался разрешить мне небольшой отдых и дня три побывать с семьёй. Ну что ж, таковы у меня начальники. Отдохну морально по ходу работы в лаборатории, над текущей научной тематикой, которая ни на мысль, ни на букву не подвинулась, пока совершил перелёты над Афганистаном. Следует сказать, что и ранее установленные сроки исполнения этих тем тоже не изменились. Вот так!

По данной работе: нашу общую разработку усилиями всех соисполнителей предстоит довести до уровня государственных испытаний с возможной перспективой приёмки этого варианта модернизации техники связи на вооружение Сухопутных войск Советской Армии. И такое завершение дела в будущем, возможно, опять и меня коснётся. В ближайшие сроки буду ожидать поступления из 40-й Армии моих секретных материалов по испытаниям, отзыва генерала Иванова. Вот тогда можно будет сказать: всё, конец делу. Конец окончательный.

Кабул – Москва.
1981–1997 гг.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

ЗИМА	3
Москва	3
Гостеприимный Челябинск	7
Ташкент	14
Наконец в Кабул	19
Баграм — Кундуз	30
Файзабад	32
Неуютный Кундуз	44
Как же улететь?	56
В Кабуле	59
С Новым 1981 годом!	63
Субтропики Джелалабада	66
Снова дома в Кабуле	77
Летели а Ташкент, но оказались в Каршах	83
Москва, Кубинка	90

Часть вторая

ЛЕТО	97
Москва—Челябинск—Ташкент	97
Опять Кабул — штаб 40-й	100
В 180-м гвардейском полку	101
В Шинданд	121
Свой борт	124
Шинданд — это пекло	127
Отоварились	134
Немного о быте	137
Возвращение в Кабул	139
Последние дни бригады	144
Мой новый коллектив	147
Моя работа и оценка модернизации	152
Разгрузка	158
Прощание и отлёт	164
Вновь Ташкент	166

Литературно-художественное издание

ДУШИН Владимир

Афганские перелёты

Спецкомандировка в действующую 40-ю Армию в ДРА

В.А. Черников (вёрстка)
С.Г. Павлов (дизайн обложки)
О.Н. Гнеушева (корректура)

Издатель: ООО «ТПП-Информ»

127055, г. Москва, 2-й Лесной пер., д. 10
Тел.: (495) 620-03-61
E-mail: press@tpp-inform.ru
www.tpp-inform.ru

Подписано в печать 05.02.2013. Формат 60x90/16.
Печать офсетная. Печ. л 11. Тираж 150 экз. Заказ № 3.

Отпечатано в типографии ООО «Медиа-Гранд».
132900, Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Луговая, д. 7.

Душин Владимир Николаевич

подполковник в отставке,
ветеран боевых действий в Афганистане

Родился в 1936 году в Москве.
Окончил 10 классов мужской средней школы.
Добровольно поступил в Горьковское военное
училище связи и с отличием его окончил 1957 году
по специальности «эксплуатация и ремонт средств
связи бронетанковых войск».
В Вооруженных силах СССР прослужил 33 года.
Обеспечивал техническую исправность радиосредств
полков и дивизий Советской Армии. Проводил
испытания и давал оценку качества средств
радиосвязи объектов бронетанковой техники
Сухопутных войск.
В период службы в Заполярье заочно окончил
Всесоюзный электротехнический институт связи.
В ходе войны в Афганистане неоднократно
командировался со спецзаданием в 40-ю Армию
в ДРА для практического решения проблем радиосвязи.
Возглавлял рабочую группу и проведение работ
по модернизации и испытанию боевой техники.
Об этом этапе своей деятельности пишет
в воспоминаниях.
Завершающий период службы проходил в
Научно-исследовательском испытательном институте
бронетанковой техники Министерства обороны СССР
в должности старшего научного сотрудника-начальника
лаборатории.
После увольнения в запас в течение 10 лет продолжал
работу по созданию средств связи в оборонной
промышленности. Член афганского патриотического
объединения «Панджшер» Южного административного
округа Москвы. Принимает активное участие
в патриотическом воспитании школьников.
Женат, сын-офицер пограничных войск России.